

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 6, 2013

*Оргоружие
Анонимная война
Метафизика истории*

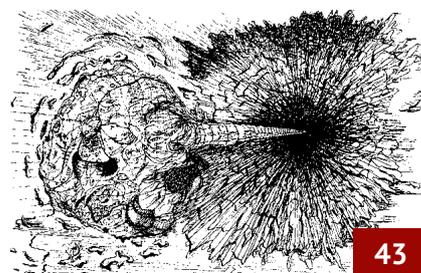
Испепелённый разум

Революция роз

Содержание:

- 2** Ахмадинежад в Изборском клубе
- 6** Александр ПРОХАНОВ.
Икона Приднестровья
- 8** Изборский клуб в Тирасполе
(из выступлений в Приднестровском госуниверситете 15 июня 2013 г.)
- 18** Виталий АВЕРЬЯНОВ.
Изборский клуб и главный вопрос эпохи
- 28** Метафизика русской истории
(круглые столы в Изборском клубе)
- 42** Копьё Пересвета
- 43** Владимир ОВЧИНСКИЙ, Игорь СУНДИЕВ.
Организационное оружие
(аналитический доклад)
Часть 1. Понятие и генезис организационного оружия (стр. 43)
Часть 2. «Цветная революция» как система технологий применения оргорулия (стр. 46)
Часть 3. Методы противодействия технологиям «цветных революций» (стр. 56)
Заключение (стр. 59)
- 60** Константин ЧЕРЕМНЫХ, Маринэ ВОСКАНЯН /
Под ред. А.Б. КОБЯКОВА
Анонимная война
(экспертный доклад)
Введение (стр. 60)
Часть 1. Феноменология нового бунта (стр. 62)
Часть 2. Мировоззренческие источники и составные части (стр. 65)
Часть 3. Интернет и индивидуальное мышление (стр. 75)
Часть 4. Машина манипуляции (стр. 83)
Часть 5. «Ружьё на стене» (стр. 89)
- 94** Шамиль СУЛТАНОВ.
Стратегическое мышление и организационное оружие
- 104** Валерий КОРОВИН.
Россия в сетевой войне
- 110** Александр ПРОХАНОВ.
Ликующий корабль
- 114** Библиотекарь
- 116** Хронология мероприятий клуба
- 117** Татьяна Глушкова. **Поэзия последнего срока.** Стихи
(Вступительная статья Владимира БОНДАРЕНКО)

Общественно политический журнал «Изборский клуб» № 6, 2013 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

1–4-я обложки – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна.

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 24.07.2013

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 1250

Ахмадинежад в Изборском клубе

В Москве с визитом находился президент Исламской Республики Иран Махмуд Ахмадинежад. Члены Изборского клуба были приглашены на встречу с президентом и имели возможность задать ему ряд вопросов.

Президент Махмуд АХМАДИНЕЖАД: Я выражаю глубокое удовлетворение по поводу того, что наша встреча состоялась. Не сомневаюсь, что она будет эффективной и полезной для наших стран. Хотелось бы очень кратко коснуться одного момента.

Мы, Россия и Иран, должны действовать сообща для создания будущего, лучшего, нежели нынешний, мира. Этот мир будет наполнен справедливостью, красотой и взаимопониманием. В нём будут учтены права всех народов и всех стран. Для этого необходимо сотрудничество и участие всех стран и всех народов. Необходимо, чтобы воля, мышление, мечта всех народов были соединены и направлены в одну сторону – сторону справедливого мира. Противоречия и разногласия должны разрешаться путём дружбы исходя из принципа справедливости. Мы хотим преодолеть те факторы в современном развитии, которые создают для отдельных стран особые предпочтения, особые дивиденды и особые возможности в ущерб другим. Для этого нет иного пути, нежели совместное сотрудничество и единомыслие. И мы исходим из того, что современное общество движется именно в эту сторону, обретая глобальную форму и глобальное содержание.

И я готов выслушать ваши вопросы.

Александр ПРОХАНОВ: Господин президент, мы счастливы видеть вас, счастливы видеть ваше лицо и выражение ваших глаз. Мы знаем, что вы не просто политик — вы поэт и мистик. Вы понимаете, что история вершится не только на земле, но и на небесах. Понимание этого помогает вам постоянно выигрывать. Мир меняет кожу как змея. Старые представления умирают у нас на глазах, а новые нарождаются. Иран предлагает миру новую ослепительную модель, в которой господствует принцип божественной справедливости. И это драгоценный вклад иранской цивилизации в современное развитие, быть может, гораздо более значительный и величественный, чем вклад ядерных физиков и ракетных технологов.

Россия после потрясений двадцатилетней давности вновь набирает силы, начинает осмысленно смотреть как на землю, так и на небо. Мы стремимся создать Евразийский союз. Президент Путин сказал, что этот союз должен простираться от Лиссабона до Владивостока. Мы добавляем, что он должен простираться от Тегерана до Северного полюса.

Как вы полагаете, господин президент, в современной схватке космогонических концепций какую роль должна играть Россия, с какой основополагающей идеей она должна выступить на авансцену истории?

М.А: Благодарю вас, господин Проханов, за ваши доброе отношение ко мне и слова радушия, которые высказали. Россия и Иран связаны друг с другом по крайней мере по двум векторам развития. Первый вектор — географический. Мы все принадлежим к восточной культуре.

И второй — это человеческий вектор. Мы считаем, что мышление, которое господствует в России, и мышление,

которое господствует в Иране, помимо того что имеют общее политическое направление, имеют и общее человеческое направление.

Вы справедливо отметили: мы нуждаемся в больших переменах, происходящих в мире. Тот мировой порядок, который существует на земле более 400 лет, уже не отвечает человеческим надеждам, чаяниям и потребностям. Но, быть может, изменения, которые мы хотим произвести в этом отставшем и устаревшем мировом порядке, надо начинать с самого человека.

Существуют группы людей, которые уповают только на материальное существование, на материальные ценности. И им кажется, что чем большим количеством этих ценностей они владеют, тем в большей степени возвышаются над другими людьми.

Эти люди рассматривают остальных людей не просто как конкурентов, действующих наряду с ними в материальном мире, но даже как врагов. И человеческое счастье ими трактуется как победа над ближними, как поражение своих соперников.

Мы считаем, что это рабовладельческое мышление. Оно досталось человечеству из глубокого прошлого и, к сожалению, во многом господствует по сей день. Эти люди видят источники своего процветания в нищете других людей. Они возвышаются и самоутверждаются на оскорблении и унижении других.

Но существует иное мышление, и оно способно изменить сегодняшний порядок. Если люди перестанут смотреть друг на друга как на конкурентов или на врагов, то в итоге мы будем иметь совсем другой мир. Вся драма, вся проблематика современного мира — это результат античеловеческого сознания, которое господствует в узкой группе людей. Изменить современный мир — не значит установить в этом мире новые союзы и отношения. Если мы будем лишь создавать новые международные организации, новые блоки, то ничего существенного не произойдёт. Возможно, в результате этого будут перемещаться центры сил. Но человеческая общность, само человечество от этого не улучшатся. Нам необходимо менять основу человеческого мышления. И тогда новая организация, новые блоки, новые межгосударственные отношения будут складываться на основе других критериев, выработанных в глубине человеческого сознания. Я солидарен с вашими постулатами, согласно которым Евразийский союз будет простираться от Лиссабона до Владивостока и от Тегерана до Северного полюса. Хотелось бы расширить пространство этого союза. Поэтому пусть он простирается от Южной Африки до Северного полюса и от Сан-Франциско до Дальнего Востока. А также духовно пусть он простирается от земли до небес.

В основе мира лежит человек, его духовная чистота, его любовь, его искренность и вера. Человек не может достигнуть успеха без слияния с небом. Бог, который сотворил человека, определил дорогу для его благоденствия и счастья. И в этом Иран и Россия — союзники и единомышленники.

Александр ДУГИН: Господин президент, я являюсь лидером общественного движения, связанного с евразийской культурой, и автором политологического учения, именуемого «Ось Москва — Тегеран».

Я бы хотел обратить ваше внимание на пять уровней нашего сотрудничества. Первый — геополитический уровень. У России и Ирана полное совпадение стратегического направления в Каспийском регионе, Центральной Азии и на Кавказе, а также на Ближнем Востоке, что мы видим по ситуации в Сирии. Наши стратегические интересы практически идентичны. Каждая из наших стран, решая свои собственные задачи, автоматически помогает другой стране.

Второй вопрос — «многополярный мир». На уровне теории международных отношений и Россия, и Иран видят своё будущее только в условиях многополярности. На этом базируется солидарность вас, господин президент, и президента Путина в критике однополярного проамериканского мира.

Третий уровень — уровень идеологический. Если мы попробуем оценить политическую идеологию современного Ирана, увидим, что это не либерализм, не коммунизм, не национализм. Это то, что можно назвать иранской версией четвёртой политической теории. (Моя книга «Четвёртая политическая теория» только что вышла на фарси в Иране.)

Это нас сближает, потому что и в России мы уходим от либерализма, от коммунизма, от национализма.

Четвёртый пункт — экономическое сотрудничество. У нас есть общий взгляд на подрыв империалистической гегемонии доллара, а также поддержки экономической, энергетической программы Ирана, в частности, реализуемой на иранской атомной электростанции в Бушере. Россия заинтересована в прорыве экономической блокады, сложившейся вокруг Ирана, и экономической помощи Ирану.

И последнее. Когда мы с коллегами в прошлом году посетили священный город Кум и разговаривали с аятоллой Шейхом Хусейном Нури Хамадани, он произнёс очень важную фразу, что иранцев-шиитов и русских православных объединяет «культура ожидания». Культура ожидания определяет сущность духовных устремлений наших двух народов. Мы ждём лучшего мира и настроены решительно бороться с тем злом, что вокруг нас.

Благодарю вас за внимание.

М.А.: Благодарю вас, господин Дугин. У вас, как и у господина Проханова, очень высокая оценка моей персоны.

Я со всеми вашими идеями согласен. Мы обречены быть вместе, у нас нет иного выхода. С географической, с исторической точки зрения мы являемся союзниками. Любое расхождение между нами играет на пользу нашим врагам. Наши противники были бы рады видеть какие-либо разногласия между нами. Мы должны использовать факторы, сближающие нас. Я полагаю, что четыре первых обозначенных вами пункта мы можем объединить в один общий пункт. Пятый пункт относится к миру идеальному, он связан с нашим представлением

о будущем. Ожидание чудесного благополучного будущего зиждется в природе человека, находится внутри человеческого сердца. Если бы у человека не было надежды на лучшее будущее, то и не было бы стимула для существования. Это лучшее будущее наступит в том случае, когда по всему миру распространятся чистота и справедливость.

Вопрос в том, кто может создать мир, исполненный чистоты и справедливости? Разве те, кто сам является воплощением несправедливости, могут создавать справедливый мир? Этим преобразованием должны заниматься люди, которые исповедуют принцип справедливости и духовной чистоты. Такой идеальный светоносный человек возможен. И все пророки указывали на возможность такого человека.

Однажды во время заседания Организации Объединённых Наций в разговоре с одним из членов этой организации я затронул тему «культуры ожидания». Он представлял Соединённые Штаты Америки, но был индийцем по рождению. Он сказал, что в исторической культуре индийцев есть такое представление, как культура ожидания. Мы ожидаем Спасителя. Такой человек появится и спасёт, изменит мир. Это взгляд на культуру ожидания человека буддийской культуры.

Я хочу сказать, что культура ожидания свойственна человеку вообще, и эти глубинные представления объединяют всех нас — всех, живущих в этом мире. Мы считаем, что человеческие свойства, находящиеся в глубине этих ожиданий, уже реализуются, уже находятся в действии, уже присутствуют в этом мире. Человек с чистыми помыслами, с надеждой на преображение мира, человек, преобразующий мир, поддерживается Всевышним, и его помыслы направляются Всевышним.

Именно это предопределяет общий для Ирана и России взгляд на международный порядок и на международную политику. Я полагаю, что нам эти идеи надо проработать в кругу глубоких учёных-мыслителей. Чтобы культура ожидания была тем полем, которое объединяло бы все народы и всех политиков.

Сегодня в мире очень много международных структур: Организация Объединённых Наций, Всемирный банк, всевозможные комиссии по правам человека... Но наряду с этими структурами можно было бы подумать о создании структуры, которая формулирует образ полноценного, всеохватывающего человека. И тогда идеи подавления, превосходства, одностороннего доминирования не выдержат моральной критики. Мы — Иран и Россия — могли бы работать вместе над созданием этой структуры, этого идеального проекта. Чтобы российские и иранские учёные работали совместно в этой идеальной духовной области. И я готов поддержать такую идею. Это и станет тем, что называется совместным управлением миром. Пусть сначала возникнут духовное поле, духовная теория. И на основании этой теории мы будем формировать новый мировой порядок. Пускай

■ господин посол Ирана в России займётся этой идеей. Мы со своей стороны готовы взять на себя издержки.

Шамиль СУЛТАНОВ: Господин президент, я исхожу из того, что время правления президента Махмуда Ахмадинежада войдёт в историю как этап, когда Исламская Республика Иран превратилась в региональную супердержаву. Среди профессионалов это достаточно распространённая точка зрения. И я считаю, что главной причиной успеха Исламской Республики Иран является такой специфический феномен, как политическая воля. Эта воля проявляется и на уровне президента, и на уровне духовенства, и на уровне иранских элит, и на уровне всего народа. Сегодня в мире нет страны, которая могла бы сравниться по наличию политической воли с Исламской Республикой Иран.

Мой вопрос такой: как вы считаете, господин президент, что является основой этой комплексной системы воли — религия, традиции, заветы Аятоллы Хомейни, особое качество постреволюционной элиты? Или на это действуют условия постоянной борьбы, в которой Иран пребывает непрерывно в течение последних тридцати лет? В чём главный источник этой воли?

Я был в Иране и замечал, что количество харизматичных лидеров — в регионах, в аппарате, в корпорациях — намного превышает наличие харизматичных лидеров на Западе. В чём ваш секрет, господин президент?

М. А.: Благодарю за вопрос, господин Султанов. Все те составляющие, на которые вы указали, присутствуют в формировании национальной воли. У этой воли есть истоки в историческом прошлом Ирана: в нашей цивилизации, в нашей культуре. Мы полагаем, что народы, которые формировались в течение длительного исторического времени, в той или иной степени обладают этими волевыми качествами. К таким народам, конечно, относится и Россия.

В истории наших народов было очень много трагедий, исторических препятствий, бед. Мы были подвергнуты великим испытаниям. И если мы уцелели как народы, как цивилизации, это объясняется наличием в наших народах этой исторической воли. Конечно, Иран имеет свою специфику. Эта специфика связана с великой иранской культурой, которая обнаружилась на ранних этапах возникновения нашего государства. Не военные, не силовые аспекты, а именно культурные. Это же можно сказать и о России. Мы считаем, что Иран и Россия — это столпы мировой цивилизации.

Если силы зла объединят свою мощь, свои военные силовые факторы и направят их на Россию, они всё равно не в состоянии стереть Россию с карты мира, что было не раз подтверждено историей. Потому что русский народ — это народ глубокой укоренённой культуры, великой цивилизации.

То же самое и Иран. Воля иранского народа к историческому творчеству неодолима.

/ Александр ПРОХАНОВ /

Икона Приднестровья

Изборский клуб побывал в Приднестровье. Как будто вчера здесь грохотали орудия, стреляли молдавские снайперы, лежали на улицах среди цветущих газонов убитые. Катили громадные, сваренные из стальных листов броневики, напоминавшие чудовищных динозавров. Школьники с выпускного вечера на грузовиках направлялись на фронт. Сражался батальон «Днестр». Казаки занимали оборону под Рыбницей. Академик Игорь Шафа-

ревич шёл по Дубоссарской плотине навстречу молдавским стрелкам. Хоронили убитых. И генерал Макашов двигался по окопам, помогая приднестровцам организовать оборону.

Это было героическое и горькое время. Распалась громадная Красная империя. Из неё вываливались уродливые нелепые ломти. И каждый отрекался от Советского Союза, предавал идеалы великой страны, выпадал из империи, как выпадают камни из башни, превращая её в руины.

И только Приднестровье — крохотный ломтик громадного государства, малый лепесток былого цветка — не отрелось от идеалов прекрасной страны, сражалось с захватчиками, как бился малый партизанский отряд.

Приднестровье выиграло этот бой. Отстояло свою независимость, сложилось в героическое государство: непризнанное, поругаемое, но не сдавшееся оккупантам. Как Северная Осетия и Абхазия, которые, пройдя сквозь все

испытания и горе, добились независимости и признания. Это было поколение борцов и героев, сплотившихся вокруг президента Игоря Смирнова, отважного Владимира Антюфеева, казачьих атаманов, директоров заводов, народных вождей и командиров. Приднестровье стало иконой, на которую по сей день молятся патриоты России.

Иные времена — иные песни. У Приднестровья новый президент — Евгений Васильевич Шевчук. Новая молодая элита: дипломаты, управленцы, военные. Пушки молчат, но Молдова всё так же жадно глядит на трубы приднестровских заводов. Румыния, стремясь поглотить Молдову, рассматривает Приднестровье как часть своего будущего объединённого государства. Не имея прямой границы с Россией, гранича с Украиной и Молдовой, Приднестровье, как и прежде, испытывает давление на свою экономику, финансы, коммуникации. России ещё удаётся поставлять Приднестровью газ, вкладывать деньги в строительство детских садов, школ и больниц. Однако блокада медленно, но неуклонно сжимается. Евросоюз и НАТО давят на Приднестровье всей мощью своей экономики, военной политики, информационными технологиями.

Приднестровье, драгоценная часть русского мира, взирая на Россию, ждёт от неё немедленной помощи. Евразийская идея, грядущий Евразийский союз стали и национальной идеей Приднестровья. Туда устремлена воля её президента, экономистов, политиков. Как, оставаясь непризнанной республикой, найти своё место в Евразийском союзе? Как разорвать блокаду, которая приводит к угасанию промышленности, оттоку населения, регрессивным настроениям? Как включить Приднестровье в русское развитие? Соединить две эти разорванные части русского мира: крохотное Приднестровье и огромную, среди трёх океанов Россию?

Над этим работает экономическая и политическая мысль приднестровцев. Об этом радеет президент, совершая вояжи в Москву. Об этом говорилось на заседании Изборского клуба, где рассматривалась геополитическая роль Приднестровья, форпоста России, выдвинутого навстречу натовскому катку, неуклонно стремящемуся на восток. Американская ПРО в Румынии, антирусская волна на Украине, идеологическое оружие Запада направлены на Москву. Здесь, в Приднестровье, с помощью России может быть создан центр, демонстрирующий возможности русского мира, обнаруживая творческий характер Русской цивилизации.

Приднестровье на шахматной доске современной Европы — не пешка, которой можно пренебречь и пожертвовать. А фигура стратегической мировой игры, которую Россия не должна проиграть. И мы, изборяне, общаясь с приднестровскими братьями, сделаем всё, чтобы будущий Евразийский союз принял в свои объятия Приднестровье — пассионарную страну, страну Суворова, Пушкина, ни разу не предававшую Россию. Мессианское, сохранившее ген великих пространств Приднестровье готово внести вклад в строительство новой российской цивилизации.

Изборский клуб в Тирасполе

(Из стенограммы выступлений в Приднестровском государственном университете 15 июня 2013 года)

Александр ПРОХАНОВ,
*председатель Изборского
клуба, главный редактор
газеты «Завтра»:*

— Я вижу землю Приднестровья, на которой мы сегодня собрались, не только одним из последних осколков великой советской цивилизации, но и своего рода иконой нашего общего будущего, на которую по сей день молятся русские патриоты.

Многие из сидящих в этом зале были участниками войны,

приведшей к провозглашению независимости Приднестровья. Кровавые события тех уже далёких лет, участие в этих событиях наших товарищей — незабываемая страница и в истории Приднестровья, и в истории российского сопротивления. Посещая Приднестровье, мы прикладываемся к вашей иконе, к вашим святыням.

Сегодня среди российской элиты и в российском обществе сражаются две тенденции. Одна

Фотографии: Василий ПРОХАНОВ

из них подразумевает движение России в сторону империи, возрождения имперского сознания, в сторону восстановления грандиозной архитектуры, которая была сломана в 1991 году. Другая стремится осуществить проект национального государства — то есть антиимперский проект, который превратит Россию в небольшое по значению региональное государство с доминантой русского населения. А остальные земли уйдут из-под российского

контроля. У каждой из этих тенденций за последние годы были свои победы и свои поражения. Но имперское сознание, которое ещё пять лет назад в своих формулах, в своих воспроизведениях казалось практически невозможным, начинает завоёвывать не просто народное поле, народное сознание, но и политологическое сообщество. Ряд кремлёвских чиновников больше и больше начинают исповедовать эту формулу. И новации, новизна сегодняшних процессов в России связаны с тем, что имперское направление, представление, имперские сущности всё больше проникают в практику.

Наверное, Приднестровье не чувствует на себе практические результаты этой схватки. Но такие небольшие государства, как Южная Осетия или Абхазия, в полной мере чувствуют на себе эту новую имперскую российскую доктрину. Потому что после позорного и трагического 1991 года, в 2008 году, когда состоялась небольшая, но очень кровопролитная российско-грузинская война, Россия впервые реализовала авангардную имперскую политику, пройдя Рокский туннель и выйдя в Закавказье, на свою традиционную территорию, традиционную сферу влияния.

Сегодняшняя Россия, оскорблённая, потерявшая свои рубежи, потерявшая 30 миллионов русских, которые были выброшены Ельциным за пределы материковой России, — это государство не является национальным, узко националистическим. Это государство и в данном виде является имперским. Поэтому имперские тенденции начинают проникать в русскую политику.

Что такое Евразийский союз, о котором говорит Путин? Союз, который существует в нашем сознании пока в виде скромного, ещё нечёткого эскиза,

контурной карты, на которую ещё только предстоит нанести яркие цвета новой реальности? Это есть таинственное восстание, воспроизведение, реставрация огромной тайны, которая каждый раз собирала на своих территориях рассыпанные, разрозненные фрагменты и возводила великие царства, великие империи. Евразийский вектор сегодня уже не является достоянием лишь маленькой группы евразийцев, проявивших себя в своё время на страницах оппозиционной газеты «День», а становится идеологическим знаменем многих экономистов, предпринимателей, политиков, философов, религиозных деятелей. В связи с этим мы хотим услышать ваши представления о драме сегодняшнего Приднестровья, о том, как вы, окружённые недружественными соседями, намерены сражаться за свою независимость, за русский мир.

Мы дорожим вашим присутствием, понимаем, что у Приднестровья есть гигантская заслуга. Миссия, которая не соизмерима с вашей территорией, с вашим экономическим потенциалом, но которая превышает по своему значению всё то материальное, из чего состоим мы. Эта миссия заключается в том, что Приднестровье не предало идеалы большой страны, не предало имперскую мечту, имперскую задачу. Приднестровье — крохотный очаг имперской жизни, лампада имперского сознания выстояло и продолжает стоять. За это мы все, сегодняшние и завтрашние, будем признательны и благодарны Приднестровью. В Евразийском союзе, который, несомненно, состоится, у Приднестровья будет самое достойное геополитическое и историческое место. Мы будем постоянно служить молебен во славу тех великих дней, когда вы выдержали

Нина ШТАНСКИ,
министр иностранных дел Приднестровской
Молдавской Республики

ли страшное испытание судьбы. Слава Приднестровью!

Нина ШТАНСКИ,
министр иностранных
дел Приднестровской
Молдавской Республики:

— Мне кажется достаточно символическим то, что заседание Изборского клуба проходит сегодня здесь, в Тирасполе, на Днестре. Может быть, кому-то мои слова покажутся пафосными, но Приднестровье — это уже маленькая евразийская модель, Евразия в миниатюре. Когда-то Суворов, не проигравший ни одного сражения за пятьдесят лет, построил на Днестре крепость — может быть, этот дух стойкости нам, приднестровцам, остался?

Мы за год сделали немало. Хотя правильно сказал Алек-

сандр Андреевич: евразийская интеграция сегодня – всего лишь эскиз, который будет наполняться определёнными красками. Евразийская интеграция провозглашена президентом нашей республики в качестве национальной идеи. Сегодня евразийское направление – основное в реализации нашей внешней политики, закреплено в новой концепции внешней политики, которая была подписана президентом в прошлом году. Мы с вами уже запустили медиапроект – это медиацентр «Евразийское Приднестровье», который объединил сегодня экспертов из России, Украины, Приднестровья, Гагаузии, Азербайджана. Его партнёрами уже являются Институт стран СНГ, Российский институт стратегических исследований, Русское зарубежье и многие другие наши российские коллеги. И мы очень рады тому, что Изборский клуб тоже становится нашим партнером в деле евразийской интеграции. Мы будем рады, если мы объединим наши площадки и наши усилия. Возможно, на определённом этапе тот опыт, который накоплен здесь, в Приднестровье, будет полезен Изборскому

клубу в других регионах, в том числе в регионах России.

Может быть, кто-то скажет, что мы спешим. Да, мы спешим, потому что для нас евразийство – не просто еще одно «окно возможностей», а единственный способ выжить. Здесь я позволю себе поставить точку и дать слово нашему коллеге, моему заместителю Игорю Петровичу Шорникову, который расскажет о концепции «Евразийского региона».

Игорь ШОРНИКОВ,
заместитель министра иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики:

– «Евразийский регион» Приднестровья, проект который сейчас будет презентован, – это наш ответ на попытки европейской дипломатии заблокировать развитие интеграционных процессов на евразийском пространстве, прежде всего в отношении Молдовы и Украины. Запланированное уже на текущий год вступление этих государств в зону свободной торговли с Евросоюзом исключает для них возможность стать участниками Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана. Разумеется, это напрямую затрагивает интересы народа Приднестровья и подвигает нас искать пути преодоления кризисной ситуации.

В случае присоединения Молдовы и Украины к зоне свободной торговли с ЕС мы теряем возможность пользоваться действующим режимом автономных торговых преференций с Евросоюзом. А в структуре приднестровского экспорта продажи в страны ЕС составляют уже 29%, или 203 млн долл. На долю России приходится лишь 22% совокупного экспорта, или 154 млн долл. Для сравнения: в 2008 году экспорт приднестровской продукции в РФ превышал экспорт в ЕС на 60 млн долл. Сейчас си-

туация противоположная. То есть последние годы происходит постепенное сокращение объемов экспорта в Россию, что является следствием проводимой Евросоюзом экономической политики в отношении Приднестровья.

Переориентация экспортных потоков на Европу привела к тому, что мы не можем восстановить докризисные экспортные показатели. В 2012 году загрузка производственных мощностей наших промышленных предприятий составила примерно 40%. В итоге мы становимся зависимыми от воли ЕС – либо теряем европейские рынки, что может означать коллапс приднестровской экономики с последующей утратой государственности и вытекающими отсюда геополитическими изменениями в регионе не в пользу России.

В нынешней ситуации перед Приднестровьем стоит задача обеспечить возможность для экспортных переориентаций товарных потоков с рынка Евросоюза на рынок государств Таможенного союза. Этому и служит концепция «Евразийского региона», в рамках которой должны осуществляться:

- беспопышная торговля по примеру Таможенного союза;
- режим наибольшего благоприятствования для большей части товаров и услуг, производимых в субъектах-партнёрах;
- оптимальные условия для взаимного инвестирования, углубления в производственную специализацию, создание совместных предприятий, деление производства конечного продукта на производственные циклы;
- совместный поиск дополнительных рынков сбыта произведённой продукции;
- постоянный обмен информацией по вопросам снабжения, поставок и логистики;
- упрощение процедур трудовой эмиграции; передви-

Игорь ШОРНИКОВ,
заместитель министра иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики

жение населения по аналогии со схемами, действующими между приграничными областями;

- проектирование и создание совместных инфраструктурных объектов;

- проведение совместных спортивных, культурных, научно-образовательных мероприятий.

И так далее.

Одним из механизмов реализации проекта «Евразийский регион» может стать модель государственной корпорации.

Госкорпорация — это очень гибкий механизм. В соответствии с Федеральным законом РФ от 12.01.96 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»: *«Государственной корпорацией признаётся не имеющая членства некоммерческая организация, учреждённая Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Государственная корпорация создаётся на основании федерального закона».*

Это означает, что сотрудничество между Россией и Приднестровьем при создании новой структуры не столкнётся с затруднениями, связанными с соблюдением российского законодательства и выполнением международных обязательств Российской Федерации.

«Евразийский регион» — это открытый проект, предполагающий участие специалистов в выработке конкретных механизмов экономической интеграции Приднестровья. Мы наметили контуры этой структуры, но наполнять её конкретным содержанием должны вместе. Уважаемые коллеги, если нам удастся запустить этот проект, то Приднестровье может стать своего рода евразийским полигоном или выставкой достижений евразийской интеграции.

Александр ДУГИН,
профессор МГУ, руководитель Центра консервативных исследований:

— Только что в Изборском клубе под эгидой Александра Андреевича Проханова подготовлен доклад, посвящённый проблемам евразийской интеграции. Экономическую часть этого доклада писал Сергей Глазьев, военно-стратегическую — генерал Леонид Ивашов, а идеологическую — эксперты Центра консервативных исследований. Именно эту идеологическую часть я и хотел бы кратко изложить в своём выступлении.

Евразийская идея — это не просто интеграция каких-то соседних регионов, как, например, тихоокеанская интеграция. Евразийская идея — это идея, альтернативная либеральному глобализму, концепту «однополярного мира», который подразумевает глобальную доминацию Запада, в центре которой находится блок НАТО, то есть Соединённые Штаты Америки и их союзники во всём мире. Система ценностей и система интересов, которые продвигаются в рамках однополярного мира, — это:

- триумф модели глобального либерального капитализма в экономике, которая становится безальтернативной и тотальной;

- триумф модели либеральной демократии в политике;

- триумф концепции прав человека и индивидуализма в идеологии.

Кстати, отсюда вся эта борьба за сексуальные меньшинства. Гендер — принадлежность к полу — является коллективной идентичностью, а потому противоречит концепции индивидуализма, лежащей в основе либеральной идеологии. Поэтому на самом деле наступление сторонников браков для гомосексуалистов и других форм легализации извращений не явля-

Александр ДУГИН,
профессор МГУ, руководитель Центра консервативных исследований

ется случайным элементом — это ядро и сердцевина современной либеральной политики и экономики. Это не шутки! Это очень серьёзно. Это некоторая модель того миропорядка, который сопряжён с понятием модернизация, с понятием западного пути развития, с понятием западных или, как они говорят, общечеловеческих ценностей. Это полюс, который представляют собой США и все, кто так или иначе на них равняется. И даже те силы (это самое интересное), которые выступают против Запада, но с сохранением западных ценностей. Многие страны, проводящие антиколониальную политику, хотят на самом деле не построить альтернативу западному обществу — они хотят построить такое же западное общество, только соответствующее их национальным интересам.

Сама идея современного национализма в значительной степени является калькой западноевропейской модели, только применённой, скажем, к Индонезии, к Филиппинам, к Индии, к африканским странам, к Латинской Америке и так далее. Однако, принимая эту западную модель в качестве универсаль-

Андрей КОБЯКОВ,
председатель правления Института
динамического консерватизма

ной, даже если мы хотим на-
править её против Запада, мы
рано или поздно пускаем к себе
глубинную систему западного
индивидуализма.

Вот контекст, в котором мы
живём:

- однополярный глобальный
мир;
- доминанция Запада;
- сетевое сообщество;
- новая форма модернист-
ской и постмодернистской куль-
туры, которая атакует всех: атаку-
ет Приднестровье, атакует наше
образование, атакует Россию.

Сегодня Россия на 80% на-
ходится в рамках этого контекста,
мы тоже движемся в направле-
нии Запада. Если мы будем дви-
гаться туда дальше, то никакой су-
веренной России просто не будет.

Евразийство говорит ра-
дикальное «нет» всему этому
комплексу. Вот в чём его смысл –
построить альтернативный гло-
бализму мир, сказать:

- «нет» – глобальной доми-
нации США;
- «нет» – либеральной демо-
кратии;

- «нет» – материалистическо-
му комфорту и развитию того,
что называется научно-тех-
ническим прогрессом в той
форме, в которой он воз-
ведён в абсолютно высшую
ценность;

- «нет» – самому индивиду-
ализму, который гораздо глуб-
же, чем защита сексуальных
прав и меньшинств;

- «нет» – представлению
о той форме демократии,
которая навязывается в ка-
честве универсальной.

«Нет» всему этому. «Нет»
однополярному миру, а «да» –
многополярному миру, осно-
ванному на цивилизационных
особенностях:

- «да» – исламскому миру
с его системой ценностей;

- «да» – индуистской цивили-
зации;

- «да» – китайской цивилиза-
ции;

- «да» – русской евразийской
цивилизации, включающей
в себя самые разнообраз-
ные влияния: в первую оче-
редь православные, русские,
но одновременно и культуры
других народов.

Если мы посмотрим на *рус-
ские православные ценности*,
то по всем пунктам они будут
противоречить тому, что нам се-
годня навязывается в качестве
нормы:

- и семья имеет первостепен-
ное значение;

- и Бог является главной
ценностью и мерой вещей,
а не человек является мерой
вещей;

- и соборность важнее, чем ин-
дивидуальное процветание;

- и материальные заботы вто-
ричны по сравнению с ду-
ховными.

На самом деле то, с чем мы
имеем дело с нашей православ-
ной точки зрения, – это *анти-
христианское, антихристово
мировоззрение*. Запад – это

современный мир Антихриста.
Любой верующий человек, при-
знающий православные цен-
ности, не видеть этого не может.

Встав на западный путь раз-
вития, во всех перечисленных
мною пунктах мы обязательно
придём к единому глобальному
мировому государству, которое
с точки зрения христианина
или мусульманина рассматри-
вается как царство Антихриста,
или царство Даджала. Поэтому,
и конечно же маленькое При-
днестровье, или даже Молдова,
или даже вся Российская Феде-
рация не смогут этому противо-
действовать в одиночку. Нам
нужны союзники. На сеть гло-
бального атлантизма и однопо-
лярного мира мы должны отве-
чать сетью евразийской, которая
будет иметь представительство
везде, такое же разноплановое.

Очень много в этой борьбе
зависит от духовного преобра-
жения, от каждого отдельного
человека. Евразийцем может
быть каждый, и каждый может
изменить очень и очень многое
в том мире, в котором мы живём,
потому что, в конце концов, тот
мир, в котором мы живём, соз-
дали мы сами.

Человек – это очень серьёз-
ное явление. Лишь становясь
на сторону инерции, он предаёт
свою волю, своё человеческое
достоинство каким-то тёмным
силам, полагая, что само собой
всё будет идти как-то хорошо.
Если отказаться от своей воли,
мы окажемся в «прекрасном
новом мире», куда нас обяза-
тельно насильно приведут. Луч-
ше встать на сторону духовного
восстания, утверждения наших
духовных корней, наших личных,
христианских, православных,
коренных русских, евразийских
ценностей. По крайней мере
тогда мы сможем чётко и ясно
определить нашу позицию в той
сложной и драматической ситу-
ации, в которой мы оказались.

В заключение я хотел бы выразить своё восхищение деятельностью министра иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики госпожи Штански по включению Приднестровья в процессы евразийской интеграции. Это авангардная стратегия, которая мне представляется наиболее перспективной. Я хотел бы пожелать вам всем успеха в этом направлении.

Андрей КОБЯКОВ,
*председатель правления
Института динамического
консерватизма:*

— Мне хотелось бы поговорить о проблемах, которые стоят за комплексом идей евразийской интеграции, а именно выделить проблемы интеграционных процессов с точки зрения экономики. Видеть в этом надо не только набор каких-то конкретных процедур, которые, несомненно, нужны и необходимы, но и некую идеологию, за ними стоящую.

С начала 90-х годов у нас было очень много экономистов,

которые упрекали нас, стоявших на патриотических позициях: разве можно вообще в экономике исходить из каких-то национальных интересов, патриотизма? На самом деле есть индивидуум, нужно решать его проблемы, и лучше всего его проблемы будут решены в рамках единого глобализационного процесса. Интеграция — всего лишь некий этап на пути к глобализации. Конечная цель — как раз глобализация, а форма, в которой это может происходить, может быть отчасти связана и с интеграционными процессами. Раз внутри интеграционного объединения снимаются какие-то препятствия на пути товаров, услуг, капиталов — возникает уже привычка к тому, чтобы все эти препятствия устранять в целом. Дальше от этих регионов, макрорегионов мы перейдём к всеобщему слиянию в глобальном экстазе. Это абсолютно ложная и вредная концепция. Видеть в интеграционных процессах некую объединительную тенденцию — это

на самом деле ложно и опять, несомненно, уведит нас от цели, лишает очень многих рычагов разумного регулирования своих собственных экономических интересов.

На самом деле интеграция, как мне представляется, связана с двумя другими важными процессами или концептами, которые присутствуют в экономической мысли. Замечательный французский историк Фернан Бродель ввёл в своё время термин *мир-экономика*. Говорит он о том, что в действительности в мировом пространстве постоянно реализуются эти *миры-экономики*, причём это какая-то естественная, внутри них заложенная программа, которая даже при разрушении снова и снова их воспроизводит.

В чём объяснение этому? Дело в том, что многие государства на современной карте мира очень маленькие. Единственный способ в условиях, когда существует серьёзная экономия на издержках при увеличениях масштабов производства, — вы-

брать какую-то узкую отрасль или несколько отраслей специализации и вступать с ними в глобальные обмены. Только в этом случае можно добиться высокого уровня производительности труда, конкурентоспособности этой продукции. Однако для таких стран сразу же возникает другая угроза — угроза стабильности, потому что они слишком привязаны к мировой конъюнктуре. Стоит только чему-то произойти с этой мировой конъюнктурой, стоит кому-то на другой стороне земного шара чихнуть — у вас начинается воспаление лёгких.

На самом деле проблему конкурентоспособности и меньшей зависимости от мировой конъюнктуры могут решать крупные страны. Но таких, естественно, немного. А что делать остальным, если у них в принципе нет выбора и нет возможности как-то совместить надёжность, устойчивость с конкурентоспособностью? Это и есть формирование тех самых *миров-экономик* — по сути дела, формирование замкнутого или квазизамкнутого, автар-

кичного воспроизводственного комплекса. В этом смысле совершенно понятно, что большая историческая Россия всё время была именно этим *миром-экономикой*.

Второй момент связан с резким обострением конкуренции, поэтому защищать свои интересы становится выгоднее коллективно, а не в одиночку. По большому счёту интеграция — это ещё и процесс разграничения «свой — чужой». Внутри интеграционного объединения даются определённые преференции, предпочтения своим, и в той или иной форме, замаскированно или явно, даётся отпор чужим. Мы, по сути дела, последние двадцать с лишним лет пытались ввязываться в мировую конкуренцию, в драку с уже сколотившимися «бригадами». Совершенно ясно, каков может быть результат в подобной схватке.

Мы должны в рамках своего интеграционного процесса сколотить свою команду, свою ватагу, чтобы действительно эффективно участвовать в этой глобальной конкуренции.

Константин ЗАТУЛИН,
директор Института стран СНГ:

— Я сейчас в сложном положении. Чувствую себя просто Геростратом. Я — не евразиец. Я — русский, предки которого расселились на территории до Дальнего Востока, до Тихого океана и освоили эту территорию. Я, безусловно, симпатизирую многому из того, что здесь было сказано. Но я совершенно не убежден в том, что «евразийство», о котором писали в 20–30-е годы, и то, что в наше время утверждает, например, уважаемый Александр Гелиевич Дугин, и то, что в конце концов реализуют сегодня руководители Беларуси, России и Казахстана под названием «Евразийский союз», — это всё одно и то же. Вы знаете, что есть политики, которые по своим причинам, не желая никакого союза на этом постсоветском пространстве, всячески спекулируют на этой теме, — в Белоруссии, на Украине, — что «мы вообще-то к Азии не имеем никакого отношения. Мы вообще в Европе. Мы очень рады, что мы от этой Азии освободились в 1991 году». И сказать, что, знаете, мы можем этим пренебречь, — неправильно.

Дальше, чтобы просто обострить нашу научную дискуссию. Я, например, совершенно не убежден, что мы в России должны очень сильно радоваться тому, что такой элемент евразийства, как исламский фактор, будет у нас развиваться. Я с удовольствием веду диалог с исламским миром и хотел бы, чтобы мы так не позорились, как это произошло в Ливии, переживаю и за то, что сегодня происходит в Сирии. Но я бы хотел смотреть на это со стороны, а не изнутри. Потому что ислам — религия, которая имеет многие свои центры не на нашей территории. И не под нашим контролем

эти центры развивают свои теории. Я вынужден, естественно, как и все, кто живет в России, это учитывать, я не призываю ни к каким религиозным распрям, но я при этом понимаю определённую уязвимость. Тот фактор, что Россия ещё и исламская страна, для кого-то кажется дополнительным фактором силы России. Для меня он, определённо, является фактором нашей слабости, через это мы получаем на Северном Кавказе ваххабизм и всё остальное.

Я понимаю необходимость сотрудничества, например, с Китаем, приветствую это сотрудничество и т.д. Но я не хочу, чтобы когда-нибудь кто-нибудь создал Антанту с Китаем против Америки. Так же, как не хочу Антанты с Америкой против Китая. Во всякой Антанте такого рода мы будем сегодня младшим партнёром, а я не хочу быть младшим партнёром. Надо сотрудничать с этими странами, использовать их, в том числе конкурентные противоречия, к своей выгоде. И это обычная, как сказал бы в этом случае Александр Андреевич Проханов, «имперская политика».

Да, я сторонник империи. И, в конце концов, я готов пренебречь названием. Может быть, она будет на этом этапе называться «Евразийской». Но я хочу, чтобы было понятно — это география в первую очередь, а во все не постройка «перпендикуляра» ко всему остальному миру.

Если бы государство России и Белоруссии стало Союзным государством России, Белоруссии и Украины — давайте помечтаем, то чем это не решение проблемы Приднестровья? Вы вправе сказать, что это некая утопия, учитывая нынешнее состояние Украины. Ну в этом смысле и евразийский проект тоже элемент утопии, потому что, если мы будем разбираться, каковы мотивы

Константин ЗАТУЛИН,
директор Института стран СНГ

евразийских участников этого проекта, один из которых, например, совершенно спокойно ездит в Турцию и там рассказывает о том, что Казахстан — страна тюркского мира, и мы все, тюрки, должны объединиться и т.д. Вы же, наверное, знаете, что это происходило в сентябре прошлого года.

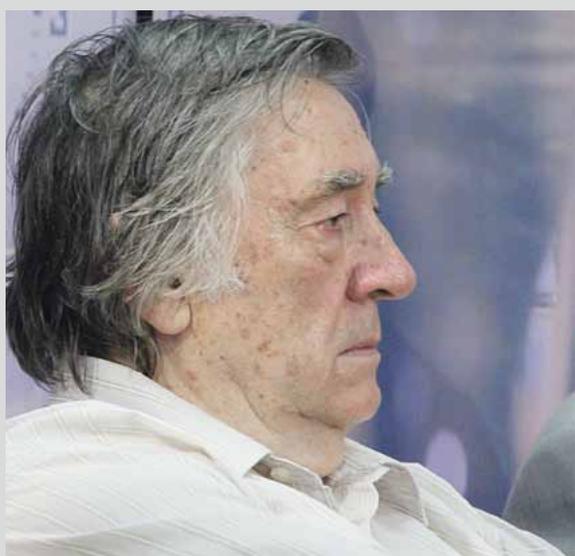
Мир не столь прост, он многослоен, он многосложен. Украина может стать наблюдателем в нашем Таможенном союзе. Но вы ведь знаете хорошо, что одновременно и параллельно Украина ведёт переговоры о заключении Ассоциации для свободной торговли с Европейским союзом. Но завтра при написании этого документа те, кто будет его писать (его будут писать эксперты России, Белоруссии и Казахстана, то есть члены Союза), скажут, что наблюдателем в Таможенном союзе может быть только та страна, которая собирается вступить в этот союз. А если Украина не собирается вступить в этот союз, она просто не может претендовать на то, чтобы быть наблюдателем. И это логично.

Почему это так важно властям Украины — прослыть на-

блюдателями в Таможенном союзе? Да потому, что Украина состоит как минимум из двух Украин, а может быть, гораздо большего числа Украин. Это очень важная борьба, и всё, что возможно бросить в топку этой борьбы для того, чтобы Украину все-таки вырвать из этого притяжения, нужно бросить. Разве мы не в состоянии в обществе развернуть агитацию за славянскую идею? Три народа — белорусы, украинцы и русские, выходцы из одного прежнего общего пространства, — исторически являются одним народом, который просто назвали в силу разных причин разными именами... А потом пошло-поехало — включились другие и начали нас растаскивать по разным углам.

Я уверен, что решение проблем Приднестровья, по большому счёту, очень сильно зависит от решения судьбы Украины. Потому что, что бы ни случилось с Приднестровьем, если бы Приднестровье граничило с Российской Федерацией, вы знаете, что ситуация могла бы быть давно существенно иной. По крайней мере есть две страны, которые теперь имеют дипломатические отношения с Приднестровьем, которые это испытали на своей собственной судьбе. При всех заблуждениях (когда после распада Советского Союза произошли все эти конфликты: грузино-абхазский и грузино-осетинский) Россия постепенно возвращается к правильному пониманию смыслов.

А теперь всё-таки о хорошем. Я, безусловно, считаю, что надо вести евразийские исследования. Безусловно, считаю, что это очень интересная теория. И при этом я не хотел бы, чтобы вы в очередной раз разочаровались, потому что вроде вот забрезжил свет — но потом

Александр ПРОХАНОВ,
председатель Изборского клуба,
главный редактор газеты «Завтра»

что-то не произошло. Россия сегодня пришла к пониманию того, что эксперименты, которые угрожают внутренней стабильности Приднестровья, угрожают в принципе его существованию, опасны для интересов Российской Федерации. Мне кажется, что мы некоторый опыт извлекли (я имею в виду людей, принимающих решения в России и т.д.). Это мне кажется залогом того, что Приднестровье может разрабатывать свои евразийские концепции и пытаться решить свои проблемы, а Россия должна помогать Приднестровью. И может быть, самая главная помощь Приднестровью состоялась бы в том случае, если бы России удалось

всё-таки переубедить Украину. А на это направлены усилия, и очень серьёзные, поверьте.

Александр ПРОХАНОВ:

— В своём выступлении Константин Фёдорович Затулин затронул очень существенный вопрос об отношении русского и имперского. Этот вопрос не решён, этот вопрос — мучительный для русского сознания. Ещё в узком кругу людей, окружавших Андропова, был поставлен вопрос о нерентабельности империи, о нерентабельности Советского Союза, который, по мнению этого круга, был основан на эксплуатации русского фактора, русского населения, русского народа в ин-

интересах других народов, то есть в интересах имперской концепции. Эта тема стала одним из самых эффективных механизмов разрушения СССР во времена перестройки. Многие русские патриоты поддались её искушению.

Россия сбросила с себя бремя советской империи — вместе с 30 миллионами русских, оказавшихся за пределами РСФСР-РФ. Среди этих 30 миллионов оказались и русские Приднестровья. Это нанесло гигантскую историческую, метафизическую травму русскому народу. Потому что русские — православный народ, а значит — народ, ищущий райские смыслы, стремящийся построить райское общество.

Это — народ, построивший храм Василия Блаженного, который иллюстрирует собой образ Рая Небесного. Это народ, который провозгласил устами старца Филофея задачей русской власти, русского государства утверждение и сбережение драгоценного православия, которое является не только золотыми куполами и ризами священников, а вероучением и веропознанием, по которому райские отношения между людьми не только возможны, но просто необходимы, как евангельские заповеди и Христовы молитвы.

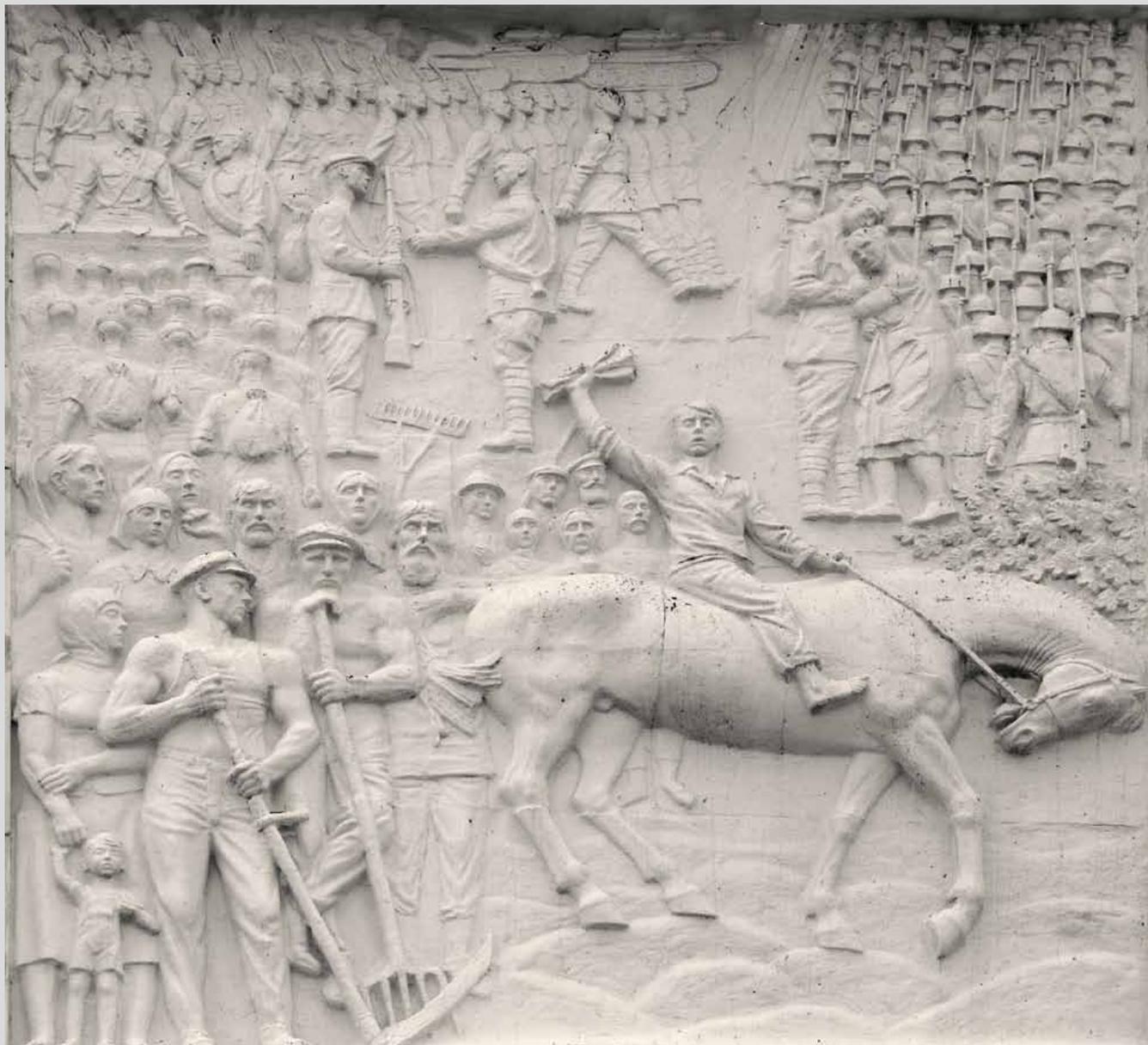
Русское сознание формировалось в непрерывной многовековой имперской работе. Когда из русского сознания вычёркивается эта имперская работа — русская история останавливается. Русский народ останавливается в шоке, в слепоте и глухоте. В 1991 году у русского народа отняли не только его единство — у него отняли имперскую работу. Поэтому мы, русские, двадцать с лишним лет живём в состоянии обморока и полусна. Русский народ — это народ-подранок. Русский народ — это народ, который оккупирован не буквально, оккупирован не чужими силами, а он оккупирован мировоззренчески. Если у русского народа действительно отнять его имперскую компоненту, которая позволяла русским взаимодействовать с буддистами, с евреями, с мусульманами причём взаимодействовать очень мощно и интегрально, если эту компоненту вырвать из русского народа, то такой народ перестанет существовать. Потому что в основе русского определения лежит его мессианство. Если у русского народа отнимают его мессианство, он становится не более чем антропной массой. Только мессианские народы уцелеют на Земле.

На Земле уцелеет великая Америка, которая предложила

миру своё мессианство, свой град на холме. Уцелеет еврейский народ, который тысячи лет живёт в мессианской идее. Я думаю, что уцелеет германский народ, в котором дышат Нибелунги, в котором дышит «золото Рейна» и который рано или поздно опять превратится в мощную германскую доминанту в Европе. И уцелеет русский мессианский народ. Это мессианство не выскоблить, не абортить, его не выколоть зубилом, как это делают либералы на протяжении последних двадцати лет.

Сегодняшнее российское общество построено на началах несправедливости. Эта несправедливость мучает нас, угнетает и лишает нас деятельности. Необходимо возвращение в русское сознание принципа справедливости — и не только социальной, а божественной справедливости. Той самой справедливости, которая витает в идеологии Евразийского союза. Идеология Евразийского союза не будет идеологией быстрого перемещения товаров и людей. Это не будет идеология равного распределения собственности, соединения пространств и ресурсов. Это будет идеология справедливости, которой грезит человечество, изнурённое под бременем либерального проекта. Либеральный проект предлагает миру свободу отдельно взятого человека. В итоге это кончится, и уже кончается, либеральным фашизмом. Потому что на всех свободы не хватит. На всех воды не хватит. На всех пространства не хватит.

Задача в том, чтобы вернуть сегодняшним русским имперскую работу. И эта работа по созданию общества высшей справедливости, слава богу, начинается. Она будет трудной и долгой. Но без неё мы обречены на угасание, деградацию и гибель.

/ Виталий АВЕРЬЯНОВ, директор Института динамического консерватизма /

Изборский клуб **и главный вопрос эпохи**

Вопрос о советском наследии тесно связан с обретением Россией потерянного лица

БОЛЕВАЯ ТОЧКА

С момента возникновения Изборского клуба нами было подготовлено несколько аналитических докладов, из которых наибольший резонанс вызвал, пожалуй, доклад **По ту сторону «красных» и «белых»**, презентованный в апреле. Другие доклады были не менее значимы, однако критиков их нашлось не так много, а сама критика носила поверхностный характер. Доклад на тему синтеза «красных» и «белых» и провозглашение такого синтеза попали в болевую точку общества. Причём болезненная реакция началась задолго до публикации самого доклада, когда председатель клуба Александр Проханов впервые заговорил о том, что такой синтез является стратегической задачей современной России. Среди раздражённых этой идеей синтеза есть и либералы, и консерваторы-монархисты, и левые ортодоксы, а также представители других идейных течений — каждый из них нашёл чем оскорбиться в предложенных постановке вопроса и интерпретации исторических фактов.

Из последних откликов обращает на себя внимание статья Александра Янова «Русская идея и Путин» на сайте «Дилетант», в которой известный нью-йоркский ревизор исторического пути России (а в прошлом — советский журналист и автор диссертации про «вырождение русского национализма») в концентрированном виде воспроизводит своё мировоззрение, находя для этого новые, смелые выражения. Так, например, он определяет нашу страну как «испорченную Европу», а русскую идею как «символическое воплощение всей старой московитской порчи». И сегодня эту порочную тенденцию олицетворяет Изборский клуб.

Тот факт, что клуб кому-то кажется «красным», а кому-то «белым», является косвенным подтверждением того, что «красно-белый» синтез, по крайней мере внутри самого клуба, не какая-то иллюзия, что он происходит в действительности.

Янов сравнивает испуг Путина перед «болотным бунтом» с испугом Николая I перед декабристами — отсюда его прогноз: госпатриотизм будет усиливаться, «главный европеец» в стране вынужден будет менять курс в сторону официальной народности и поддерживать те идеи, которые предлагает Изборский клуб. Изборяне, говорит Янов, имеют сегодня конкурентные преимущества перед «европеизаторами» и мобилизованы на полемику и пропаганду гораздо лучше.

Из лагеря национал-либералов также звучит жёсткая критика. Так, Лидия Грот в статье «Изборский клуб и его обитатели» (на сайте АПН.ru) утверждает, что изборцы не могут предложить реальный синтез «красных» и «белых», поскольку *«белых среди них нет, есть одни красные, которые объединились в комфортный междусобойчик и от щедрот душевных решили простить белых»*. В статье содержится множество выпадов, на которые отвечать нет смысла —

исчерпывающие ответы на подавляющее большинство из них можно найти в самом тексте нашего доклада.

В ещё более бескомпромиссном варианте отповедь Изборскому клубу звучит на различных радикальных сайтах, например, таких как «Имперский казачий союз» — причём в данном случае сам сайт напоминает пошлую версию голливудского прочтения России (иконы в лубочном стиле, «сапоги всмятку», театральное эмигрантско-казачье негодование и т. п.), и статья на нем звучит как ученический цэрэушный текст.

Изборский клуб действительно может выглядеть как новое издание «московитской порчи», славянофильства и евразийства. Всё это лестные оценки для нас из уст тех, кто так мечтает перекорчевать реальную Россию, изменить саму её природу. Что же касается доли «красных» и «белых», то в клубе их примерно поровну — при этом чтобы быть верно понятым, мне необходимо сказать несколько слов о терминах.

Под «белыми», которые, с нашей точки зрения, должны вступить на путь примирения и синтеза с «красными», мы понимаем **традиционалистов**, сторонников возрождения принципов исторической России, суверенной державы, традиционных ценностей, включая религиозные. Поэтому в нашем понимании апологеты Февральской революции в категорию «белых» не попадают, так же как не попадают в неё многие представители собственно белой гвардии — в Гражданскую войну дело сводилось скорее к узурпации символов Белого Царства, а также к подражательному рефлексу русских политизированных интеллигентов по отношению к Великой французской

революции. Не попадают в наше понимание в категорию «белых» и представители «белоленточного» протеста последних лет, поскольку в массе своей они скорее анти-традиционалисты, чем традиционалисты.

Под «красными» же мы понимаем **советских патриотов**, тех, кто ценит масштабнейший созидательный порыв нашей цивилизации, осуществлённый в XX веке, тех, кому дорога Великая Победа 1945 года. (С другими «красными», разрушителями, воинственными безбожниками, мировыми революционерами мы не призываем вступать в какой-либо синтез.) При этом и традиционалисты, и патриоты СССР выступают поборниками социального государства, либо социалистического в буквальном смысле, либо же по крайней мере государства с сильной социалистической составляющей.

Для непримиримых с обеих сторон Изборский клуб сливается с их антиподами. Так, если либералы убежде-

ны, что наш клуб «красный», то радикальные коммунисты, напротив, утверждают, что Изборский клуб состоит сплошь из реакционеров, которые заигрывают с левыми и марксистами, чтобы ослабить истинно левое движение (об этом, в частности, пишет сайт РКРП — Российской коммунистической рабочей партии). Тот факт, что клуб кому-то кажется «красным», а кому-то «белым», является косвенным подтверждением того, что «красно-белый» синтез, по крайней мере внутри самого клуба, не какая-то иллюзия, что он происходит в действительности.

КРИТИКИ СПРАВА

Историк Пётр Мультиатули, ведущий научный сотрудник РИСИ, автор исследований о Николае II и его эпохе, выступил в газете «Радонеж» со статьей «Редиска наоборот. Куда ведёт Изборский клуб?». Его статья написана в запальчиво-обличительном духе и в ней содержатся резкие нотки одёргивания православных мирян, священников и даже архиереев: дескать, как вы смеете сотрудничать с изборцами! Нашу деятельность Мультиатули объявляет «красно-сталинской пропагандой», в истоке которой — ересь прохановщины.

Надо сказать, что выступления, тем более такие неравнодушные, критиков с этого идейного фланга лично у меня вызывают горечь, поскольку эти критики многие годы были моими друзьями и единомышленниками. В 2008 году вместе с Мультиатули мы работали над проектом «Екатеринбургская инициатива», а также фильмом «Николай II: Сорванный триумф». Можно что угодно сочинять про «изборскую ересь», но достаточно перечитать нашу с Мультиатули статью «Другой Царь и другой Сталин» («Завтра», 2008, № 41–42), и будет ясно, что автор сих строк стоит на тех же позициях, что и 5 лет назад, а вот Пётр Валентинович проделал немалую эволюцию.

В той статье мы искренне писали: *«В отличие от пришедшей к власти радикальной секты, ненавидевшей и презиравшей Россию, Сталин себя от страны не отделил. Он был плоть от плоти послереволюционной России, хотя и впаавшей в грех богоотступничества, но в душе не утратившей веры в Высший Промысл. Сталин не предал Россию, не отдал на съедение троцкистам, не проиграл её нацистам и не продал либеральному Западу. Нам нужен не самоповтор «красного проекта», а новое открытие собственной цивилизации как исторического синтеза, выстраивания преемственности с тысячелетней Россией. (...) В такой оптике Николай II и Сталин не только совместимы, они представляют собой два лика России, восстановление, несмотря на революционный разрыв, социальной ткани Отечества. Их союз в надисторическом измерении есть не смешение ценностей, а утверждение, что России — быть».*

Другой пример — более раннее, чем статья Мультиатули, выступление в Екатеринбурге его шефа, директора Российского института стратегических исследований Л. П. Решетникова, человека заслуженного и хорошо известного в патриотических кругах. Выступление Леонида Петровича, которое отчасти также являлось реакцией на высказывания Проханова, было напечатано в «Православной газете Екатеринбургской епархии» (№ 44, 45 за 2012 год). Это выступление, на мой взгляд, на 90 процентов верное и точное. Но что-то как будто происходит с автором, когда он заводит речь об идее «красно-белого» синтеза. Не считая возможным искать какую-либо принципиальную разницу между подходами Ленина, Троцкого и Сталина, Решетников и нас предупреждает против такого поиска, а также против опасной тенденции совмещать «дьявольское с божественным». Весь большевизм и соответственно весь советский проект от начала до конца объявляется монолитным безбожием, нравственным падением и даже чем-то инфернальным:

«Достоевский одним коротким, но очень точным словом охарактеризовал сущность этих людей — бесы. Именно бесовщина была питательной средой пресловутой большевистской «нравственности», позволявшей уничтожать людей сотнями тысяч».

Возражая Решетникову, необходимо отметить, что символика «бесов» у Достоевского, несомненно, нелинейна. Сам он дал ключ к прочтению этого образа в одном из эпиграфов к роману, взяв стихи Евангелия от Луки (VIII, 32–36), в которых говорится, что бесноватый освобождён Христом от мучивших его демонов и сел у ног Спасителя, «одетый и в здравом уме». Затем, в финале романа, Степан Трофимович Верховенский, ссылаясь на ту же цитату, в предсмертном бреду говорит о бесах, оставляющих Россию. К сожалению, и у Решетникова, и у Мультатули бред умирающего Верховенского про заговорщиков из романа распространяется не только на революционеров-террористов, но и вообще на всё советское. Лейтмотивом проходит этот сильный (слишком сильный!)

память. Никакими сиюминутными политическими выгодами, никакими политическими соображениями нельзя оправдать союз с дьяволом».

Однако даже человек одержимый бесами — всё-таки человек, а не дьявол. И как раз к человеческой сущности советского проекта наши критики остаются слепы. И это очень странно. Другая странность этой позиции — какая-то безоглядная идеализация России до большевиков. Причём сами обличители советского периода, будучи образованными историками, прекрасно знают и даже пишут в своих работах о глубоком духовном упадке правящей элиты России в начале XX в., упадке и во власти, и в Церкви, и тем паче в интеллигенции.

Здесь остаётся только добавить, что это отречение от традиции идёт из более давних времен, и восходит оно по меньшей мере к XVIII веку с его бытовым и эстетическим западничеством, духовным экспериментаторством российских масонов и спиритуалистов, полным отчуждением от почвы, включая и сам русский язык,

Верующие люди не ставят Сталина вровень с христианскими святыми — в нём видят подобие новозаветного Савла, обратившегося в Павла. Сталин и впрямь выступил как Савл русской истории XX века, преобразившийся в апостола распятой и воскресшей России.

аргумент, в подоплёке которого лежит отождествление человеческого и демонического. «Православный человек не может быть ни «сталинистом», ни «совпатриотом», — пишет один из них. — *Невозможно одновременно почитать святых мучеников и их мучителей, нельзя славить и Бога, и дьявола. Это равносильно отречению от Христа*». Другой же, имея в виду КПРФ, как будто вторит: «Сотрудничать с наследниками одного из самых кровавых режимов в мировой истории — означает предать эту священную

ставший для многих дворян чужим. Политически эта тенденция выразилась в декабристском заговоре (здесь мы подхватываем мячик, отправленный в нашу сторону А. Яновым), а затем в нигилизме середины XIX века. Революционный проект в его разрушительных чертах родился не в 1917 году, и даже не во времена Достоевского — он вызревал в течение веков, и во второй половине XIX века им была инфицирована значительная часть как высшей прослойки Российской империи, так и её средних слоёв.

Зараза эта не имела чёткого классового характера, а повредила душу и разум миллионов людей из всех сословий, в том числе смутителей народа в низах общества, проповедников бунта и «красного петуха» и носителей сладострастия разрушения, этой, по выражению Максимилиана Волошина, «религиозной истерии», завернутой в упаковку идейности.

Всё это лишний раз указывает на неразрывность истории, внутреннюю связь дореволюционной России с Россией советской. Притом что времена революции просматривались в пророчествах за 100 лет до неё — так Жозеф де Местр предрек нашей стране Пугачёва с университетским образованием. И не в XX веке Пушкин написал Чаадаеву прекраснородное пророчество про «обломки самовластия», а Лермонтов своё мрачное пророчество про «России чёрный год». Сама же inferнальность большевизма, которой некоторые пытаются замазать сложный вопрос об отношении современной РФ к советскому наследию, имела не менее inferнальных прародителей не только за границей, но и в петербургской империи.

О ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРАХЕ

Православный дух — дух синтеза. Именно он позволил старой Московской Руси окрестить орду, вовлечь в свою орбиту иноверцев. А если кого не удавалось окрестить, русский православный дух располагал принять, обнять их державной энергией. В этом смысле православный человек может быть и «сталинистом» — конечно, не в расхожем, а в специфическом прочтении термина. Тем более что сталинизм в 50-е годы XX века, и сталинизм начала XXI века различаются кардинально. Православные сегодня в массовом порядке становятся «сталинистами» не в смысле исключительной ориентации на Сталина, а в том смысле, что история научила их ценить поприще и отверженное современностью наследие, отличать в этом наследии зёрна от плевел. Верующие люди не ставят Сталина вровень с христианскими святыми — в нём видят подобие новозаветного Савла, обратившегося в Павла. Сталин и впрямь выступил как Савл русской истории XX века, преобразившийся в апостола распятой и воскресшей России.

Образ примирения Царя-Мученика и генералиссимуса Сталина, насколько мне известно, впервые прозвучал в книгах протоиерея Димитрия Дудко, священника, который для многих православных служит камертоном в духовном понимании политической жизни. В работе «Посмертные встречи со Сталиным» он изображает встречу царя и диктатора: Сталин, разглядев, кто перед ним, бухнулся в ноги государю. А Николай II в разговоре с советским вождём признаёт: «Сталин старался сохранить страну как империю».

В отличие от новейших экзорцистов коммунистического беса отец Димитрий ещё в 70-е годы был жесточайшим обличителем неправд советского режима и страдал за это. (К слову, свой лагерный срок в 1948 году он получил не за что-нибудь, а за обличительное стихотворение о Сталине.) Но он же первым в 90-е годы пришёл к пониманию, что в новой исторической ситуации коммунисты уже не наследники палачей и гонителей, но сами стали гонимыми. Поэтому отец Димитрий повернулся лицом к коммунистам, а не к дорвавшимся до власти антикоммунистам, под прикрытием отрицания советского строя обделяющим свои тёмные дела. Кто-то может усомниться в трезвости отца Димитрия — но всякий, близко его знавший (к которым относится и автор статьи), подтвердит, что он сохранял кристальную ясность сознания и глубину духовного зрения до конца своих дней. Вот что он говорил: *«Я так думаю: коммунисты были наши враги. Но как в Писании сказано: «Любите врагов ваших, благословляйте, а не покарайте гонящих вас, благотворите ненавидящих вас». Это о коммунистах. А что сегодня: как уже сказал — более всего соблазняют. Уже не гонят, не ненавидят, а именно — соблазняют. Сказано: «...А такому человеку лучше не родиться на свет». Соблазнитель ещё хуже. Но я не унываю, не сомневаюсь, мы всё переживём, потому что природа россиян тесно связана с православной традицией (даже те, кто был коммунистом, таил в себе Христа). Многие мои прихожане в разное время говорили: да, работа была связана с коммунизмом, но в душе жило христианство. Вот что важно-то!»* («Литературная Россия», 22.02.2002).

На этой цитате можно было бы и остановить полемику с новыми ревнителями, поскольку слова отца Димитрия, много потерпевшего от советской власти, весят гораздо больше их запоздалых анафем.

Однако обращает на себя внимание и целое течение, которое не без косвенной помощи Изборского клуба вышло на поверхность в последние месяцы, — это течение объединилось вокруг темы скорейшего выноса из мавзолея тела Ленина и предания его земле. Тема, спорадически возобновляющаяся уже в течение 20 с лишним лет. На этот раз участники круглого стола в Госдуме, организованного под покровительством Жириновского в конце марта, детально обсудили перспективы аналога Нюрнбергского процесса над коммунистическим режимом. Юрий Бондаренко из общества «Возвращение» призвал в пику Изборскому создать Московский клуб — для объединения людей во-

круг темы возвращения исторических названий. Другой активист этого направления доктор исторических наук Владимир Лавров предложил принять закон о преступлениях советского режима. Он же в одном из более поздних выступлений повторил тезис Решетникова и Мультиатули, но уже в адрес Изборского клуба — *«это одержимые люди, одержимые тёмными силами. Силами, стремящимися сбить страну с пути духовно-нравственного возрождения, запутать всех и втравить в авантюру. (...) И если власть окажется под их контролем, то нового ГУЛАГа не избежать»*.

Наверное, таким из наших коллег по клубу, как Наталья Нарочницкая и архимандрит Тихон (Шевкунов), было бы весьма любопытно узнать, что их причисляют к провозвестникам нового ГУЛАГа. Впрочем, горячие нападки Лаврова объясняются ещё и субъективной причиной — его столкновением с Сергеем Черняховским в прямом радиоэфире, в результате чего Лавров попал в клинику с травмой носа. (Черняховский, надо сказать, принадлежит внутри Изборского клуба к крылу крайне левых, коммунистов-ортодоксов — по его убеждению, рефреном проходящие через выступления Лаврова слова об осквернении Красной площади мавзолеем оскорбили миллионы людей.)

В том же марте 2013 года было опубликовано открытое письмо Круглого стола Русского дворянского собрания Пугину, Медведеву, патриарху Кириллу, лидерам парламентских партий и политической оппозиции: в нём от имени русской эмиграции заявлено, что просьбы президента РФ об участии соотечественников в развитии экономики нашей родины не будут выполнены без вынесения Ленина из Мавзолея. Наконец, в эту же, по всей видимости, согласованную кампанию вписывается и недавнее заявление представителей дома Романовых на ту же тему.

Что можно ответить на эти призывы по существу? Известно широко распространённое мистическое настроение, которое, наверное, в самой короткой форме передано в иронических строках известного рок-поэта:

*Пока не зарыт государственный прах,
Эта баржа вряд ли покинет мель...*

Верна или не верна мистическая интуиция о судьбоносности того момента, когда не станет мавзолея на Красной площади, очевидно, что с 1924 года наша

страна жила сложной жизнью, переживала и взлёты, и падения. «Баржа», мягко говоря, не стояла на мели. Среди членов Изборского клуба нет никого, кто отрицал бы исторически достоверные факты преступлений и репрессий. Изборцы, пожалуй, лучше многих других видят недостатки СССР — по той простой причине, что хорошо знают сам предмет, изучают его, с любовью, с требовательностью, с критическим подходом. В частных беседах между собой у членов клуба звучат такие факты и подробности про язвы и слабости советского проекта, которые и не снились «коллективному Сванидзе» с его набором штампов 25-летней давности и «советологической» пробы. Но мы видим и великую силу и правду этого исторического проекта, его связь с ходом становления всей Русской цивилизации.

В нашем понимании советский строй прошёл огромный путь, и за 70 лет в нём сменили друг друга несколько поколений политиков, воинственных идеологов, созидателей и творцов, хранителей и реставраторов. Это был богатый мир, целый космос, в котором находилось место и всем нынешним представителям зрелого поколения, включая тех, кто призывает «проклясть и забыть» это 70-летие.

Среди членов Изборского клуба к Ленину отношение разное. Во всяком случае, в Ульяновске в декабре прошлого года тост за Ленина пить не стали. Решение проблемы мавзолея и его нахождения в символическом центре страны, на мой взгляд, станет возможным только на пути гармонизации и взаимопонимания советских патриотов и традиционалистов-консерваторов. То есть на пути того самого синтеза, о котором мы радеем. Решение этой проблемы невозможно на волне новой декommунизации и десoветизации, новой перестройки и оголтелой пропаганды. А если бы такое стало возможно, то это вновь, как и 20 с лишним лет назад, означало бы самоуничтожение и самоотрицание нашей цивилизации. (К сожалению, некоторые представители эмиграции не понимают, не чувствуют всего этого, в силу, быть может, своей многолетней оторванности от России.)

Кстати говоря, в Ульяновске мы услышали в ходе обсуждения синтеза «красной» и «белой» традиций государственности свежее предложение — перенести мавзолей на родину большевистского вождя, в создаваемый там на базе Музея Ленина «Музей СССР».

СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ СТАЛО КАМНЕМ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Сегодня советский период истории оплеван больше, чем любой иной. Искажения советской истории местами не менее вопиющи, чем искажения истории царствования Иоанна Грозного или Николая II. Но если с нашими государями «справиться» легче, то осуществить еще одну десталинизацию страны гораздо труднее. Миллионы людей, которые помнят своё недавнее прошлое, не дают манипулировать ими так легко, как это получается у историков-пропагандистов в отношении отдалённой старины.

Самое же важное заключается в том, что на пути выработки общенациональной идеологии нового образца вопрос о советском наследии становится камнем преткновения. Принимать это наследие или отказываться от него — ожесточённый спор, который разделил многих. Среди причин этого ожесточения есть и личные обиды многих людей, которые представляют себя не реализовавшимися в прежней советской жизни, а также семейные обиды, неготовность простить за репрессированных родственников. Всё это достаточно очевидно.

Однако главной причиной, на мой взгляд, является то, что **советское наследство было приватизировано** и послужило материальной базой для крупного капитала. С точки зрения принципов нового порядка должна быть вытравлена память о том, каким трудом, какими и чьими усилиями создано всё то богатство, растрачиванием которого живёт нынешний правящий слой. При этом

пространства, наконец, в ключевых кадрах производства, науки, образования, которые продолжают передавать свой бесценный опыт молодому поколению. СССР, даже после своего распада, продолжает культурно связывать те народы, которые были объединены общей исторической судьбой в XX веке и ранее, он накладывает свои скрепы через живую память людей, а не через слишком древние и от того более абстрактные дореволюционные связи и традиции.

Сегодня призывы о покаянии русского народа за коммунизм должны быть отвергнуты и повернуты в иную сторону. Необходимо призвать бывших и актуальных «антисоветчиков» к метанойе, перемене ума, исправлению вывихнутых мозгов — ведь их злобные нападки на целый исторический период строятся лишь на выпячивании преступлений, репрессий, гонений, безбожия и т. д. Однако непонятно, на чём зиждется их желание вычеркнуть советский период из славной истории державы. Ведь немалые несправедливости можно без труда отыскать и в дореволюционной России (к примеру, царствование Петра I по жестокости мер и неразборчивости в средствах явно идёт впереди эпохи Сталина; вообще, XVIII век с его неорганичным крепостничеством и отрывом дворянства не только от простонародья, но и от национальной традиции может соперничать с XX веком).

Один из крайних и во многом справедливых аргументов критиков советского строя — о жёстком атеизме и воинствующем безбожии этой эпохи. Однако правильно ли поставлен перед обществом этот вопрос? Оставляя

Не получается ли, что в данном случае Церковь, которая получила «свободу», была использована внешним врагом для ослабления страны и народа? Иными словами, православие использовали для ослабления в конечном счёте самого же православия — ведь растерянный, заклёванный и вымирающий народ не явит сильной веры.

духовная составляющая советского наследия, которая де факто продолжает питать все здоровые слои общества через преемственность в литературе, искусстве, бытовом укладе, в легендах, афоризмах, даже анекдотах, принимается по умолчанию как нечто само собой разумеющееся и незначимое в том, что касается его «советского» происхождения.

Некоторые критики, как, например, Игорь Чубайс, недоумевают, как можно говорить о советском консерватизме. Однако, в конечном счёте, если какой-то весомый консерватизм, имеющий опору в реальных людях и структурах, и возможен в нашей ситуации, так это преимущественно консерватизм советский. Современная Россия и бывшие республики СССР в значительной мере живут **внутри советского наследия**. Это неустранимый и действенный фактор жизни. СССР реально и зримо присутствует в сохранившейся индустрии, инфраструктуре, во всём ландшафте исторического и технологического

за скобками проблему «малого воцерковления» страны в 40-е годы, процесс которого в 50-е годы был приостановлен, а после ухода Сталина вообще перечёркнут, приемлем для удобства рассмотрения за аксиому, что это были 70 лет безбожия. Даже при такой постановке вопроса в нашем понимании вопрос должен стоять не о закреплении и не о фиксации памяти об атеизме и гонениях на верующих. Сущностный вопрос в другом: что помешало нам как народу, как государству, сохранив потенциал и лучшие завоевания советского проекта, окрестить и воцерковить его? И почему в годы перестройки, в том числе и во имя борьбы с безбожием, мы утратили этот потенциал? Не получается ли, что в данном случае Церковь, которая получила «свободу», была использована внешним врагом для ослабления страны и народа? Иными словами, православие использовали для ослабления в конечном счёте самого же православия — ведь растерянный, заклёванный и вымирающий народ не явит сильной веры.

Многие наши либеральные критики гнезда Суркова и в адрес советского строя, и в адрес старой дореволюционной России часто бросали упрек в избыточности жертв, обилии крови, насилия и надрыва в русской истории. И в их устах жертвы и сверхусилия обесценивали и как будто обесмысливали саму нашу историю. Однако если жертвы были напрасны, тогда и сами наследники напрасно живут на земле. Не извлекают уроков и не умеют хранить добро. Жертвы и усилия русского народа, как до революции, так и в советский период, — аргумент не против сохранения всего нашего драгоценного наследия, а за такое сохранение, бережное соби́рание. Народ переваривал в своем духовном котле все мерзости разрушителей и преступников истории, преобразуя яд в бальзам. Сверхусилия и подвиги порождали великую цивилизацию, огромную силу добра, а вовсе не империю зла и не inferнальную реальность. Это в полной мере относится к советскому периоду. Громадное сосредото-

чение добра и веры в будущее счастье советских детей трудно отрицать представителям нашего поколения, тем, кто в 70–80-е годы рос в советских городах и сёлах, учился в советских школах, воспитывался на советских песнях и книжках, во многом вобравших дух классической и народной русской культуры. По-моему, людям, жившим тогда на родине, невозможно отрицать этот потенциал добра, если, конечно, мы говорим о людях нормальных, не с искажённым нравственным мериллом, не ослеплённых обидами и чувством мести.

Дискуссия о советском прошлом не должна вестись как бесконечное перетягивание каната между партией обличителей ГУЛАГа (а также: террора, классовой борьбы, ликвидации старой интеллигенции, крестьянства и духовенства и т.д.) и партией воспевателей мирного атома (а также Великой Победы, первого спутника и Гагарина, достижений советской науки, высокой планки советского образования и т.д.). Нужно уметь видеть всё вместе, в объ-

ёмной картине прошлого. История всегда такова — в ней не отыщешь золотого века.

И не стоит ли нам взять пример с китайцев, которые одновременно возрождают конфуцианство, даосизм, почитают своих древних императоров, но при этом не отказываются ни от красного диктатора Мао с его политическими перегибами, ни от его преемников? А кроме того, китайцы внимательно изучают и опыт Запада, и опыт СССР, и других стран. Изучают и негативный опыт (так, целый китайский институт исследует нашу «перестройку» — с целью не допустить у себя повторения подобного коллапса). Китайцы нанизывают будущее на настоящее, а настоящее на прошлое. Они не откидывают предыдущие ступени развития, не сжигают мосты, которыми их народ шёл по своему пути к своему процветанию, пусть порою и с использованием для этого чужих учений и знаний.

Была ли «демоническая» составляющая в большевизме? Несомненно, была.

Был ли советский период продолжением великой истории великого народа? Несомненно, был.

Главный вопрос эпохи — сумеет ли государство выйти из компрадорской ловушки, из-под опеки офшорной аристократии на столбовой путь национального развития или, под влиянием интересов этих групп, фактически являющихся филиалом мировой финансовой олигархии, Россия вновь опрокинется в Смуту?

Но главное в другом. Необходимо ясно видеть те принципы советского уклада, которые не просто желательно, а прямо-таки необходимо брать с собой в будущее. Назову лишь некоторые из них:

- связь прав граждан с их обязанностями перед обществом;
- военная служба как почетный долг;
- строительство реальной экономики, создающей новую физическую стоимость, осязаемое общественное благо как основу социального развития;
- организация инновационных прорывных направлений для решения стратегических задач, а затем и в качестве локомотивов технологического развития всей страны;
- гарантии прав на образование, труд, жилище, охрану здоровья, отдых, пенсию, социальную поддержку за счёт целенаправленного формирования общественных фондов потребления;
- обязательность в работе СМИ и массовой культуры преобразующего ментального результата, поднимающего, а не занижающего планку «нормы» общенародного сознания;
- ясный ответ на вопросы: кем трудиться, где трудиться, на кого трудиться, ради чего трудиться, — связанный не только с индивидуальными желаниями и стремлениями человека, но и с общенациональной задачей размещения и совершенствования производительных сил.

МЫ ПРИЗЫВАЕМ ПУТИНСКИЙ «ТЕРМИДОР»

Главный вопрос эпохи: когда и каким путём произойдёт переход от промежуточной компромиссной путинской формации к Пятой империи, к новому имперскому проекту. Черты этого проекта уже описаны — в том числе в разных работах и выступлениях многих членов Изборского клуба. Одни при этом делают акцент на евразийском характере будущей империи. Другие — на динамическом консерватизме и русском православном традиционализме, который при этом создаёт комфортное пространство для мусульман, буддистов и других иноверующих. Третьи — на том, что в новой империи произойдёт естественное возрождение тех сильных черт советского проекта, которые были отброшены и разрушены в 90-е годы (речь идёт об отборе именно сильных свойств, доказавших свою оправданность, а не тотальном возврате в СССР). Четвёртые постулируют инновационный характер будущей империи, её глубокое проникновение в парадигму нового технологического уклада, без чего она не сможет выстоять в борьбе цивилизаций.

Пятые указывают, что она укрепитя в своём противопоставлении мировой верхушке, управляющим капиталистическим миром кланам с их механизмами виртуальных денег и специально придуманных экономических рычагов доминирования, с их оторванностью от реальной экономики, от производства благ. Есть и другие нюансы и оттенки того многоголосого мировоззрения, которое являет Изборский клуб.

Главный вопрос эпохи — сумеет ли государство выйти из компрадорской ловушки, из-под опеки офшорной аристократии на столбовой путь национального развития или, под влиянием интересов этих групп, фактически являющихся филиалом мировой финансовой олигархии, Россия вновь опрокинется в Смуту? И тогда под знамёнами «Болотной площади», под знамёнами мнимых «красных» и мнимых «белых», под обманными лозунгами свержения диктатуры, завоевания свободы, честных выборов, показательной ненависти к коррупции, под лукавыми спекуляциями на экологии природной среды, защиты прав меньшинств и прочая и прочая — на смену не очень симпатичному путинскому режиму придёт нечто гораздо худшее. Придёт революция паразитов, лицемерно присваивающих право судить и обличать других так, как будто они новые жрецы новой церкви. Они уже и сегодня присвоили это право обличать «подлецов», «фарисеев» и «палачей». Однако совесть правозащитников, которые

очень жалеют Ходорковского и очень не любят Лукашенко, очень сочувствуют извращенцам и очень не сочувствуют верующим христианам, — это не совесть русского народа. У нас разные совести, разные церкви и разные боги.

В первую Смуту в XVII веке исходом её стала реставрация прежней системы (Минин и Пожарский, Земский собор). Во вторую победила антисистема (Ленин и Троцкий, Коммунистический интернационал). Именно антисистемностью большевизма по отношению к России как цивилизации объясняется продолжительный террор большевиков — притеснения «бывших», искоренение духовенства, коллективизация с массовым уничтожением крестьянства. Но и сама антисистема, в соответствии с принципом смены волн, пожирает собственных детей и постепенно перерождается. Изнутри «малого народа» выявился диктатор, который год за годом изничтожил «ленинскую гвардию» и впервые осуществил, пусть еще не прочный, сплав «красного» и «белого», вернее модерна и традиции. Сделал он это ради жизнеспособности государства.

В третью Смуту антисистема вновь победила («семибанкирщина», всесилие олигархов, обокравших богатейшую страну, перевёртышей, конвертировавших советскую власть в постсоветскую «власте-собственность»). И сегодня, когда история приблизилась к новому «термидору», «термидорианскому перерождению» (так «малый народ» называет начало своего конца, предел своему разгулу), они пытаются взять окончательный реванш. Потому что в противном случае им не удержаться.

Изборский клуб придаёт форму тому глубинному сопротивлению Большого Народа, народного духа, которое, казалось бы, уже иссякло. Мы не охранители режима, сложившегося в 90-е ельцинские годы на костях миллионов преждевременно умерших и на трупиках миллионов нерождённых детей.

Но мы выступаем за прекращение политической оргии. И мы видим приближающийся «термидор» Путина и будем поддерживать его, если, конечно, Путин сумеет пересилить внутренние сомнения и внешние влияния и дозреет до этой исторической задачи.

Есть ли признаки такого дозревания?

Их становится всё больше.

Кубышки финансовых резервов распечатываются: сначала на нужды оборонного комплекса,

а теперь и на строительство инфраструктуры (долгожданная победа над монетаристами, дай бог, чтобы она не ограничилась словами). Со скрипом, со скрежетом, но и антикоррупционная кампания всё больше набирает обороты, напоминая чем-то сталинские чистки. Чиновников ограничивают во владении зарубежной собственностью. Западные НКО всё больше выдворяются, их российские филиалы (иностранные агенты) тоже начинают прижимать. Объявлен поворот к теме патриотического воспитания (термин «воспитание» долгие годы после распада СССР был вообще вымаран из госполитики), причём сделано это в контексте борьбы мировых идеологий, что было ещё вчера для нашей власти совершенно немыслимым. Создаётся единая концепция учебника отечественной истории — и если даже первый блин выйдет комом, важен сам почин. Власть задумалась о контроле над Интернетом, через который в сознание нашей молодёжи тянутся щупальца дистанционных воздействий и манипуляций, формируя не только идеи, но уже и основной социальный фон сознания. Власть объявила о союзе с Церковью и защите религиозных чувств верующих от глумления, дала понять, что защитит от агрессии могущественных западных мафий, таких как лобби ювальной юстиции, сексуальных меньшинств, растлителей, осквернителей.

Главный вектор политического момента — решительный поворот к прорывному развитию, к Большому рывку, чему Изборский клуб посвятил первый свой доклад. Для этого необходима мобилизация и солидарность Большого Народа, национального большинства. Если кто-то не вписывается в эту солидарность, будь он сверхбогатый собственник или свободный художник, — он не вправе рассчитывать на политическое влияние и приоритетную защиту его интересов. Богатство и талант обязывают. «Кому много дано, с того много и спросится».

Для расстановки точек над *i*, для того чтобы «термидорианская» смена курса стала необратимой, остаётся не так уж и много: нужно положить предел растаскиванию патриотов на правый и левый фрагменты — нужен единый патриотический фронт. Цели такого объединения станут консолидаторами народа. Так начнётся новый глубокий синтез советского модерна и русского традиционализма. Так потерянное лицо России начнёт вновь проявляться и проступать сквозь рассеивающийся туман Смутного времени.

Иллюстрации: Александр ПРОХАНОВ

Метафизика русской истории

В Изборском клубе прошло несколько круглых столов, объединённых тематикой «борьбы за историю», концептуальной и информационной войны за прошлое, которая обобщается на уровне метафизики. Обсуждение показало, что эта тематика имеет стратегическое значение — и в этом смысле является борьбой за будущее. Предлагаем вниманию наших читателей избранные фрагменты состоявшихся дискуссий.

Александр ПРОХАНОВ,

председатель Изборского клуба:

— Тематически эти круглые столы можно было бы определить как демонстрацию организационного оружия. Изборский клуб задуман как организационное оружие, способное отражать атаки нашего стратегического неприятеля по всем возможным направлениям. Одно из самых актуальных на сегодня направлений — историческое, это схватка за историю. Тот, кто пишет историю, тот управляет государством, тот владеет национальной судьбой, тот, по существу, может претендовать на захват неких исторических пространств и форм.

Россия сегодня подвергается множеству параллельно и одновременно идущих воздействий на пространствах истории. Атакуется всё, что связано с рускостью, атакуется всё, что связано с имперскими представлениями, всё, что связано с православием, всё, что связано с исламом. Атакуется всё, что связано с советским, атакуется тема войны, атакуются Сталин и другие герои этой мистической победы 1945 года. Атакуются культурно-исторические коды, такие как традиционная русская семья, традиционная русская культура, музыка, традиционное русское слово.

И всё это, вместе взятое, подвергается воздействию мощнейшей стенобитной машины, разрушающей основы сегодняшнего хрупкого, не состоявшегося до конца, несовершенного государства.

Советский Союз не выдержал схватки за историю. Он в период перестройки был лишён своих исторических основ и распался без единого выстрела, без налётов штурмовой авиации. Нечто похожее происходит и теперь.

И мне кажется, что во всей этой организационно-исторической войне могла бы очень мощно действовать концепция русского мессианства. Эта концепция формулирует гигантскую метафизическую, метаисторическую задачу, поставленную самой природой или самим божеством, самим Господом перед русским народом. Задача эта

сводится, первое: к введению в божественную или цивилизационную эксплуатацию громадного числа мёртвых и нецивилизованных пространств, а также народов отсталых, — создание вот такой вот пространственной империи, империи великой культуры, империи великих верований, соединённых потенциалов. Далее: в русском мессианстве входит задача установления на земле царства божественной справедливости, то есть идеального бытия, формулируемого в заповедях, священных текстах. Наконец, третья сторона русского мессианства заключается в том, что русская цивилизация ведёт тотальные и смертельные схватки с миром тьмы, глобальной космической деструкции. И Вторая мировая война — это как раз величайшее столкновение не военных, не геополитических, не социальных, не идеологических только, это столкновение ещё и космогонических сил. И русским была предложена всем остальным человечеством задача сокрушить тёмные силы. И Россия сокрушила их ценой грандиозных потерь, что уподобляет подвиг нашего народа Христовой жертве. И поэтому концепция русского мессианства, исторического мессианства, которая объясняет русский народ, и русские траты, и русские беды, и ненависть мира, западного в основном, к России, — объясняет их в основном вот этими чудесными, волшебными, мучительными, трагическими, вменёнными России деяниями.

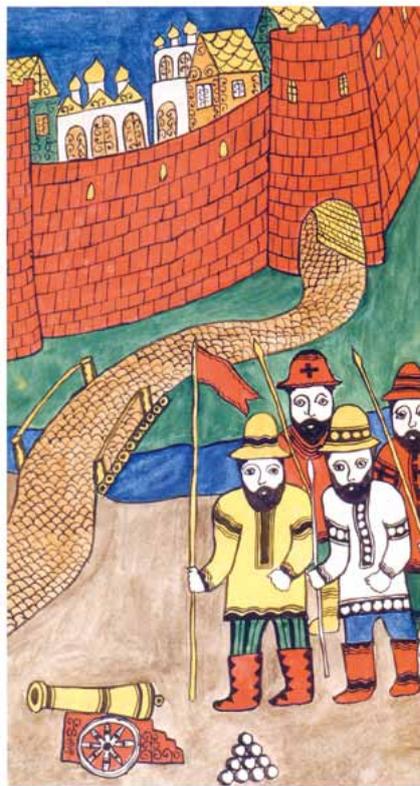
Андрей ФУРСОВ,

директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета:

— Мне очень нравится такой ёмкий термин — психоисторическая война, который впервые я встретил в пятикнижке Азимова, которое называется «Академия». Ведётся эта война на нескольких уровнях. Самый простой уровень психоисторической войны — информационный. Это всё, что связано с фактами. Следующий уровень, более сложный, — это концептуальная война,

то есть интерпретации. И, наконец, последний — это метафизический уровень, то есть смысловые вещи.

Я поясню примером катынского дела. Информационный уровень: нам рассказывают некие подтасованные факты, говорят, что польские офицеры были расстреляны советскими энкавэдэшниками. Следующий уровень — интерпретации. Почему они были расстреляны? Потому, что был тоталитарный сталинский режим. Наконец, следующий уровень уже метафизический, здесь даётся ответ, почему сталинский режим был тоталитарным. И этот ответ гласит, что катынское

дело — это в духе тоталитаризма, присущего русскому менталитету, и пока этот русский менталитет не изменится, всё будет по-прежнему. То есть такая очень простая трёхходовка: информация, концепция, метафизика.

На каждом уровне психоисторической войны есть свои правила, есть свои приёмы, но вместе это всё конституирует психоисторическую войну. И вот опыт последних 20–30 лет, начиная с поздней перестройки, показал со стеклянной ясностью, как ска-

зал бы Набоков, как развивается война в психоисторической сфере. Сначала, как мы помним, в эпоху перестройки наносился удар по Сталину. Сталин ниспровергнут, значит, следующая мишень — Ленин. Затем социализм. Наконец, следующей на очереди идёт уже сама Россия, русская история и сами русские. И Яковлев позднее признал, что удар наносился не только по Советскому Союзу и социализму, что это был удар по русской тысячелетней истории.

Переписывание русской истории, искажение её смыслов и ценностей идёт по нескольким направлениям. Я хочу зафиксировать направление этих атак, и, естественно, по этим направлениям должны быть контратаки, но контратаки не оборонительного типа, а наступательного.

По каким линиям фальсифицируется русская история? Прежде всего по линиям структур наносится удар. У нас в истории русской было две крупные структуры — это самодержавие и коммунизм. Вот по этим структурам и наносятся основные удары. Причём они связываются вместе в качестве некоего тоталитаризма. Эта линия на их объединение в рамках тоталитаризма представляет собой одну сторону русофобского оргорурия. Вторая его сторона — это объединение коммунизма и национал-социализма, тоже в тоталитаризм, только в более современном прочтении.

Следующее направление войны — это процессы и события. Здесь разброс шире. Наступление ведётся по таким темам, как революция и Первая мировая война, Гражданская война, НЭП, коллективизация, индустриализация, Великая Отечественная война, перестройка. Причём вкладываются в это серьёзные средства. Вот недавно мне рассказали, что американцы выделили очень большие деньги на издание шестнадцатитомного произведения, которое будет называться «Россия и Первая мировая война». При этом 90% авторов будут американцы, 10% — люди из России, специалисты по очень узкой тематике, так сказать, по шестому волоску в левой ноздре. В редколлегии,

как мне сказали, весь цвет российской «науки», которая уже последние 15 лет сдаёт абсолютно все позиции нашей страны и получает за это ордена. Сам факт выделения в столетний юбилей начала мировой войны средств на ревизионистскую, с нашей точки зрения, историю участия России в Первой мировой войне — очень показателен. Потому что следующим шагом, я думаю, будет революция 17-го года, затем Гражданская война и т.д.

Следующий уровень — это идеи. Здесь главная мишень — идея коммунизма. Иногда говорят также об идее Третьего Рима, но главным образом удар наносится по коммунизму.

Четвёртое направление — организация. Здесь со знаком минус подаются, скажем, опричнина и КПСС, со знаком плюс — либеральные партии, которые не играли никакой особой роли. Но они выдаются за какой-то несостоявшийся альтернативный путь развития.

Следующее, пятое направление — это фигуры. Главные фигуры, по которым наносится удар в русской истории, идет шельмование, — это Иван Грозный и Иосиф Сталин.

Следующее — это сравнительный анализ Россия — Запад, где постоянно подчёркивается, что Россия всё время стремится стать Западом, но каждый раз почему-то этот путь обрывается. То ли потому, что она полу-Азия, то ли из-за тоталитарного наследия и того, что для российской традиции характерно насилие. Я как-то спросил оппонентов, обрабатывающих соответствующую пропагандистскую линию: с чем сталкивался человек, который входил в западный средневековый город, что первое он видел? Ну они долго думали, не смогли ответить. Ну и потом спросили: и что он первое видел? Виселицу он первой видел. Это то, чего как раз не было в русских городах. Культура смерти, эстетизации смерти, и вот это самое насилие, особенно после «чёрной смерти» было характерно для Запада.

Наконец, последнее направление — это роль России и СССР в международном контексте, та роль, которую играла наша страна в мировой системе.

Вот основные семь направлений, по которым идёт фальсификация нашей истории. В чём заключается, на мой взгляд, стратегия психоисторической борьбы или, если угодно, войны? Ну прежде всего мы должны писать свою историю на основе своей методологии и своих схем, пользуясь своими понятиями, а не втягивая в свой дискурс те понятия, которые не адекватны нашей истории. Ни в коем случае нельзя использовать чужую методологию для анализа нашей истории. Если ты смотришь на мир чужими глазами, то ты смотришь в чужих интересах. Как говорил Тацит, в битве проигрывает тот, кто первым опускает глаза. Мы должны обязательно, наряду с разработкой нашей истории, написать такую историю Запада, которая не была бы, по выражению Доминика Ливена, самовосхвалением англосаксонской цивилизации. Если создать реальную объективную историю Запада, то вылезет масса насилия, масса хищничества, всё то, что сегодня выливается в западную волю к смерти.

Ещё один момент, по которому нужно, на мой взгляд, работать, — это анализ структур и персон, фальсифи-

цирующих нашу историю. Я ни в коем случае не призываю к тому, чтобы кого-то травить и кого-то шельмовать, но нужно очень чётко фиксировать позицию этих людей. И если, скажем, человек получает от иностранного государства орден за то, что он согласен с их позицией по поводу Катюши, нужно обязательно фиксировать таких людей и подчёркивать, за что их награждают, чтобы все это видели. Можно составить справочник структур, которые работают по русской истории, как они работают, что они пишут и т.д.

И хотя сегодня официальный школьный учебник истории нам никто не даст написать, но кроме учебника есть замечательная форма — книга для чтения. Я думаю, что для Изборского клуба и его единомышленников это вполне разрешимая задача: в пределах двух лет написать книгу для чтения по русской истории от и до. Чтобы опубликовать книгу для чтения, не нужно получать разрешение. Таким образом, можно обойти противника с фланга и врезать как следует.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
*исполнительный секретарь
Изборского клуба, доктор
философских наук:*

— Разговор о метафизике сам по себе мы начинаем осознанно. Пришла такая мысль, что в деятельности Изборского клуба, в публикациях нашего журнала нам не хватает рубрики, связанной с метафизикой. Едва ли не самой важной рубрики. Потому что, если национальная интеллектуальная элита, или, проще говоря, те люди, которые работают над смыслами, уклоняются от темы метафизики, не обсуждают её, оставляют её для каких-то своих кабинетных разработок, это значит, что они главное свое предназначение не воплощают.

На мой взгляд, большинство членов Изборского клуба объединяет в значительной степени видение определённой цикличности русской истории, которое связано с тем, что время от времени Россия переживает страшные, чудовищные, можно сказать, не совместимые с жизнью

исторические катастрофы. Но для нас особенно важно то, как происходит в дальнейшем исцеление традиции, то, как она возвращается.

Тема преодоления катастрофичности, выхода, как я называю в своих работах, из Смутных времён, это тема, которая способна структурировать вокруг себя проблему метафизики истории.

Говоря о проекте единого учебника отечественной истории — мы должны отдавать себе отчёт в том, что полноценное построение такого видения означает, что мы задаём пространство канонического в восприятии национального прошлого (впрочем, и в национальной культуре вообще). Это пространство не должно быть слишком большим, не должно подавлять свободу творчества, свободу интерпретации, но это пространство канонического должно занять своё, подходящее ему место. На сегодняшний день общенационального консенсуса по этому поводу мы не имеем.

Андрей Ильич Фурсов предложил очень чёткие параметры, такие как структуры, фигуры, сравнительный анализ и некоторые другие аспекты вот этого метафизического измерения истории. Какие бы я здесь заметил узловые точки, может быть, некие наши слабости? Вот одной из наших слабостей я бы назвал то, что мы на уровне метафизики всё время находимся в положении «отталкивания от». Мы говорим о том, что тезис о вращении России в Запад не верен, что Россия никогда не была, не является и не будет Западом. Но ведь дело не только в том, чем Россия не является, а дело в том, чем она является. То есть здесь очень важен вопрос именно о раскрытии **позитивной метафизики** русской истории. Существеннейший вопрос и существеннейшая задача, при решении которой отпадут многие задачи, связанные с контратаками и контраргументами.

И в этой связи хотелось бы наметить некоторые положения, которые у нас уже есть и на которые можно опираться. В том числе и в полемике с представителями «малого народа»

в России, который является контр-агентом западной цивилизации. Западничество для нас более реально, чем сам Запад. Потому что если бы в России лобби вестернизаторов было ослаблено, если бы оно имело меньшие позиции, то и Запад был бы не так страшен. Запад нам всегда не очень страшен в лобовом столкновении, он страшен нам именно за счёт того, что он действует через «малый народ» внутри России, разлагая её изнутри, разлагая наш дух.

Итак, что это за точки опоры? Ну, во-первых, были названы фигуры. Я абсолютно согласен с Андреем Ильичём, что наиболее критикуемые фигуры Ивана Грозного и Сталина действительно в наиболее концентрированном виде предложили метафизический проект России. Их предложения оказались в высшей степени удачными. Потому что как бы потом ни относились к нашим государям-вождям многочисленные историки-пропагандисты,

как бы они их ни порочили, но де-факто те вещи, которые закладывал в своё время Иван Грозный, несмотря ни на что, прорастали во всех дальнейших эпохах исторической России; и то, что закладывал Сталин, прорастает теперь, и мы видим, что этот процесс не остановить. И пока Россия существует, эти метафизические константы будут прорастать.

Что к ним относится? Во-первых, можно говорить о том, что Россия предлагает свою определённую систему человеческой империи, империи, которая даёт возможность разным народам существовать в человеческом формате, в формате, когда представители других народов признаются именно людьми. Это русское изобретение. Это дух Миклухо-Маклая, это дух русских первопроходцев, это дух даже и Ермака, потому что, ведя войну, мы всё равно считаем противников людьми. Это русский цивилизационный и культурный стиль.

Второй момент. Мы предложили фактически особый формат сопротивления всем претендентам на мировое господство. Это относится не только к Западу. Сопротивление мировому злу всегда было свойственно России, и оно было очень эффективным. Россия всегда осаживала претендентов на мировое господство. Может кто-нибудь возразить, что и на Западе была построена своя система купирования угроз панъевропейского господства. Но на Западе она работала совсем по-другому: по принципу разделения на несколько проектов, а именно: испанский, английский, французский, немецкий, которые, сменяя друг друга, осаживали друг друга. Это была скорее война всех против всех, а не построение мира гармонии, что свойственно России. Для Запада была характерна грызня всех против всех. Это совершенно разные модели недопущения единого мирового господина, какого-то одного, условно говоря, антихриста.

Далее: несомненно, через всю историю России прорастает своеобразный тип понимания социальной правды, которая в советском формате, в марксистском формате звучит как социальная справедливость. Эта социальная правда транслировалась через все века истории, естественно, с определёнными издержками и срывами. Потому что сама синусоида истории России очень рваная, в ней есть провалы и даже определённая цикличность спадов.

Существеннейшая вещь — это выработка особого, своеобразного типа элиты, свойственного Русскому государству, Российской империи, СССР. Особая система взаимоотношений в треугольнике — элита, народ и верховная власть, — которая была предложена именно в России, и не сводима ни к каким другим моделям, ни к византийской, ни к так называемой просвещённой монархии, или авторитаризму западных государств,

ни к прочим. Постепенная эволюция элиты в России, что хорошо показано в работах того же Фурсова, своеобразна, в ней отражена определённая метафизика наша. И как раз именно в эпохи Ивана Грозного и Сталина мы ближе всего подходили к определённому оптимуму этой метафизики.

Естественно, всё это никакой не тоталитаризм и не «урфашизм» в терминологии Умберто Эко, у которого перечень фашистских интенций и качеств совпадает со всем нелиберальным: всё, что не наше, всё, что нам противно, оно для нас неприемлемо, значит, оно фашизм. Подход глубоко эгоистический, в каком-то смысле даже аутистский, отражающий неспособность воспринимать другие цивилизационные константы и правды, которые предлагает не только одна Россия.

И в заключение хотел бы ещё раз сказать, что важным метафизическим положением, которое сам я разрабатываю уже много лет, является амплитудное движение России от Смутных времён к пикам реализации национальной метафизики, воплощения собственной национальной идентичности. Мы постоянно колеблемся в этом отношении от минуса к плюсу. И выработка в России особого типа элиты имеет обратной стороной то, что у нас на противоходе, во время Смутных времён формируется особый тип антиэлиты, квазиэлиты, которая разлагает общество. На сегодняшний день эта тема особенно остро стоит, потому что, несмотря на то что в 2000 году и после него были как будто преодолены многие признаки горбачёвско-ельцинского Смутного времени, тем не менее мы не видим однозначного позитивного исхода. С одной стороны, нет ни реставрации старого порядка, того, что было предложено Михаилом Романовым и группой Пожарского и Минина в начале XVII века, с другой стороны, мы не видим авангардного прорыва, того, что предложили большевики. Мы видим очень странную ситуацию. Казалось бы, Смутное время позади, но мы зависли где-то на грани, и мы можем в любой момент скатиться обратно. И тогда, скорее всего, это будет уже необратимый

процесс. Мне кажется, что метафизика Смутных времен и их преодоления является важным направлением построения новой картины мира. А она будет в значительной степени новой, потому что наши историки действительно плелись зачастую в хвосте у западной методологии, вписывая собственные события в чужую логику.

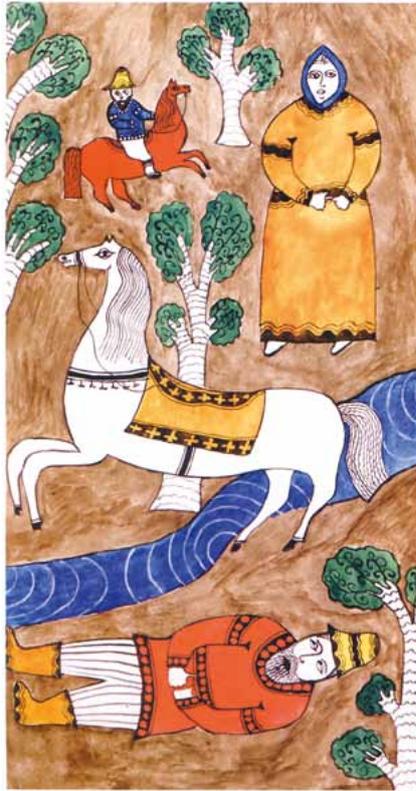
Владимир КАРПЕЦ,

историк, правовед, писатель:

— Русская история и после 17-го года начала двигаться своими извечными метафизическими путями. И это произошло потому, что внутри большевизма неожиданно возникла идея построения социализма в одной отдельно взятой стране. Эта идея фактически вновь противопоставила Россию западному миру и тем самым вывела её на традиционные исторические пути. Собственно, красные, после контрреволюции, я не постесняюсь этого слова, конца 30-х годов перестали быть красными. Точно так же, как и белые, после того, как те или иные белые генералы начинали делать ставку на международный бизнес и военную интервенцию, тоже переставали быть белыми. А в 60–70-е годы, собственно, уже не стало ни белых, ни красных.

И сегодня тоже складывается достаточно парадоксальная ситуация в этом смысле. Те люди, которые называют себя наследниками белых, фактически выступают за то, чтобы Россия превратилась в колониальную страну в руках Запада. Наиболее активные апологеты старого белого движения сегодня выступают в роли так называемых национал-демократов, которые вообще говорят о разделении России на русские республики, без кавказцев и без ментовско-поповского государства, — так они говорят. С другой стороны, возникшее в недрах КПРФ движение «Русский лад», о котором, может быть, многие из вас слышали, это уже, конечно, никакие не красные.

Соединение русской истории, и это мы показали в докладе «По ту сторону «красных» и «белых», возможно на пути синтеза ценностей трёх эпохальных периодов. В Московском цар-

стве мы берём истинное православие Стоглавого собора, плюс самодержавие, плюс земское самоуправление. Если пользоваться современным политическим контекстом, это начало Русского государства эпохи Иоанна Грозного можно называть социал-монархизмом. Далее, что неотменимо для нас в петербургской империи? Это юридическое преемство, это клятва Собора 1613 года и это указ о престолонаследии императора Павла. И третье — что мы берём из советской эпохи? Мы берём политический, организационный, социальный и военный опыт. Квинтэссенцией этого опыта является период с конца 30-х по 53-й год. Естественно, мы берём не мировую революцию, не Ленина, не Троцкого, а берём вот это акме советское. И вот эти три составляющие на метафизическом уровне должны быть неизбежно проявлены, потому что это и есть, собственно говоря, идея России.

Сергей БЕЛКИН,

главный редактор альманаха «Развитие и экономика»:

— В ЦДХ проходит книжный фестиваль. Я, как говорится, туда не хожу, это глу-

боко чуждые мне люди. Если только устроить там погром, на что у меня нет уже ни сил, ни куража. Но меня настолько уговаривали, что я пришёл, думаю, ладно, к детям схожу, посижу. Там идут выступления: общество «Мемориал», Соловки, очень много трагических историй из нашего прошлого. Я терпеливо сижу, старюсь всё это вынести. Но потом вдруг мне слово предоставили. А сидят там в основном дети, старшеклассники. Умненькие глазки. И я задал им то, что я хотел бы предложить в качестве одной из формулировок организационного оружия. Зачем нам нужно знать историю нашей страны? Я опускаю все варианты, которые услышал от детей. Мой ответ был такой: свою историю нужно знать, чтобы своей страной гордиться. То, чему вас сегодня учат, сказал я, формирует в вас презрение, ненависть, стыд за страну и желание свалить отсюда при первой возможности. Если вы считаете, что это единственное, что можно сделать, то вперёд. Если вы хотите строить страну, тогда из всей нашей большой истории вы должны выбрать славные страницы, страницы гордости, побед и достижений. Сравнил я с европейской историей, которую, как всем известно, на Западе рисуют как сплошной парад, победа за победой, Леонардо да Винчи, великие композиторы, наука, бесконечные достижения.

Итак, формула простая: историю надо знать для того, чтобы гордиться своей страной.

Александр ЕЛИСЕЕВ,

писатель, историк:

— Основное устремление России всегда было не земным, а небесным. И не случайно именно русские первыми вышли в космос. Стремилась стать цивилизацией не горизонтальной, а вертикальной.

Человечество сегодня как никогда стоит перед выбором: оно может устремиться в космические дали, кардинально изменив всё своё существование. Но в то же время мы всё больше убеждаемся: человек не осуществляет космическую экспансию, как многие

ожидали в век освоения космоса, а лишь летает по орбите. Да и то в основном из коммерческих соображений. Складывается впечатление, что космос нам не нужен, мир не стремится к героическому освоению далёких планет. А нынешним мироправителям экспансия не только не выгодна, но даже опасна, поскольку требует тотальных изменений «торгового строя», перехода к порядку, который позволит строить звездолёты и возводить города в марсианских пустынях.

Страна социализма, родина первого космонавта планеты покорена, вынуждена отложить многие великие проекты. На планете господство капитализма. А капитализм стремится сфальсифицировать реальность, навязывая главенство виртуальности. Порой её понимают как нечто выдуманное. Но это не совсем так. Есть разные уровни бытия, которые пронизывают и Вселенную, и социум, и каждого человека. «Материальные» уровни сосуществуют с «идеальными». К последним можно отнести дух, высшее интеллектуальное начало. Это область мысли, сфера интеллекта, вмещает интуицию. Это и есть душа, понимаемая как высший идеальный уровень.

А помимо духовного существует душевное. То есть область неких «слепых», но стремительных энергий, оживотворяющих плоть. Это нематериальный «тонкий» регион, а внутри каждого человека есть такое «желательное» начало, которое влияет «снизу» на ум, пытаясь сдвинуть его в область удовлетворения потребностей, желаний и фантазий. На это и направлена современная постиндустрия потребления. Уже сегодня эта сфера оставила позади индустрию как таковую, но впереди нас ждёт ещё и создание технологическим путём пространства, которое станет предельно близко к региону слепой души. Это и будет виртуальное пространство.

Конечно, могущества «должны» достигнуть немногие, лишь избранные, которым закрыта дорога на духовное Небо, но которые всё-таки хотят добраться до каких-то иных измерений. Всем же остальным предложат до-

вольствоваться выдуманными мирами своих фантазий, которые создают иллюзорное ощущение всепобеды. Это станет изощрённейшим орудием контроля над массами с технологией прямого и косвенного подавления, не важно, либеральной или тоталитарной. И символизировать оно будет нисхождение вниз, в противоположную сторону от Неба.

Но русским всегда было свойственно стремление ввысь. В славянской былинной традиции есть образ могучего богатыря-великана Святогора. Он дерзал побороть «тягу земную», что выражает волю к Небу. Волю к Звёздам не только как духовное, но и физическое действие. Святогор обладал грандиозной силой, которую не могла выдержать и сама земля, то есть сила получилась ненастоящей — «виртуальной». Перед смертью Святогор всю свою силу предложил богатырю Илье. А тот от всей чрезмерной силы отказался, взяв лишь часть её. Но то была реальная сила. Именно её использовали уже не былинные, а настоящие потомки Святогора и Ильи: они преодолели земную тягу, поднялись к звёздам.

И осуществлено это под Красной Звездой! При социализме. Почему-то красная звезда страшит «правых консерваторов», пугающих масонским, а то и сатанинским её символом. Но эта «ужасная» пентаграмма — древнейший символ, что был распространён у разных народов, в том числе и арийских. Христиане, например, трактовали пять концов звезды как пять ран Христовых. Да, пентаграмма использовалась масонами, но ведь поначалу масонство было «благонадёжной» инициативной организацией ремесленников-строителей, а внедрение туда субверсивных элементов произошло позже.

Человек вышел в космос для того, чтобы устремиться к нашему Солнцу и множеству других светил, с тем чтобы соединить эти огненные, пламенеющие точки разрыва, победить дурную космическую «бесконечность». И на символическом уровне такая победа будет означать победу над небытием.

Страна, осиянная Красной Звездой, просто обязана была первой бросить вызов тьме, преодолеть «тягу земную» и рвануть к звёздам. Русские первыми полетели в космос — это символично. Глобальный капитализм пытается загнать человека в мир виртуальных иллюзий, символизирующий «царство теней». А это станет духовной смертью человечества. Альтернатива одна — солнечная экспансия за пределы орбиты. К далёким планетам и звёздам. Русские стремились к высокому в прямом и переносном смысле. Они первыми преодолели земное тяготение. Это — небесное, космическое — и должно стать новым направлением развития России.

Алексей КОМОГОРЦЕВ,
главный редактор журнала
«Волшебная гора»:

— Существует западный метафизический проект, существует восточный метафизический проект, — не следует их недооценивать, идеальное есть у каждой цивилизации. Элита не существует без идеалов, без идеального. Чтобы победить врага, нужно чётко

понимать его метафизику. Не столько идеологию, сколько метафизику, потому что идеология всё-таки вторична, первична метафизика. Что ими двигает в конечном итоге? Что это, гностицизм, какие-то религиозные, оккультные идеи, с чем мы имеем дело? Если нас однажды победили на уровне идеологии, надо понять, кто нас победил и что стоит за ним.

Второй важный момент. Наше общество разделено на два лагеря, причём иногда разделение проходит по одному и тому же человеку. С одной стороны, он православный, а с другой стороны, он частично симпатизирует красным. Поэтому нужно глубоко осмыслить как красную метафизику, так и белую метафизику.

Если мы хотим, чтобы Россия сейчас, в настоящий момент, совершила качественный скачок, нам необходимо обратиться к традиционному опыту. Дело в том, что современная позитивистская наука в кризисе. Имеется огромное количество эмпирических фактов, эмпирического материала, которые ставят вообще под удар современную научную парадигму. Будущее за новой наукой — это будет сплав, синтез традиционного знания и науки как таковой. У нас очень много самородков, у нас очень много людей, которые уже работают в рамках новой парадигмы. И вот осуществить этот синтез — для России это единственный залог её лидерства на мировой арене.

Мне в данный момент всё-таки кажется, что мобилиующим проектом может стать космос, освоение новых пространств. История нужна не только для того, чтобы гордиться, но и для того, чтобы строить нечто новое. А без проекта, на голом отрицании или отставании своей истории, своей правды, мы ничего не сделаем. И вот, в частности, чем интересна русская история? Российская империя — это прообраз альтернативной системы глобализации, но основанный на традиционных принципах. Там не было момента поглощения одного народа другим. Мы можем предложить альтернативную программу глобализации, с учётом именно традиционной специфики.

Али ТУРГИЕВ,
издатель и редактор
альманаха «Камень веры»:

— Разговор о метафизике русской истории должен быть, на мой взгляд, предварён обсуждением того, что я называл бы «феноменом русского». Феномен русского — совершенно уникальное явление. Чтобы понять, в чём состоит его уникальность, попытаемся ответить на два вопроса: «Что есть Россия?», «Что значит быть русским?».

Принято считать, что Россия дореволюционная была империей и что Советский Союз не только сохранил этот статус, но и подтвердил его, создав блок государств-сателлитов, так или иначе тяготеющих к России. У этой точки зрения есть «красные» и «белые» оппоненты. Первые считают, что Российская империя была отсталым аграрным государством, беспомощным в политическом, экономическом и военном отношении — и обречённым на крушение, которое и состоялось в октябре 1917 г. Последовательный «красный» уверен,

что мощь той «России, которую мы потеряли», есть достижение революции и, в большей степени, прихода к власти Сталина. Согласно «белой» версии, империей была лишь дореволюционная Россия, а Союз — это своего рода пародия, уродливая поделка дорвавшейся до кормила черни. Последовательный «белый» считает события 1917 г. трагической случайностью, а крах Союза — закономерным, в силу нелегитимности этого государственного образования.

Предлагаю рассмотреть проблему под иным углом зрения. Мой первый тезис состоит в том, что Россия была совершенно особой империей. Это — в значительной мере интуитивное представление, и я не всегда могу его обосновать фактологически. Основные критерии уникальности:

- фактическое отсутствие метрополии и колоний (отличие от Британской империи);
- фактическое отсутствие «титульного этноса», и как следствие — насильственной ассимиляции (отличие

от Британской, Османской и Австро-Венгерской империй);

- фактическая (а не декларируемая) веротерпимость, и как следствие – отсутствие скрытого и явного подавления религиозных меньшинств (отличие от Османской империи);

- наличие государственной системы социальных лифтов, обеспечивавшей значительную степень открытости наследственного патрициата (отличие от Британской империи);

- фактическое отсутствие «привилегированных» учебных заведений (если исключить т.н. «девичьи институты», в России существовало только два таких заведения – Императорский лицей и Пажеский корпус), что обеспечивало доступность полноценного среднего и высшего образования для широких слоёв населения;

- гибкая политика администрирования, обеспечивавшая бесконфликтное сосуществование разнородных религиозных и этнических групп.

Мой второй тезис состоит в том, что Советский Союз являлся безусловным преемником императорской России. Во-первых, Союз продолжил традицию «русской экспансии», включив в сферу влияния Восточную Европу, Балканы, Монголию, Китай, Вьетнам, Корею и ряд стран Африки и Ближнего Востока. Во-вторых, в рамках собственно Союза различным его субъектам были предоставлены широкие права автономии. В-третьих, была осуществлена интеграция экономик – как субъектов Союза, так и стран-сателлитов.

Из этих двух тезисов я делаю вывод, что определение дореволюционной России и Советского Союза как империй не вполне корректно. Фактически мы имеем дело с одним и тем же цивилизационным проектом, проектом Русской цивилизации.

Русская цивилизация является интегральной по отношению к цивилизациям-предшественницам; это своего

рода ректификат различных духовных традиций и культур. В каком-то смысле можно говорить о том, что Русская цивилизация глубоко эсхатологична. Это итог долгого пути, пройденного человечеством, его «последнее слово» на суде истории, его апология.

С одной стороны, эта цивилизация представляет собой среду формирования человечества будущего. С другой стороны, она же является ядром альтернативной глобализации – то есть объединения стран и народов на основе их равноправия, приоритета духовных ценностей над материальными, приоритета общественной целесообразности над личной. В каком-то смысле метафорой Русской цивилизации является Роза мира, как она описана Даниилом Андреевым в одноимённом произведении (разумеется, за вычетом экуменических коннотаций автора). Русская цивилизация – братство единомышленников, но не военно-политический союз и не транснациональная корпорация. В этой связи необходимо заметить, что тезис научного коммунизма о советском народе как новой исторической общности людей был констатацией факта, а не измышлением партийной номенклатуры.

Россия сегодняшняя – лишь часть Русского универсума, но и она имеет право на существование постольку, поскольку сохраняет потенцию вернуть в свою орбиту области, отторгнутые в 1991 г., и возобновить остановленный во второй половине прошлого века процесс экспансии. Все рассуждения о построении русского национального государства – это информационная диверсия, направленная на подрыв Русского цивилизационного проекта.

При кажущейся футурологичности развиваемых мной построений они вполне реалистичны. Приведу только несколько примеров:

- Россия имеет в активе опыт построения многонационального мультиконфессионального государства, в котором отсутствовали этнические и религиозные конфликты (даже в тех случаях, когда включение в состав России того или иного этноса осуществлялось силой оружия);

— у нас есть три этноса — грузины, осетины и абхазы, — представители которых исповедовали как христианство, так и ислам, но при этом не наблюдалось сегрегации и не было зафиксировано фактов неприязни, вооружённого противостояния или кровопролития;

— в Касимовском уезде Рязанской губернии на протяжении нескольких столетий сосуществовали общины православных русских и татар-мусульман;

— наконец, Россия продемонстрировала всему миру пример преодоления религиозного конфликта, имеющего более чем тысячелетнюю историю, — я имею в виду шиитов и суннитов, мирно сосуществовавших в составе империи на территории Азербайджана.

Всё вышесказанное закономерно подводит нас к вопросу: что обусловило возможность построения Российской империи? Её возрождения в формате СССР? Что позволяет верить в успех следующей версии Русского цивилизационного проекта? Я предполагаю, что главным фактором является специфика самоидентификации русских как этнической группы, а именно, отсутствие агрессивной составляющей. Русский готов признать своим и «дикого тунгуса», и «друга степей калмыка», и «злого чечена», и даже «негра преклонных годов». В противоположность «бремени белого человека», как его определяет Киплинг, бремя русского человека — ответственность за принятого в свои ряды чужого. Русский не насаждает русское огнём и мечом, он ставит рядом с собой чужого (пусть даже вчерашнего противника) и вручает ему оружие. Понятно, что построение «русского национального государства» — совершенно иной полюс, диаметрально противоположная парадигма. Её предельным вариантом являются иудейско-израильские государственные образования со своими этническими чистками и «избиением младенцев», «религией крови» и призывами убить «лучшего из гоев». Девиз же русских — кто не против нас, тот с нами.

Однако есть ещё один фактор, который необходимо учитывать, —

причём именно он позволяет понять, почему представители иных этносов не только вступали в русское братство, но зачастую отказывались от собственной идентичности и начинали отождествлять себя с русскими. Предполагаю, что этим фактором является чрезвычайно привлекательность русского идеала для любой этнической общности. Идеал русского человека — святость. То есть — в пределе — русский человек свят, в идеале русский видит себя святым. Или можно сказать ещё, что состоявшийся русский — это человек, обретший святость.

Святость обнимает собой и героизм, и воинскую доблесть, и подвижничество. Это наиболее ёмкое определение того статуса, который получает человек за богоугодное дело. Ибо богоугодное дело — это всегда жертва, отречение, отказ от чего-то лично необходимого или жизненно важного ради цели более высокого порядка. Пожалуй, говорить о русских как народе-богоносце можно только в этом смысле. Не принадлежность к славянам (или ариям, или гиперборейам) сакрализует русского человека — нет: русским делает его готовность при-

нести себя в жертву «за общее дело», к какому бы этносу он изначально ни относился.

Я отдаю себе отчёт в том, что излагаю собственное видение, которое может оказаться ошибочным. Но именно такой взгляд на Россию и русских позволяет верить, что у нашей великой Родины есть будущее.

Алексей АВЕРЬЯНОВ,

координатор сайта

«Русофобия.нет»:

— В исторической турбулентности русской метафизики можно наметить несколько циклов. Первый — обретение веры, благочестия, святости. Следующий цикл — отступление, предательство. Третий — покаяние, искупление.

В русской истории отступление началось с мистического момента: Священный синод в 1917 году отказался почитать государя и царственную семью. С того момента — с отступления — и пошло падение. Принято считать, что Россия приняла эстафету от Византии. А эстафета — это обладание святыней и хождение за святынями. Эстафета из Византии была принята со святыней — Гробом Господним. Вспомним первое «хождение» к святыне, в Святую землю «Даниила, игумена Русской земли» (1114–1107 годы). В своих «хождениях» он пишет, что обладал маленькой толикой — частью Гроба Господня и с великим трепетом принёс в Россию. И это первый русский человек, который снял размеры с Гроба Господня.

Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ Новгородский, был следующим, кто пришёл уже в Царьград, прикладываясь к Гробу Господню. Также есть упоминания, относящиеся к 1211 году, что Добрыня привёз из Константинополя «Гроб Господень».

Надо отметить бескровность русских «хожений»: не было походов крестоносцев, которые заливали кровью, вырезали и выносили из Царьграда всё. Мы никого не заливали кровью, а аккумулировали духовную энергию, которую вожди приносили на Русь. Русские «хождения» были служением, поиском святости и материализацией святости.

В 1960 году при исследовании Софийского собора Новгорода в алтарной части обнаружено пять столбов, которые по размерам пустоты соответствуют тому размеру, который снимал игумен Даниил с Гроба Господня. И нет никакого сомнения, что Гроб Господень находится на территории России. Этому свидетельствуют пережитые нами нападки, войны, испытания. Известно, что Орден Аненербе совершал хождение на Русь, а отступающая нацистская армия три недели проводила исследования в Ново-Иерусалимском монастыре. И шведы, усиленно рвавшиеся на Русь, крестоносцы... Зачем они рвались?

Точно замечено, что дьявол кроется в фантазии. Создаётся образ, что живописал Джон Браун, — масонская идеология, которую впрыскивают в общество, в сознание как ядовитую вакцину, пытаются «хождение» за святостью вывести в виртуальное пространство мифа, которое на корню губит любую идеологию поиска святости и святых.

Этап возрождения России невозможен без покаяния. К Поясу Богородицы, который прибыл в Россию, приходили миллионы православных людей. Искренне молясь, они отодвинули «болотную» чуму.

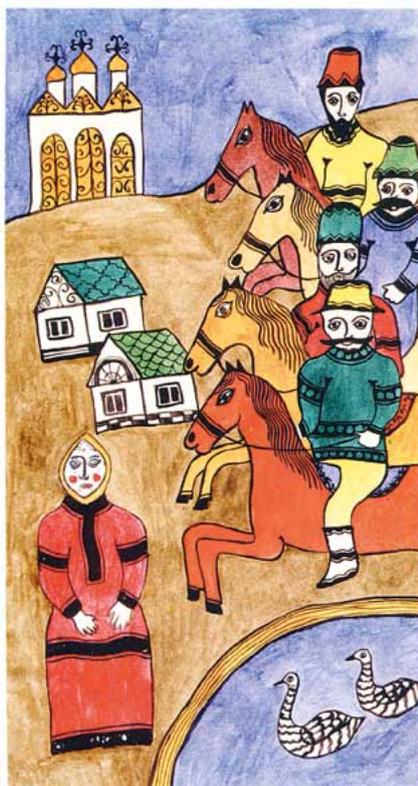
Известен также современный факт попытки неких лиц ходить к святыне. Но эти лица пытаются перепрыгнуть этап искупительный, то есть покаянный. Возможно, это приносит личный искупительный плод, но не плод государственного искупления. Мы все свидетели тому, что происходит, например, в Совете Федерации, Госдуме. Когда «виртуальный дьявол» называет грехи: двойное гражданство, недвижимость. Это попытка высоких государственных мужей переступить покаяние. Но если бы покались, произнесли вслух свои грехи, такой этап покаяния продвинул бы нас к возрождению.

Павел СВЯТЕНКОВ,

политолог, публицист:

— Нам очень важно восстановить преемственность нашей собственной истории, нашей собственной госу-

дарственности, определить, кто мы такие. Другой важный аспект — необходимо выработать представление о собственных национальных интересах в области истории. Запад, к примеру, любит ссылаться на пакт Молотова—Риббентропа, это такое общее место. Вот Сталин виноват, он развязал Вторую мировую войну, помог Гитлеру и т.д. Про Мюнхен, как известно, никто не говорит. Почему? Потому что Запад не даёт говорить про Мюнхен. Россия может тоже фактически в данном вопросе упереться и заявить, что да, между войнами существовал некий пинг-понг с Гитлером, прошу прощения. Запад считал, что они ловко натравят Гитлера на нас, а Сталин вполне резонно полагал, что раз уж идёт такая игра, то почему бы не натравить Гитлера на них. Поскольку новой Антанты в тот момент не получалось. И тут мы проигрываем с точки зрения того, что мы не понимаем, что само согласие наше на обсуждение этой темы не соответствует нашим национальным интересам. Многие подобные дискуссии, во всяком случае на дипломатическом уровне, надо просто прерывать волевым порядком.

Потому что мы зачастую ввязываемся в дискуссию, которая для нас является заведомо проигрышной. То есть мы начинаем обсуждать, насколько Сталин злодей, как Гитлер, или меньший злодей. Или как в недавние времена с нами обсуждали вопросы: развалитесь вы или не развалитесь, отдадите вы ядерное оружие или не отдадите, должны ли вы каяться за преступления Сталина или не должны и т.п. Тут должна быть чёткая позиция, что, как только следует подобное заявление, следует официальный протест МИДа. А сейчас у нас обсуждают, равен ли СМЕРШ СС по своей жестокости и кровавости. Это вопрос, который в нормальной ситуации просто не должен обсуждаться. Польша не будет обсуждаться, был ли исторически справедливым раздел Польши. Потому что это находится за пределами польской исторической доктрины. Как только японцы начинают говорить, что нет ничего плохого, что корейские и китайские женщины были в японских публичных домах во время Второй мировой войны, это сразу вызывает протесты. Ни Китай, ни обе Кореи эти вопросы не будут обсуждать.

Петр КАЛИТИН,

доктор философских наук, профессор:

— Метафизический взгляд на русскую историю, по моему разумению, это наиболее аутентичный, наиболее адекватный взгляд. Ярчайшие проявления метафизики русской истории мы имеем в петровской так называемой империи. Пётр создал государство для гениев, и только для гениев. И в этом смысле Российская империя, по Проханову, «третья империя», представляла собой противоположность Западу с его установкой на нормальность, усреднённость человека. Пётр, о чем мы уже писали и в Русской доктрине, закрепостил поголовно, подчёркиваю, не только крестьян, но и дворян, всю аристократию, которая была обязана служить. И табель о рангах был конкретным проявлением этого закабаления. Предыдущие заслуги, родовитость, подвиги предков не шли в зачёт. Ты

должен был быть сегодня аристократом, здесь и сейчас. И в результате этого мы получили потрясающую эпоху исторического гомеостаза, который пришёл прежде всего, безусловно, на век Екатерины Великой. По всем параметрам мы тогда достигли своеобразного потолка, в том числе в военном отношении.

Установка на гениев, на людей творчества, на людей самоотверженных, в том числе в быту, пронизывала это своеобразное понимание государства. Что такое был военный человек, и что такое была военная психология? Берите потрясающие письма Суворова родным. Это та же непредсказуемость, это тот же творческий акт. Когда человек, идя в бой, не знает, будет он жив или нет. Возьмите то же сельское хозяйство, что это такое было. Это когда неизвестно, что будет осенью, урожай или недород, и в этом смысле фактор непредсказуемости был заложен в саму социально-экономическую фактуру Российской империи.

Особый метафизический тонус, градус жизни в Российской империи не допускал каких-то передышек, которые, собственно, и персонифицировала собой так называемая русская интеллигенция. Именно она применительно к православию, как известно, ратовала за так называемого «расслабленного Бога», «добренького Бога», который нас любит независимо от того, кто и какие мы есть.

Фёдор Степун в своей работе 20-х годов в цикле статей под общим названием «Мысли о России» впервые сказал то, что потом покойный патриарх Алексей сформулировал в одном, я уже не помню, из своих посланий, как именно апофатику от противного. Что такое был победивший большевизм? Это было фактически богооставленное, богоборное общество, но, как ни парадоксально это звучит, учитывая православную догматику, в апофатическом ключе. Да, безусловно, не в том исихастном, не в том святоотеческом, а именно в богооставленном. Таким образом, история продолжала идти в том метафизическом ключе, связанном с особым

видом, исключительно нашим, — это уже наше безусловное ноу-хау, — богооставленной апофатичности. Парадокс 17-го года в том, что и лозунги февраля, и лозунги РСДРП, взявшей курс на вооружённое восстание, тоже озвучивали установку на нормальную человеческую жизнь, на то, что пора, наконец, в России, грубо говоря, «бедным Евгениям» реабилитироваться. Большевики победили с лозунгом нормальной жизни — «Земля и мир», первые два декрета — из той же серии.

Но ход истории, Промысел Божий, вывернул эту бездну, как потом её Степун гениально, на мой взгляд, сформулировал: «обжитую бездну» российской истории. И сейчас мы впервые живём в закупорке, когда нет никакой метафизики, мы закупорились от Божьего присутствия в мире.

Мы остались со своим «ничто» один на один, впервые в российской истории. Это тоже у меня лично вызы-

вает оптимизм, потому что, вы знаете, из «ничто» Господь создал целый мир.

Игорь ШУМЕЙКО,
писатель, публицист:

— Коллега Святенков обозначал «необсуждаемые темы». Сопоставление Сталина с Гитлером — да. Но сопоставление советско-германского пакта 1939 года — с «Мюнхенским сговором»? Тут возражу, это не просто «обсуждаемая», это и есть главная тема нашей деятельности. Как нам организовать наше прошлое, чтобы факты не лежали бессмысленной кучей, но чтоб и не был из них воздвигнут, как выражались ранее, «храм ложной веры»? Именно сопоставляя факты, связанные с пактом и Мюнхеном, мы словно выстроим две параллельные колонны и свод над ними с итоговым «замковым камнем».

Выразительные факты в колонне «Мюнхена», если только понимать «Мюнхен» правильно.

Полгода до 11 марта 1938-го, шоссе Мюнхен – Вена, Гитлер едет в мирно аншлюсированную Австрию. Завтра долгожданный парад в городе юношеских унижений и проч. И вдруг он видит на обочинах... свои стоящие танки. Истерика, ругань с генералами. Те возражают: «Фриче, мы все предупредили: других танков у Германии нет!» Убийственное, если вдуматься, свидетельство Черчилля: «На парад в Вену техника была доставлена... по железной дороге!»

Кроме картины домюнхенского вермахта это интегральная оценка того надежа про СССР, помогшего Германии возродить танковые войска. Итог – достигнутый «уровень».

Далее, летом того же года, в Берлине, с ужасом фиксирует Рудольф Гесс, перестали отдавать «хайль». Есть это у историков: Бержье....

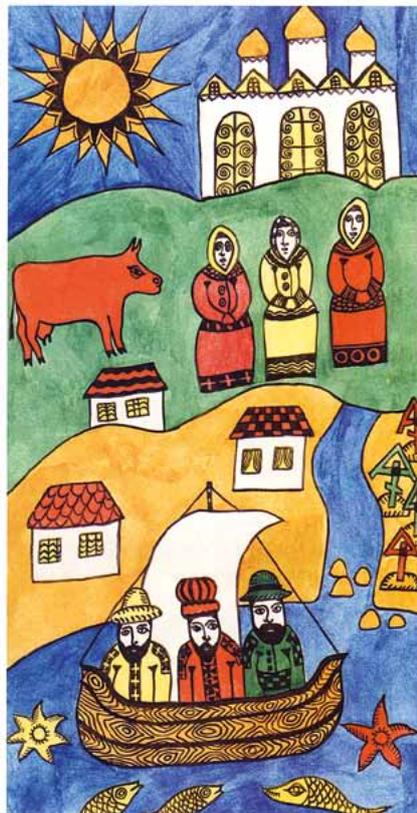
Далее. «Заговор генералов 1944-го» – зазубренная чушь. Ведь дважды зафиксировано, и немецким следствием 44-го года, и Нюрнбергским: заговор составлен тем же летом 38-го года! Будущий казнённый фельдмаршал Вицлебен, командующий Берлинским округом, открыто репетирует захват рейхсканцелярии. Даже СС выжидают. Это тогдашние германские будни: недавно армия помогла Гитлеру свалить СА, теперь очередь валить и его. Почему? Пресечь безнадёжную авантюру, попытку захвата, как опять же признал Кейтель в Нюрнберге, «неприступной Чехословакии». Имеющей 1-е место в мире по экспорту вооружений, лучшие на то время танки, армию всего на 10% меньшую германской, укрепленную героем Чехословакии, бывшим русским генералом Сергеем Войцеховским, Судеты. Панцирь, который чехов заставили снять герои «Мюнхена» Чемберлен с Даладьё.

Только «Мюнхен» спас Гитлера, дал ему настоящую Власть, запаса которой хватило до апреля 45-го. Дал и настоящую военную промышленность.

Оцените гениальный фрагмент официальной истории завода «Шкода». После долгих свидетельств уникального качества их танков идёт следующий пассаж:

«До 1939 года «Шкода» выпустила 295 танков. К несчастью, после оккупации Чехословакии её танки были включены в состав немецко-фашистских частей, участвовали в захвате Польши, Франции, в войне против Советского Союза. Последний танк чешского производства был уничтожен 10 декабря 1941 года у подмосковного города Клин».

Вроде корпоративного (в перспективе национального!) праздничка намечается у «шкодных» чехов: «10 декабря. День окончания ответственности за танки»...

Что старый запас, 295 штук, сделанных ещё для чешской армии, закончился к 10 декабря 41-го года – обычная реальность войны. Ротация. «Расход» немецких Т-II был даже выше, ибо качество хуже.

Но нет и слова о том, что с 39-го года «Шкода» называлась немецкой промышленной группой Hermann-Goering-Werke (Герман Геринг Верке) и всю войну выпускала немецкий танк PzKpfw135 (тут счёт на тысячи!), внедорожники, грузовики, гусеничные

тягачи... – это вопросы не к чехам, главный офис был в Германии!

А другой гигант, «ЧКД-Прага», стал немецким концерном BMW. Производил лучший среди лёгких и средних танков вермахта PzKpfw-38 (это чешский танк TNH-P-S, мировой лидер продаж) – изготовлено 1411 штук. Самоходное орудие «Мердер», лучшую противотанковую самоходку войны «Хертцер», тираж 2584 штуки.

Только отчаянные бомбардировки союзников в марте 45-го года снизили на 50% производительность чешских промышленных гигантов, но в общем «чешская семилетка» работы на Гитлера была успешно выполнена и перевыполнена.

Тысячи пражских танков, сделанных в 1939–1945 годах, до сих пор – наш ляп – в справочниках шли как немецкая продукция.

А пакт – это первый раунд тяжёлой борьбы с тем, что вылепили в Мюнхене. Переговоры с Англией, Францией сорваны, Черчилль называет главную причину: английский саботаж, присылка делегатов без полномочий. Пактом Сталин всего лишь не обязуется защищать Польшу. 23 августа, в день подписания пакта, Жуков только-только добивает окружённую японскую, 6-ю, как и у Паулюса, армию.

Парадокс в том, что и в 40-е, и даже в 60-е годы не было смешения героев той войны и её виновников. Наши внутренние силы для внутривнутриполитических целей сделали ставку на приравнивание Гитлера к Сталину.

А на Западе надо назвать историка – немца Эрнста Нольте. Впервые предложил уравнивать все тоталитарные режимы, запустил, подобно бунинским «Окаянным...», свои «Покаянные дни»: «Мы все! Во всей Европе были фашистские явления!». А затем изящная «трехходовка»:

1) Раннее: виновата Германия и мюнхенские помощники.

2) Нольте и либералы: да мы все виноваты! Во всей Европе были «фашистские явления». (Эдакое быстро растворимое «покаяние».)

3) Нет, виноват СССР: его фашистские явления были «самыми фашистскими».

Александр ФОМЕНКО,

*политик, публицист, секретарь
Союза писателей России:*

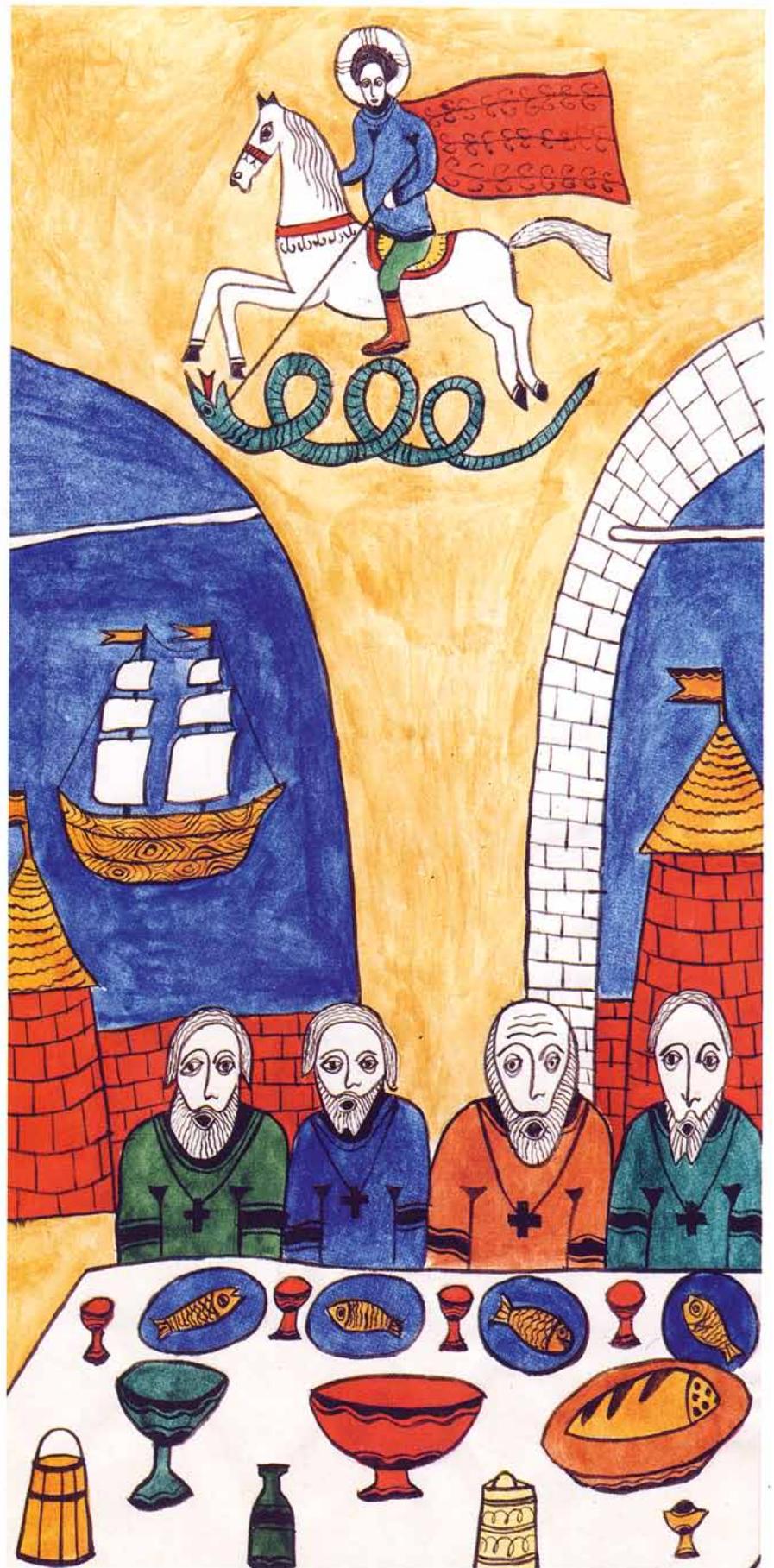
— Мне кажется, когда мы говорим о чуде русского преодоления исторических кризисов, тут действительно стоит задуматься. Хотя я до сих пор ничего более ясного и рационального, нежели известные слова, что над Россией покров Богородицы, не нашёл. Потому что все другие объяснения хромают.

Мне кажется, что одним из основных терминов, который надо нам вести и одновременно определить, — это то, что впервые было применено к Испании, так называемая Чёрная легенда. *Legenda Negra* об Испании была создана англичанами ещё во времена борьбы за колонии, ещё во времена Великой Армады. И она была настолько хорошо разработана, что до сих пор воспроизводится. А между тем в огромной мере всё это повтор обвинений, которые не имеют отношения к реальности.

Нам часто кажется, что события, происходящие с нами, происходят только с нами. То, что происходило с Испанией, то, как с ней расправлялись, прежде всего на интеллектуальном уровне, — это пример старого оргоружия. Потому что борьба с ней в военном смысле была тяжела. А вот борьба с помощью разного рода гуманистов, пишущих об Испании, об испанской инквизиции, об испанских конкистадорах и проч., — это как раз хороший пример.

Для Запада мы не Запад, но для Востока мы явный Запад. И сколько ты ни объясняй японцу, индийцу или индонезийцу, что мы не Запад, всё-таки он на тебя будет как-то подозрительно смотреть.

А если мы и Запад, то, конечно, Запад другой. Не такой, как они. Знаете, это как осуждать политику государства Израиль или понимать, что мы и есть Новый Израиль со времён пришествия Господа нашего Иисуса Христа. И вот когда мы определим для себя вот эти термины и согласимся по ним, думаю, это нам поможет в битве за историю.

Копьё Пересвета

Аналитический центр
Изборского клуба

Изборский клуб открыл своё отделение в Брянске. Радениями члена Изборского клуба Олега Васильевича Розанова в недрах этого дочернего отделения создан аналитический центр. Его задача — выявлять враждебные воздействия, направленные на российское общество и государство, исследовать их, квалифицировать и давать им отпор.

Центр задуман как противодействие организационному оружию противника, разрушающему глубинные основы российской государственности. Это встречный удар, отбивающий атаки врага. Именно поэтому его решено назвать «Копьём Пересвета». Пересвет — инок Троице-Сергиевой лавры, родом из Брянска, героический монах, которого Сергей Радонежский отправил вместе с Дмитрием Донским на Куликово поле. Там Пересвет сразился с татарским батыром Челубеем, и они оба погибли в смертельном поединке.

Татарский витязь был огромного роста, могучий, его копьё было намного длиннее копий всех прежних противников, которых он убивал в поединках. Копьё Пересвета было гораздо короче, и он снял перед боем доспехи, подставил себя под удар Челубея, пропустил сквозь своё сердце отточенное острие, но приблизился к противнику и, уже мёртвый, пронзил его. Он погиб как мученик в битве за Родину, стал святым, и золотое сияние вокруг его головы окружает и наконечник его святого копья.

Копьё Пересвета — святое оружие русской победы. Его священная сталь тайным образом присутствовала в танках Т-34, громивших врага под Москвой, Сталинградом, в Берлине. Его сталь присутствует и в современном русском оружии, в кораблях, ракетах и танках, делая это оружие священным.

Аналитический центр «Копьё Пересвета» есть интеллектуальное оружие государственников, патриотов, дающих отпор врагам на пространстве смыслов. Брянская область — родина Тютчева и Пересвета, край древнерусских богатырей и бесстрашных советских партизан — становится интеллектуальным рубежом, на котором происхо-

дят сражения идеалов и ценностей. Выбрано пять направлений ударов: экономика, геополитика, социальная сфера, история, конфликтология. Управление аналитическим центром берёт на себя Олег Розанов.

Копьё Пересвета, подобно копью Лонгина, становится священной символикой нашего имперского будущего.

Александр ПРОХАНОВ

На брянской земле соединяются в одно сплетение судьбы трёх славянских народов: русского, украинского и белорусского, — это место особого сосредоточения надежд и чаяний о воссоздании целостного русского мира, который ушел в небытие в начале девяностых.

Чернобыльская катастрофа, оставившая здесь свой тлеющий след, как мистическое предзнаменование краха великой империи, являлась непонятым символом готовящегося разлома.

Поэтому именно здесь, в древнем Брянске, в солнечном сплетении русского мира, обретает своё начало аналитический центр «Копьё Пересвета» — это иной, противовесный символ, мост над дымящей землёй, который должен соединить в единое целое находящийся под вражескими информационными бомбардировками русский народ.

Эти два судьбоносных образа, чернобыльской катастрофы и «Копья Пересвета», сменяют друг друга — образ разрушения всяких надежд, распада, растерянности, с одной стороны. С другой — священный, победный знак, явивший себя заново там, откуда брал начало. Это проявление непримиримой души России, сохранившей себя и не сломленной отчаяньем, её неустанного стремления к своему храму.

Россия проходит тревожный путь, на котором каждый конец — это новое начало. Поэтому пограничная «точка разрыва», Брянский край, место, где в партизанских лесах расходятся дороги братских народов, может стать точкой их соединения, где рождаются новые смыслы и символы возрождающейся Великой России.

Открывая работу аналитического центра «Копьё Пересвета», мы будем представлять читателям газеты «Завтра» прежде всего те материалы, которые рассматривают самые актуальные и важные для нашей страны моменты российской и мировой жизни.

Олег РОЗАНОВ

Предлагаемые ниже материалы в рубриках: «Доклад», «Подход», «Цель» раскрывают смысл организационного оружия и дают представление о его применении.

/ ОВЧИНСКИЙ В.С., доктор юридических наук, СУНДИЕВ И.Ю., доктор философских наук /

Иллюстрации: Василий ПРОХАНОВ

Организационное оружие

Функциональный генезис и система технологий XXI века (Доклад Изборскому клубу)

1. ПОНЯТИЕ И ГЕНЕЗИС ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОРУЖИЯ

Применение **организационного оружия** отражает историческую тенденцию перехода от войн с истреблением противника к войнам, ориентированным на его **«самодезорганизацию»** и **«самодезориентацию»** для сохранения имеющейся ресурсной базы в интересах инициатора применения оружия. На практике это осуществляется применением *системы организационных (согласованных по целям, месту и времени разведывательных, пропагандистских, психологических, информационных и др.) воздействий на противника, заставляющих его двигаться в необходимом для противной стороны русле*. С его помощью можно направить политику противника в стратегический тупик, измотать его экономику неэффективными (непосильными) программами, затормозить развитие вооружений, исказить основы национальной культуры, создать среди части населения «пятую колонну». В итоге в государстве возникает обстановка внутривнутриполитического, экономического, психологического хаоса¹.

Основу «организационного оружия» составляют специальные *рефлексивные технологии организационного управления*. Они представляют собой упорядоченные совокупности постоянно совершенствующихся методов (программ, стратегий, процедур, форм) реализации управленческих решений, внедрения инноваций, поддержания информационных, идеологических и других необходимых структурных связей, подбора и подготовки персонала, планирования, отчётности и контроля и др. Так как основу любой организационной системы составляют люди, мотивация деятельности которых базируется на их физиологических, социальных и информационных потребностях, то продуктивное, правильно рассчитанное применение «организационного оружия» в определённой организационной среде (прежде всего властной) оказывает прямое влияние не только на уровень

безопасности организационной системы го-

¹ Термин «организационное оружие» был предложен в работах выдающегося отечественного мыслителя и разработчика систем организационного управления С.П. Никанорова (Прим. ред.).

сударства, но и на саму возможность её существования. Проходя через сознание каждого члена общества, длительное массированное информационное и морально-психологическое воздействие деструктивного характера создаёт реальную угрозу существованию нации в результате трансформации её исторически сложившейся культуры, основных мировоззренческих, культурных и идеологических установок, то есть смены внутренней организационной среды, определяющей жизнедеятельность государства. Основными объектами, на которые направлено действие организационного оружия, являются представители социальных групп и институтов, прямо или косвенно участвующих в долгосрочном и краткосрочном регулировании поведения остального населения. Это — управленческие элиты, «творческая интеллигенция», работники образования, воспитатели, известные культурные и нравственные авторитеты государства. Так как регуляторами поведения являются не только «манifestные» («раскрученные» в медийном пространстве личности), но и «теневые авторитеты» (в том числе — представители организованной преступности), они также попадают в сферу планирования акций организационного оружия. Отдельное направление — создание новых субъектов применения организационного оружия в форме субкультур, «нетрадиционных» конфессий, альтернативных воспитательных и образовательных структур.

Фактически — **организационное оружие есть способ активации патологической системы внутри функциональной системы государства-мишени**, при котором патологическая система для своего развития поглощает ресурсы носителя. Характерной особенностью **патологической системы** (применения организационного оружия) является то, что она воздействует на функциональную систему общества, в первую очередь, «извне», с иерархически «вышележащего» (властного) уров-

ня системной организации. Кроме того, применение организационного оружия **«не всегда заметно»** для традиционных форм научного наблюдения и **«непонятно»** в рамках традиционной логики обыденного познания. Деструкция, как действие организационного оружия, направлена на достижение результатов, находящихся в **«системе ценностей» инициатора применения данного оружия**.

Одно из основных условий применения организационного оружия — **замена системы базовых ценностей государства-мишени ценностями государства-инициатора как самими перспективными**.

Современная система организационного оружия начала складываться в XX веке с работ А. Богданова. Согласно англо-саксонской политической мифологии идея «другого», менее кровавого пути трансформации общества родилась как реакция на революционные потрясения начала XX века, последовавшую за ними контрреволюцию и появление ядерного оружия как реальной

угрозы всеобщего уничтожения. Одно из направлений **невоенной** трансформации в виде категории **«ненасильственного сопротивления»** обосновал М. Ганди: он именовал его «сатьяграха». Сатьяграха означает «настойчивость в осуществлении истины», «сочетание истинности и твёрдости». Ганди считал сатьяграху «действенным способом сопротивления эксплуатации человека человеком, класса классом и нации нацией». В 1967 году Фред Эмери, тогдашний директор Тавистокского института человеческих отношений, развивая идею многообразия форм организационного оружия, указывал, что «синергетику» «подросткового роя» на рок-концертах можно будет эффективно использовать для разрушения национального государства к концу 90-х годов. В архивах издаваемого Тавистокком журнала Human Relations есть доклад Фреда Эмери «Ближайшие тридцать лет: концепты, методы и предвидения», где потенциал «сердитой молодёжи» рассматривается как оружие психического поражения — **«ис-**

терия бунтарства». Первого мая 1968 года более ста тысяч человек вышли на улицы Парижа под очень своеобразными лозунгами: *«Запрещается запрещать!»*, *«Будьте реалистами — требуйте невозможного! (Че Гевара)»*, *«Секс — это прекрасно! (Мао Цзэдун)»*, *«Воображение у власти!»*, *«Всё — и немедленно!»*, *«Забудь всё, чему тебя учили, — начни мечтать!»*.

Ведущую роль в майском мятеже 1968 г. играли студенты и школьники. Рабочие лишь частично поддержали их бунтарский порыв. После этих событий студенчество стало одним из главных таранов, привлекаемых для выполнения «демонтажа режимов». В большинстве современных революций основным субъектом применения организационного оружия являются и представители творческой интеллигенции, формирующие новые идеологемы и протокультуры. Альбера Камю, Джорджа

Оруэлла, Герберта Маркузе, Антонио Грамши, Теодора Адорно, Жан-Люка Годара, Вильгельма Райха, Ги Дебора молодежный нонконформизм вдохновил не только на создание концепций «контркультуры» и «новой революции», но и теорию «городской герильи», нашедшей теоретическое и практическое применение в середине и конце 1960-х в разгар движения «Новых левых» и хиппи. Из теоретического наследия вышеперечисленных философов, писателей, политиков впоследствии черпались не только лозунги «Новых левых», но и стержневые постулаты философии и идеологии практически всех современных террористических и экстремистских организаций.

В это время происходит выделение двух магистральных направлений дальнейшего развития организационного оружия. В том же 1968 году Джин Шарп защитил в Оксфорде диссертацию на тему «Ненасильственные действия: изучение контроля над политической властью», развитие идей которой послужило идейной основой последующих «цветных революций» XXI века. Второе направление, бунтарско-террористическое, идейно и методически оформил Хуан Карлос Маригелла, опубликовавший в 1969 году свой «Краткий учебник городской герильи», ставший настольной книгой членов RAF («Фракция Красной армии» — Германия), Brigade Rosse («Красные бригады» — Италия) и всех последующих террористических организаций.

При этом свойства студенчества как социальной группы таковы, что оно мобилизует очень большой творческий потенциал — и в создании новых организационных форм, и в применении интеллектуальных и художественных средств. Это создаёт для властей неопределённость: отказ от применения силы при уличных беспорядках ускоряет самоор-

ганизацию мятежной оппозиции, но в то же время насилие полиции чревато риском быстрой радикализации конфликта.

Сегодня можно смело утверждать, что многие методики применения организационного оружия пилотно запускались и в СССР — как раз в конце 60-х годов. Распад СССР² ознаменовал начало новой стадии развития патологической системы — **патологическую перестройку функциональной системы государства**.

На этапе построения «новой России» (1991–1995 годы) инициаторы применения организационного оружия получили следующие бонусы:

- устранение стратегического военного и идеологического противника;
- практически бесплатные поставки всех видов ресурсов;
- огромный, незащищённый деюре и де-факто российский рынок;
- согласие по всем внешнеполитическим вопросам;
- устранение конкурента на многих товарных рынках;
- устойчивый поток умных, образованных и непритязательных мигрантов;
- одностороннее разоружение России и установление контроля за её оставшимися стратегическими силами, ВПК и оборонными исследованиями;
- выплата финансовой дани в виде размещения золотовалютных резервов государства в зарубежных банках под минимальный процент и введения долларового обращения как параллельного наравне с рублёвым;
- демографическую катастрофу в государстве-мишени (впервые в российской истории смертность населения стала устойчиво опережать рождаемость).

² О технологиях развала СССР имеется обширная библиография, нам же хотелось упомянуть близкие по теме и духу работы: Кургиян С. (в трёх частях: ч. 1 «До путча», ч. 2 «После путча», ч. 3 «Перед выбором») М., 1992 г.; Кара-Мурза С. Антисоветский проект. М., 2002 и М., 2007; Панарин И. Первая мировая информационная война. Развал СССР. М., 2010. Официозная точка зрения представлена в сборнике «Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.)», под общей редакцией Сергея Шахрая, в двух томах М., 2012.

После показательного расстрела собственного парламента, начала первой чеченской войны, фарсовых выборов 1996 года, итогов приватизации, «семибанкирщины» и организации дефолта 1998 года многим казалось, что у нашего общества и государства не осталось внутренних ресурсов, для того чтобы отойти от **терминальной черты**. Накал манипулятивных воздействий был такой, что, казалось, сознание всех общественных групп подчинено мемам:

- **Россия — «тёмная территория» без исторической перспективы;**
- **патриотизм — последнее прибежище негодяев;**
- **любая заграница — лучшие русской действительности.**

Развязывание второй чеченской войны означало полную уверенность инициаторов применения организационного оружия в начале распада России по примеру СССР, который остаётся закрепить чисто техническими средствами: население деморализовано, власть готова выполнять все поступающие указания, система управления отформатирована под внешнее управление, то есть **государство уже готово к суициду**.

Однако функциональная система общественного сознания (и общества в целом) продемонстрировала **неожиданную упругость и наличие резервов** противодействия дальнейшей патологизации и суицидолизации: наращивание внешнего давления и манипулятивной пропаганды уже не давало необходимого эффекта. Вынужденная ротация верхнего эшелона власти на рубеже 2000-х годов предполагала смену портретов при сохранении курса, однако внутреннюю потребность большей части общества в восстановлении справедливости и самоуважения игнорировать было уже нельзя. Сложилась парадоксальная ситуация: потребность общества прямо противоречила дальнейшей деструкции, а все технологии, применявшиеся до сих пор правящими элитами, не могли (да и не были предназначены) дать ничего другого. Выход нашёлся в имитационной деятельно-

сти: многочисленные федеральные целевые программы, национальные проекты, широко обсуждаемые и рекламируемые, превратились, с одной стороны, в демонстрацию перехода власти на путь созидания и заботы о населении, с другой — в ещё один из источников разворовывания бюджетных средств.

Неожиданная эффективность защитной реакции функциональной системы российского общества и гипотетическая возможность восстановления СССР заставила инициаторов применения организационного оружия сменить тактику. Череди «цветных революций» на постсоветском пространстве, во-первых, минимизировала возможность восстановления Союза, во-вторых, позволяла отработать новые когнитивные и информационные технологии деструкции, в-третьих, позволяла готовить кадры «новых революционеров», и наконец — создавала прецедент использования этих технологий и кадров на российской территории.

2. «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» КАК СИСТЕМА ТЕХНОЛОГИЙ ПРИМЕНЕНИЯ ОРГОРУЖИЯ

2.1. Цветная революция — это обобщённое название нового типа политических технологий по смене политической власти. «Цветными революциями» чаще всего называют серию массовых уличных протестов населения, завершившихся сменой политического режима в ряде стран Восточной Европы, постсоветского пространства, Юго-Восточной Азии, Северной Африки без военного участия. Принято считать, что в странах, переживших «цветную революцию», режим управляемой демократии был заменён на публичную демократию. Как правило, в этих странах произошла смена правящих элит.

Необходимость и возможность «цветных революций» как новых систем политических технологий, относящихся к организационному оружию, обусловлена рядом обстоятельств:

во-первых, после распада СССР и системы коллективной безопасности Варшавского договора у других стран появилась возможность активного вмешательства во внутренние дела бывших социалистических государств **без риска спровоцировать глобальный конфликт**;

во-вторых, для заинтересованных государств и транснациональных корпораций корректировка местной политики в собственных интересах через «цветные революции» **значительно дешевле**, чем проведение военных операций типа иракской;

в-третьих, в ходе развития пятого и шестого технологических укладов были созданы и получили глобальное развитие организационные, информационные и когнитивные технологии, позволяющие **формировать в заданном формате цели, ценности, мотивации поведения как больших социальных групп, так и отдельных личностей в интересах заказчика и вне контроля со стороны суверенного государства**;

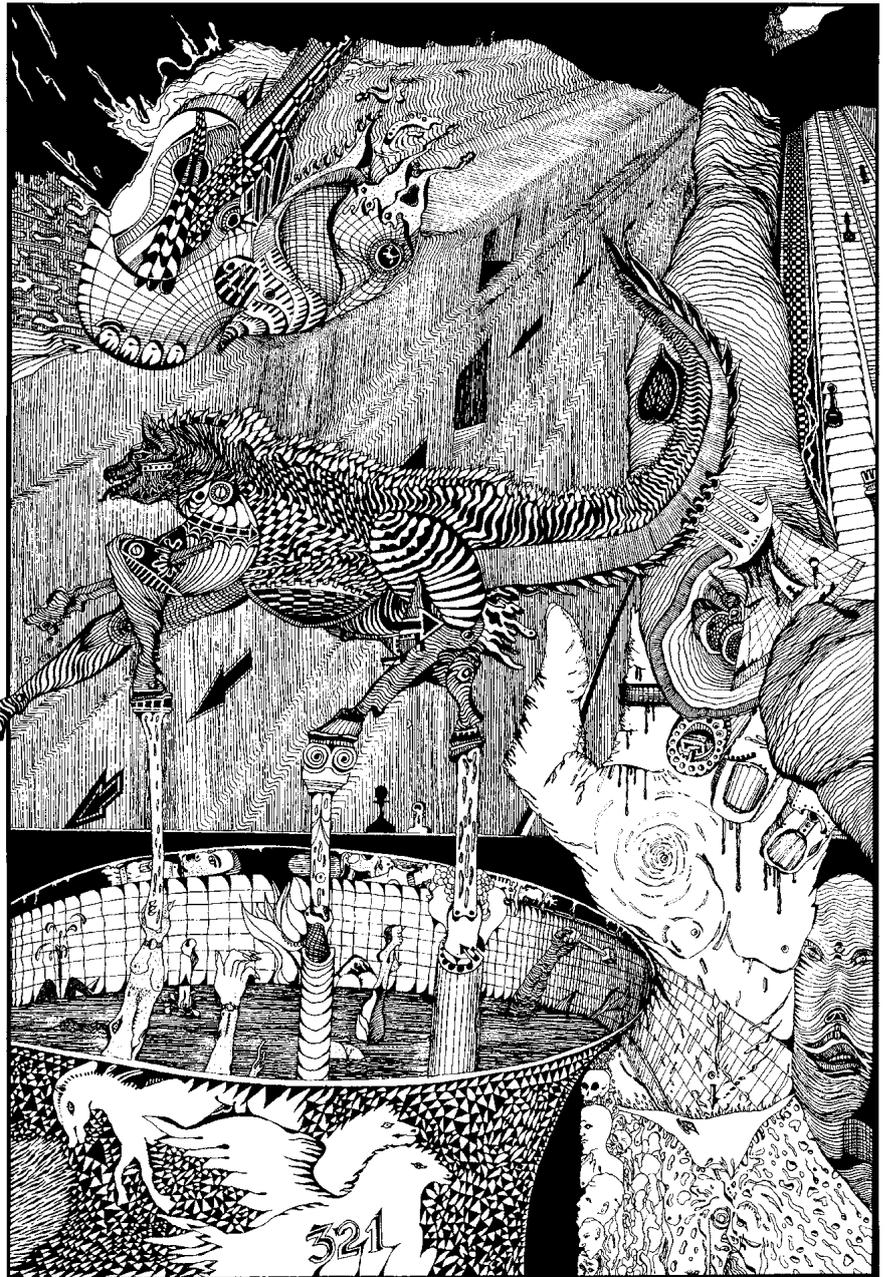
в-четвёртых, развитие глобального экономического кризиса и фактическая ликвидация моноцентрической модели политики дали старт очередному этапу передела мира в рамках новой военной доктрины сетцентрических войн (Network-centric warfare), в которой «цветные революции» являются **ключевым компонентом**.

Искусственный характер «цветных революций» проявляется в применении специальных технологий мобилизации общественного протеста, используемого как ударная сила для «сноса» политической элиты. Причем эти технологии имеют во многом универсальный характер и доказали свою эффективность в разных частях земного шара, что позволило говорить о возможности «экспорта» «цветных революций». Беспрецедентные возможности традиционных и новых (Web 2.0) медиа ещё больше усилили этот процесс, открыв новые горизонты для проекции «мягкой силы» в любую точку мирового пространства

и «высокотехнологичного» смещения неугодных режимов.

Массовость и высокая эффективность «цветных революций» (с 2000 по 2012 год в результате «цветных революций» произошла смена правящих режимов в Югославии, Украине, Грузии, Киргизии, Молдавии, Египте, Ливии, Тунисе) не могли не привлечь к ним внимание исследователей и в нашей стране, и за ее пределами. Одни из первых монографических исследований феномена «цветных революций» в России принадлежат коллективу авторов под руководством С. Г. Карамурзы. В это же время вышла книга видного украинского специалиста по теории коммуникации Г. Почепцова «Революция.com», посвящённая концептуальному анализу технологий «цветных революций». В 2008 г. издан сборник статей под редакцией Н. А. Нарочницкой, в котором на материале различных стран рассматриваются техники и структура «оранжевых» переворотов. Следующий всплеск научного интереса к тематике вызван событиями Арабской весны. Одной из первых важных работ по проблеме стала коллективная монография под руководством С. Е. Кургиняна. В дальнейшем выходит ещё ряд значимых научных и публицистических трудов по данной проблеме, а также произведения самих участников революционных событий на Ближнем Востоке и Северной Африке.

2.2. Система технологий деструкции в «цветных» революциях

Её основными «технологическими» особенностями являются:

Первое. Революция происходит, как правило, не в авторитарных странах, а в полудемократических, где оппозиция может пользоваться почти всеми возможностями открытого общества.

Второе. Главная политическая сила — не партии, а широкая коалиция неправительственных организаций, пользующихся зарубежной поддержкой.

Третье. В качестве ключевого момента захвата власти выступают выборы. Оппозиция заранее заявляет о своей победе, а любые другие данные объявляет фальсификацией.

Четвертое. Главный метод воздействия на действующую власть — массовые демонстрации в центре столицы, блокирование и захват ключевых правительственных зданий.

Пятое. При декларировании «исключительно мирного и ненасильственного характера» отстранение от власти правящих элит осуществляется не только мирными,

но и насильственными методами. Соблюдение прав требуется не в процессе событий, а после них — когда всё произошедшее квалифицируется как правовые действия. Во время самих «революционных» действий оппозиция смело идёт на нарушение закона. Но при этом на начальном этапе практически не применяется физическое насилие и не используется оружие.

Шестое. Ключевая роль внешних сил, которые:

— обеспечивают финансирование, обучение и мотивирование органи-

заторов революции в течение нескольких лет до её осуществления;

- присваивают и активно используют статус верховного арбитра, определяющего легитимность, — объявляют легитимными действия оппозиции, даже если они нарушают закон, и объявляют нелегитимными действия защищающейся власти;

- в ключевой момент они предъявляют ультиматум действующей власти, используя зависимость правящей элиты от этих внешних сил (чаще всего правящая элита держит свою собственность в банках и недвижимости внешних стран);

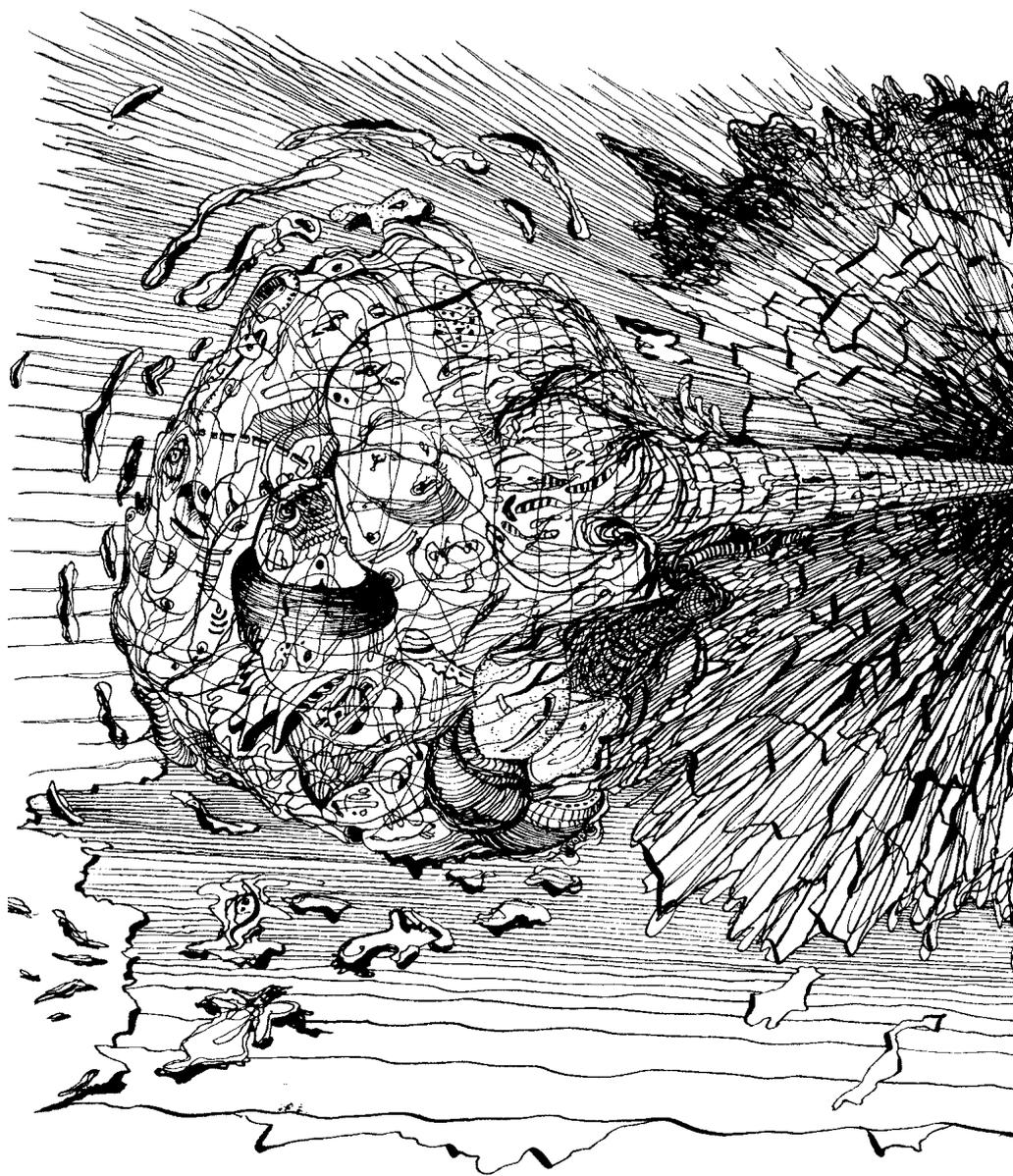
- участвуют в качестве посредников в переговорах в критический момент, при этом занимают не нейтральную позицию, а играют в союзе с оппозицией.

Седьмое. «Цветные революции» организуются, как правило, не контрэлитой, а частью старой элиты, которая в предыдущие периоды была у власти, потом была отправлена в отставку, затем перешла в оппозицию и подняла идеологические лозунги. У этой оппозиции в лице бывших министров всегда есть союзники в числе министров нынешних, которые в решающий момент переходят на сторону оппозиции.

Восьмое. Политические последствия сводятся, прежде всего, к смене геополитической ориентации в пользу той внешней силы, которая финансировала и легитимировала «цветную революцию».

Девятое. В отношении демократических институтов такие революции нейтральны. Демократии может стать больше, как в Сербии, остаться столько же, как было в Украине, или стать меньше, как в Грузии.

Десятое. «Цветная революция» готовится и реализуется практически открыто, публично, с использованием всех современных средств массовой коммуникации: сетевого маркетинга, организации «безлидерных» движений и рекламного менеджмента гигантских партий-големов, охватывающих значительное число протестного электората всех

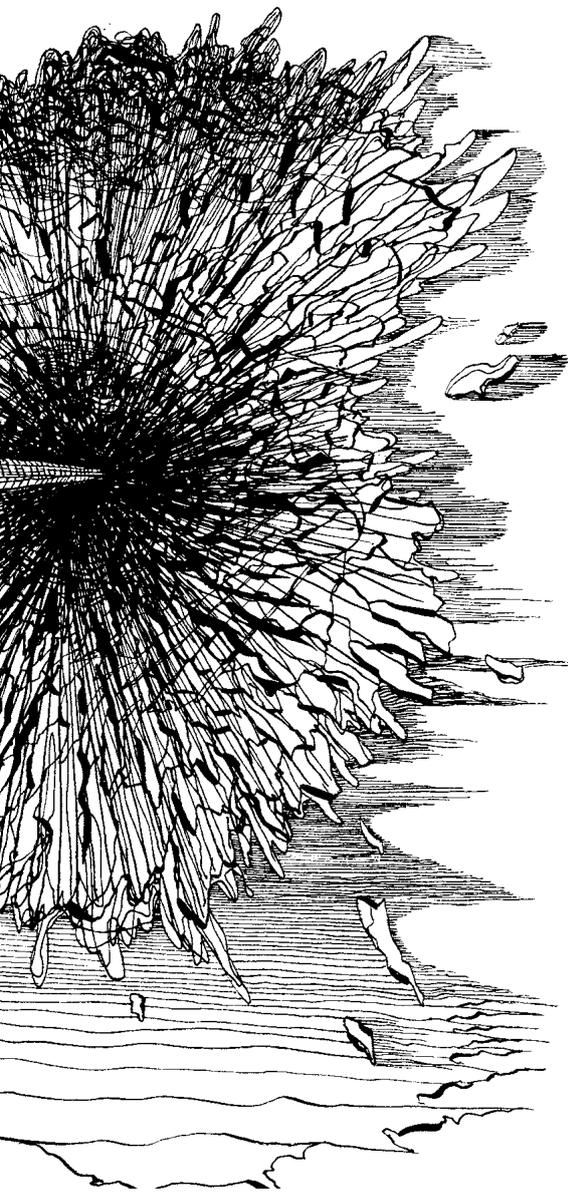
спектров, привлечённых различными, зачастую полностью противоречащими друг другу обещаниями, а также простым любопытством либо желанием «вырваться» из размеренной повседневности, следуя принципу «чтобы было, что вспомнить».

Искусственность и технологичность «цветных революций» отлично прослеживается в однообразии *политической символики*, которая является не самодеятельностью, а создаётся в соответствии с этнокультурными нормами и теорией архетипов Юнга. Особую роль в «цветных революциях» играют собственно цвет и символы, так как именно знаковые системы, в отличие от содержательной вербальной коммуникации, воздействуют на глубокие сферы психики (предсознание и подсознание).

Во-первых, знаковые системы продуцируют простые (архаичные)

генеральные эмоции (например, ярость, отвращение, блаженство, страх), которые подавляют или возбуждают волевые действия. Главное — они не стимулируют целенаправленную деятельность. Соответственно в войне, социальной или религиозной революции роль знаковых систем оказывается хотя и не определяющей, но весьма значительной, так как она формирует эмоциональный настрой масс. Более того, в отдельных элементах стратегии (психическая атака) от них может зависеть исход всей операции.

Во-вторых, знаковые системы актуализируют социальный опыт (личный, родовой, этнический, профессиональный, сословный, национальный) и вызывают тем самым отклик, который побуждает к самоидентификации, к выбору и, наконец, к поступку. Таким образом, символ

становится опознавательным знаком, обозначает соратников и выявляет противников, как бы физически консолидирует сообщество в конкретном пространстве и времени. Зрительный опыт, как и обонятельный, вкусовой, тактильный и элементарный звуковой, является более архаичной структурой в сравнении с опытом вербальным. Именно поэтому воздействие на зрительный анализатор, особенно в сочетании с элементарными звуками, более инструментально и эффективно для навязывания желаемого поведения индивиду или массе, чем вербальное воздействие. Для быстрого и максимально широкого охвата населения в организационных технологиях «цветных революций» активно используются демонстрации элементарного цветового или графического знака (например, белый кулак в круге на чёрном

фоне — символ белградской «революции», который впоследствии использовали на Украине, в Киргизии, Египте) или зрелища: шествия, флэш-мобы, «кольца», разного рода акции, транслируемые в социальных сетях.

Зрелище — особо важный, но и более сложный в сравнении с символической технологический приём. Он продуцирует коллективное чувство — синтонию, формирующее новое качество отношений между объектами воздействия, то есть зрителями. Кроме того, ролевое зрелище (например, театр, кино, акты саможжения, передаваемые по социальным сетям) дополняет синтонию самоидентификацией с героем или усвоением страсти героя. В результате «завороженность» конкретным действием может изменить восприятие реальности. К тому же развитие современных технологий позволяет серьёзным образом усилить эффект невротической синтонии. Например, сформировать или усилить ощущение ущербности собственной истории, своей страны, национального опыта. Именно этот приём практиковался в перестроечные годы посредством разного рода публикаций, уничижающих и уничтожающих опыт нашей страны, кинофильмов типа «Покаяния» или «Так жить нельзя».

Политические и социально-экономические предпосылки, способствующие внедрению указанных технологий, общеизвестны. Это, прежде всего, **хаотизация социально-политической и экономической жизни** (развитие патологической системы, поглощающей ресурсы функциональной системы государства-мишени). Согласно С. Ману, существуют следующие средства создания хаоса на той или иной территории:

- содействие либеральной демократии;
- поддержка рыночных реформ;
- повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего элит;
- вытеснение традиционных ценностей и идеологии.

Мегатехнологией «цветных революций» следует считать такое соби-

рательное понятие, как **мягкая сила**. Впервые это понятие ввёл в оборот в 1990 году профессор Гарвардского университета Дж. Най. Под *мягкой силой* (применительно к технологиям «цветных революций») понимается совокупность ненасильственных приёмов и способов, посредством которых существует (или может появиться) реальная возможность изменения политического строя или низложения властной «верхушки» в отдельно взятом государстве. Последовательное изучение именно этих технологических приёмов и способов позволяет их классифицировать как *организационные, когнитивные и информационные*.

Организационные технологии по устройству «цветных революций» являются наиболее явными, наиболее открытыми для изучения и разработки мер по противодействию им. Ярчайшим примером таких технологий служит знаменитый труд о методах ненасильственного протеста и убеждения, опубликованный в 1973 г. Джином Шарпом. Автор выделяет 198 способов, с помощью которых можно подготовить не только саму «революционную почву», но и вполне активно вмешаться в процесс по смещению действующей власти.

Если рассматривать **организационные технологии** «цветных революций» в динамике, то чётко выделяются **три этапа**.

На **первом этапе** организаторы рекомендуют проводить исключительно символические акции, целевые акции для решения локальных проблем, создание мифа о том, что «власть нелегитимна». Основными задачами, решаемыми в ходе проведения первого этапа, являются: определение мобилизационного протестного потенциала общества; проверка реакции власти; индоктринирование (сознательное, целенаправленное внушение политических идей, ценностей, символики, норм поведения группам людей). Первый этап наиболее важен для по-

нимания не только общего состояния антиправительственных настроений в обществе, но и определения потенциального социального контингента, готового участвовать в планируемых акциях. Установление уровня готовности общества к политическим переменам является предпосылкой к подготовке второго этапа развития сценария «цветных революций».

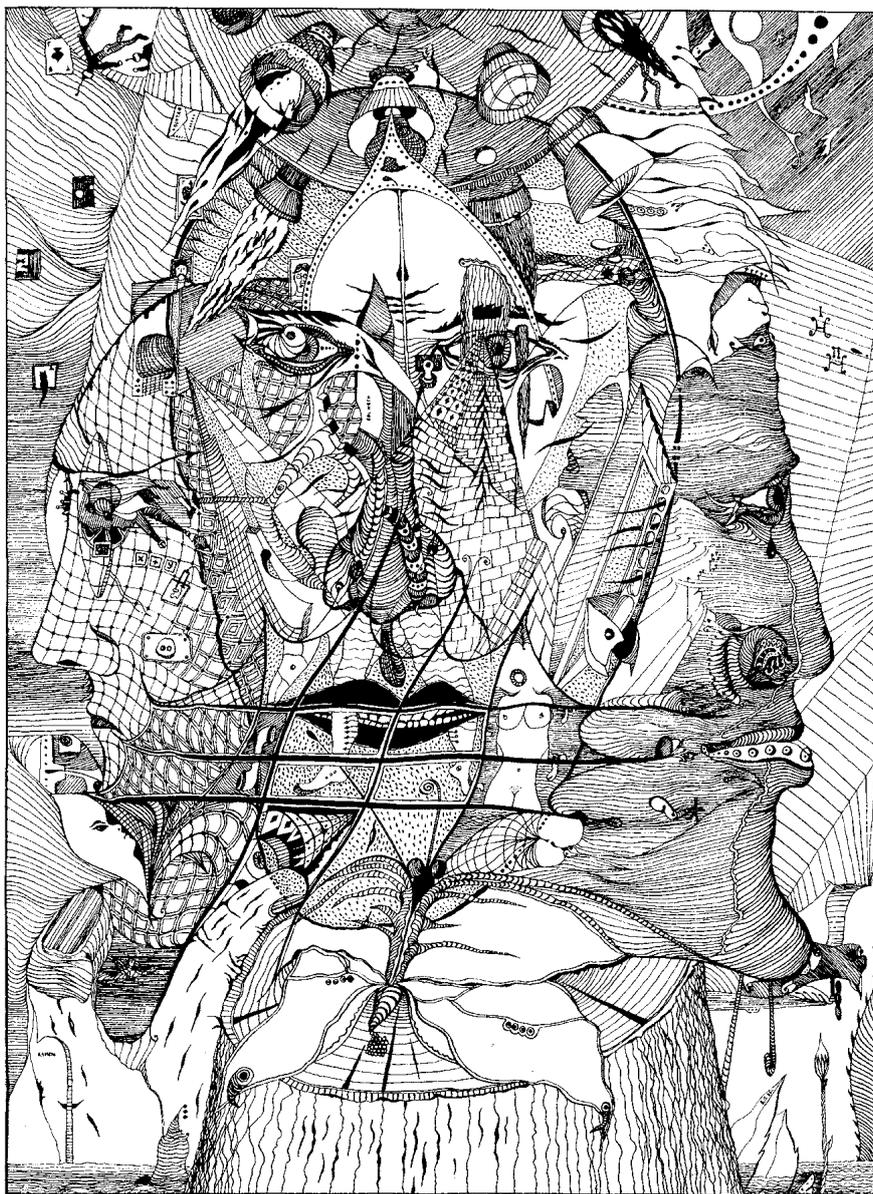
Второй этап включает в себя процесс дискредитации государственного аппарата и силовых структур. В ходе реализации данной установки существует необходимость подчеркнуть прозрачно продемонстрировать обществу явные или скрытые недостатки, выявленные в ходе подготовки и проведения выборов или в самой политической деятельности стоящей «у руля» партии или режима власти. Потребность в убеждении народных масс в полной неспособности управления государством ныне действующей властью, подкреплённая реальными или сфальсифицированными примерами, продиктована тем обстоятельством, что успех на этом участке «фронта» — залог будущей общей победы. В сознание активных членов общества закладывается мысль о необходимости срочных (или радикальных) перемен, исключая возможность принятия взвешенного решения не только об участии в «ненасильственных» акциях, но и о целесообразности их проведения вообще. Также на этом этапе внедряется процесс активной пропаганды и агитации служащих и сотрудников ведомств, имеющих прямое отношение к государственной власти. В своих программах политтехнологи рекомендуют использовать работников указанных госструктур для сбора компрометирующей действующую власть информации, её обнародования, а также призывать их к ведению саботажа и вредительству на вверенных им участках. Наличие сильных «подрывных» позиций в государственном аппарате может сыграть решающую роль в деле создания предреволюционной ситуации

даже в самой политически спокойной и социально благополучной стране.

Третий этап ознаменовывается самим процессом непосредственного свержения власти. Естественно, в открытых программах по подготовке и проведению «цветных революций»

трансформации смыслов и исторической памяти и смарт-формы организации социального поведения.

Таким образом, когнитивные технологии трансформации социального поведения влияют как на устойчивые личностные структуры (ценностные

не прописывается конкретный комплекс акций и действий, направленных на достижение этого результата.

Рассматривая **когнитивные технологии** трансформации социального поведения «цветных революций», необходимо учитывать, что в процессе своего развития они разделились на долговременные способы

ориентации), так и на оперативные мотивации. Основными технологиями долговременного влияния в настоящее время являются *трансгенные культы, субкультуры и компьютерные игры.*

Культы (секты) являются древнейшими формами когнитивного противодействия государственной власти. Сайт spisok-sekt.ru приво-

дит список из 90 «наиболее опасных сект, действующих на территории России». Сайт StopSekta.narod.ru насчитывает таковых более 300. Если учесть так называемые коммерческие секты (наиболее типичный пример — финансовые пирамиды) и сектоподобные образования типа «Школ личностного роста», «Школ здорового образа жизни...», то их количество будет исчисляться многими тысячами. Распространённость сект есть следствие духовной неудовлетворённости окружающей действительностью, невозможности самостоятельно найти достойную цель жизни. Необходимо подчеркнуть, что основной контингент, рекрутируемый в секты (как и в протестные оппозиционные организации) в нашей стране, это молодые, образованные и обеспеченные люди.

Возникновение феномена **молодёжных субкультур** обычно связывают с наложением к середине 50-х годов XX века двух социальных эффектов: «беби-бума» (резкого увеличения доли молодёжи в демографической структуре стран, участвовавших во Второй мировой войне) и первого этапа глобализации электронных СМИ (прежде всего в связи с распространением компактных транзисторных радиоприемников). Если характеризовать современные молодёжные субкультуры, то необходимо отметить, что практически все они являются не стихийным продуктом «свободного творчества молодежи», а **высокотехнологичными проектами организационного влияния на конкретные возрастные и социальные группы**. Они все являются высокорентабельными коммерческими предприятиями, в которых значительная часть принадлежит криминалу. И, наконец, они все связаны между собой благодаря социальным сетям.

Игра — древнейший, «докультурный» уровень формирования знаний, умений, навыков, в том числе — межличностного взаимодействия. Игра это и способ социализации, и способ сохранения культуры. В киберпро-

странстве Интернета с начала 90-х начался процесс стыковки технологий виртуальной реальности (VR) с сетевыми технологиями. Главная проблема — какой мир и какая реальность генерируется и предлагается в качестве поля взаимодействия. Компьютерная реальность может исказить у игрока историческую память (как, например, Blitzkrieg), может напрочь выключать эмпатию, т. е. способность к сопереживанию (Counter-Strike), может формировать установки на исключительно насильственные способы решения *любых жизненных ситуаций*.

Первым зафиксированным случаем использования компьютерных игр в качестве организационного оружия стала игра **Republic on Revolution** (2003 год), в русском переводе — «**Новистрана**», которая повествовала о ненасильственной революции в одной из стран «formed USSR», а многие эпизоды которой были очень похожи на полезные советы из книги Джина Шарпа «198 способов ненасильственного свержения власти». Следующей стала «**Хамське яечко**» (2004 год), в ней надо было спасти Украину от Януковича, бросая в него яйцами. Это было только начало. В 2005 году волну возмущения и русофобии на Украине вызвало появление на прилавках магазинов компьютерной игры «**Операция Галичина**», сделанной на основе известного шутера Ghost Recon с пометкой «Новый Addon на тему «оранжевой революции» на Украине». Всего за 30 гривен любой желающий мог приобрести «стрелялку», которая предлагает игроку в роли российского спецназовца «штурмовать мятежные украинские города». В описании сказано: «2008 год. На президентских выборах на Украине побеждает про-российский кандидат Сергей Гришков. В западных областях не признают результатов выборов и объявляют, что «не будут подчиняться продавшему русским Гришкову». Украина обращается к России с просьбой помочь в восстановлении территориальной целостности страны».

Но классическим примером реализации «операции базового эффекта» против нашей страны стала компьютерная «**Большая игра**» «Северного братства» со слоганом: «Сломай Систему играючи!». Сайт «Большой игры», которой «суждено расчистить поле для будущей решающей Битвы сил Света и Тьмы», заработал 23 декабря 2007 года — в день зимнего солнцестояния (именно тогда якобы начался некий «рубеж вступления в свои права эры Водолея»). Изначально сайт был зарегистрирован в Нидерландах, а физически размещён на сервере в Малайзии — то есть создатели сразу вывели его из российской юрисдикции. Суть игры сводилась к следующему. В «страны Белой силы» (к которым относятся славянские государства СНГ) «под прикрытием силы Морока стали проникать внешне похожие на людей пришельцы из созвездия Южного Креста». «Пришельцы» — это коренные жители Кавказа и Средней Азии. Поддержку им оказывают некоторые «земляне» — а именно: правоохранители, чиновники и олигархи (это и есть та самая «Система», которую требуется «сломать»). В «Большой игре» участвовали команды единомышленников (по терминологии игры — «автономные группировки»), которые регулярно получали на свои e-mail списки заданий различного уровня сложности. Например, от игроков требовалось бить витрины, поджигать двери и забрасывать петардами принадлежащие неславянам кафе и магазины, переворачивать и жечь машины, рисовать свастики и нацистские лозунги на стенах домов, избивать и казнить «пришельцев». Также игрокам предстояло подбрасывать под окна приёмных «Единой России», избиркомов (на сленге игроков — «лохотронов») или опорных пунктов милиции фальшивые «бомбы». Игроки должны были выискивать контактные данные (домашние адреса, телефоны) местных чиновников, бизнесменов, силовиков и правозащитников и отправлять

их на e-mail организаторов. Выполнение каждого задания должно было подтверждаться фото- или видеозаписью, которая отправлялась на сайт «Большой игры» и за что игрок получал баллы. Именно в этом происходил формальный переход от онлайн к офлайн. Авторы игры признавались, что их цель — «создать сеть автономных группировок, ненавидящих Систему и постепенно увеличивающих свои умения и навыки для их последующего применения уже в прямых столкновениях с Системой». В архиве сайта «Большой игры» насчитывалось несколько десятков тысяч видеосюжетов о выполненных заданиях, то есть о совершённых преступлениях экстремистской направленности. В 2010 году решением суда сайт был закрыт, а часть его активных участников осуждена. Однако практически сразу его эстафету подхватил сайт с игрой «Городские партизаны» и поджогами помещений ОВД. В феврале 2013 года была презентована первая симуляционная стратегическая игра «Мощная сила» (**A Force More Powerful**). Ее разработчики — Международный центр ненасильственного конфликта (International Center on Nonviolent Conflict — ICNC) и американская медиакомпания «Йорк-Циммерман» (York Zimmerman и BreakAway Games). По их замыслу игра должна научить общественных активистов тактике ненасильственного сопротивления и свержения диктаторов. Объясняет главный продюсер игры Питер Экерман: «Эта игра позволяет прибегать к различным из тактических ходов, действий и решений, чтобы увидеть, какие из них работают лучше. И развить навыки, чтобы использовать эту тактику и быть уверенным, что она сработает в реальной жизни».

Как показала практика, компьютерные игры, практически обучающие и включающие молодёжь в экстремистскую и протестную деятельность, оказались одним из самых эффективных средств «цветных революций».

Одним из важнейших достижений когнитивных технологий является

разработка **смартформ пресоциализации** — *добровольно-игровой неосознаваемого самим субъектом способа быстрой смены социальных ролей, статусов, позиций*. Смартформы «завернуты» в контркультурную оболочку безобидной игры-прикола и выступают как «способы новой консолидации людей». В 2002 году вышла книга Говарда Рейнгольда «Умная толпа: новая социальная революция», положившая начало распространению новых форм социальной организации, основанных на массовом использовании информационных технологий. Как всегда, первыми «пользователями» новых технологий стали организованная преступность и специальные службы, организующие смену режимов в других странах.

К настоящему времени можно говорить о нескольких разновидностях «умной толпы», которые получили быстрое и **глобальное** распространение. Самая «простая» и самая распространённая из них — **флешмоб**, то есть заранее спланированная массовая акция, организованная, как правило, через современные социальные сети, в которой большая группа людей внезапно появляется в общественном месте, в течение нескольких минут выполняет заранее оговоренные действия, которые называются сценарием, и затем быстро расходится. Флешмоб не имеет аналогов в мировой истории, хотя в культурологическом плане он является частью перформансной коммуникации наравне с перформансом, хепенингом и флюксусом.

Применительно к нашему контексту важно отметить, что отработка использования флеш-моба в «цветных революциях» на постсоветском пространстве показала его высокую эффективность как инструмента смены правящих режимов.

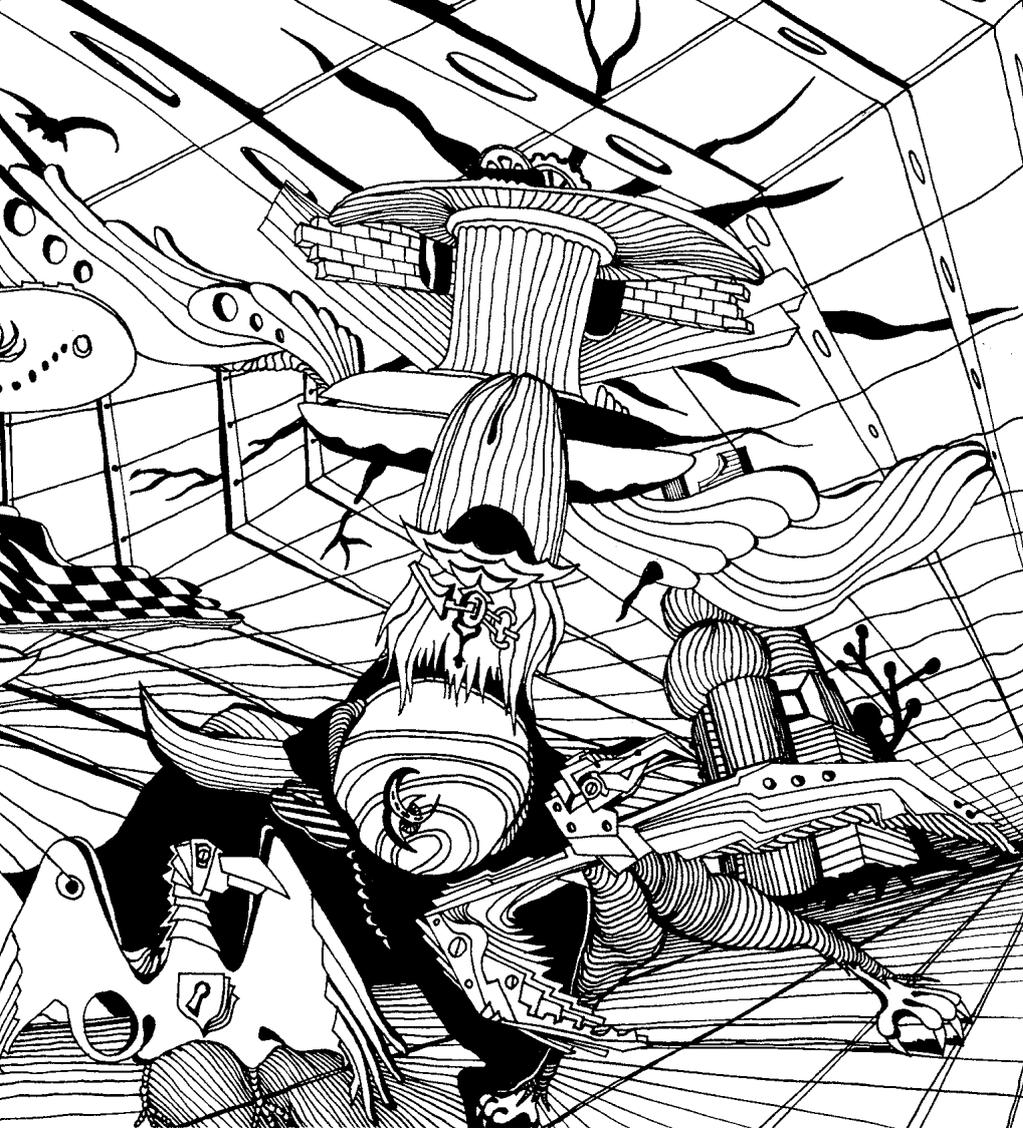
Вторая разновидность — **криминальный карнавал**, «шопинг-бунт» (shopping-riot) — организуемые через социальные сети массовые беспорядки, сопровождающиеся грабежами, поджогами зданий и автомобилей

с целью развлечения. 2005 год — Париж, 2011 год — Лондон.

Самым же поразительным для наблюдателей был тот факт, что многие журналисты и полицейские, оказавшиеся в это время в районе и общавшиеся с бунтовщиками, рассказывали об одной и той же фразе, которую они слышали от погромщиков: «Не беспокойтесь, мы разрядимся и вскоре покинем это место». В конце 2011 года в журнале Wired появилась необычно большая для этого издания статья, посвящённая «криминальному карнавалу», — «**В города приходят самоорганизующиеся гиперсетевые революции**». В этом журнале за последнее десятилетие неоднократно обкатывались методы и технологии, впоследствии завоевавшие мир. В качестве примера можно привести краудсорсинг и массовый скидочный сервис.

Сами слова «восстание», «бунт», «протест» вводят в заблуждение, поскольку они подразумевают наличие определённого градуса протеста

против правящей власти. Однако «бунтовщики» в Лондоне и Париже не имели никакой цели своего протеста, кроме протеста как такового. Это были карнавальные, постполитические бунты. Многие погромщики в интервью признаются, что участвовали в этих акциях, так как это было весело. Участники беспорядков обнаружили интерес к культуре потребления и начали практиковать её довольно извращённым образом. Это был эдакий «насильственный консьюмеризм» — выбивание витрин, грабежи».

Технологически «криминальный карнавал» — это флеш-моб, содержание — осознанные грабежи, поджоги, то есть совершение тяжких преступлений ради развлечения лицами, в большинстве своем живущими на социальные пособия и не имеющими постоянной работы. Криминальные карнавалы — явление, свойственное только мегаполисам стран, имеющих развитые социальные программы, благодаря которым

многие поколения граждан могут нормально существовать, не занимаясь постоянной работой. Как показывает опыт Парижа, Лондона, Манчестера, Филадельфии, криминальные карнавалы способны хаотизировать крупный город на достаточно продолжительное время.

Третья разновидность «умной толпы» — «мирный бунт», организуемые через социальные сети политические акции, ставящие своей целью делегитимизацию действующей власти в глазах населения и мирового сообщества. Технологии управляемой смуты, применяемые в «мирном бунте», базируются на своеобразном «социальном хакерстве». Предполагается, что в то время как граждане отказывают государству в повинности, перестают поддерживать социальные связи, необходимые для нормального политического функционирования общества, само государство не отказывается и не может отказаться от своих обязательств перед ними. В отличие от предыдущих форм «ум-

ной толпы» данная разновидность имеет достаточно сложную структуру, близкую к структуре традиционной действующей толпы: примерно 10% составляют организаторы (менеджеры), координирующие деятельность остальных участников в режиме реального времени, около 30% — рекруты, то есть нанятые за плату участники. Не менее половины рекрутов — боевики, задачей которых служит провоцирование силовых конфликтов с представителями власти и правоохранительных органов. Остальные 60% — любопытные члены интернет-сообществ, в которых обсуждалась подготовка данной акции и их знакомые. Именно любопытные при достижении в акции ключевой цели — провоцировании власти на силовые действия, становятся базой для образования панической толпы, действия которой, как правило, сопровождаются жертвами. Большая часть организаторов, как выясняется, прошла подготовку по программам Центра практического ненасильственного действия и стратегий, или CANVAS, — находящейся в Белграде организации, организованной бывшими активистами сербского «Отпора» и готовившей активистов грузинской «Кхмары», украинской «Пора», египетской «6 апреля» и «Кефайя». В настоящее время CANVAS работает с активистами из более чем 50 стран, в 12 из которых произошли смены режимов.

Основное отличие между традиционной и «умной» толпами в формах возникновения: если для традиционной нужен «шоковый стимул» (внезапное событие, прямо затрагивающие жизненные интересы участников), то формирование «умной толпы» готовится продолжительным обсуждением в сетевых ресурсах и средствах массовой коммуникации. Но непосредственно на месте сбора «умная толпа» формируется гораздо быстрее традиционной (несколько минут против 3–6 часов). Второе отличие заключается в структурировании: если действующая агрессивная толпа (в её «без-

умной» модификации) имеет чёткую структуру, то для «умной толпы» характерно «роение».

Третье отличие — в наличии управления. В традиционной толпе реальное управление существует лишь на начальных стадиях формирования и выдвижения к основному месту акции. В «умной толпе» управление (координация) осуществляется постоянно, включая подготовленную эвакуацию организаторов после начала силовых акций властей.

Четвёртое отличие — в предельной численности. Традиционная толпа, как субъектная общность с единичными переживаниями и действиями, редко бывает более 20000 человек на компактной территории. «Умная толпа», в которой эмоциональные переживания растянуты по времени, а мотивации разнонаправленны, на короткое время может достигать численности в несколько сотен тысяч человек, после чего дробится на более мелкие (локальные) образования.

Пятое отличие — в эмоциональном состоянии участников. Если в традиционной толпе в ходе циркулярной реакции эмоциональное возбуждение участников может достигать терминальных значений (именно поэтому за действующей толпой с античных времён закрепилось название «безумная»), то для организаторов и рекрутов «умной толпы» характерна имитация сильных эмоций. Как правило, эмоциональное состояние участников «умной толпы» не доходит до экстремальных значений.

Одно из существенных отличий акций «мирных бунтовщиков» является постоянное медийное сопровождение, причём кроме профессиональных журналистов организаторы и энтузиасты в течение всей акции выкладывают видеокартинки и свои комментарии в сетевых ресурсах. Как не раз происходило во время Арабской весны и в Сирии, комментарии и картинки имеют мало общего с происходящим, но они создают нужный настрой глобальной медийной аудитории по поводу действующей

власти. В традиционной толпе профессиональная деятельность журналистов возможна лишь на начальных стадиях, далее психическое заражение приводит журналистов в такое же аффективное состояние. Возможна лишь дистантная фиксация действий агрессивной толпы.

Везде, где происходили события Арабской весны, «снежной революции», для привлечения союзников протестующие использовали новые интернет-приложения и мобильные телефоны, перебрасывая ресурсы из киберпространства в городское пространство и обратно. Для посетителей социальных сетей создавалось впечатление, что в протестные действия включились миллионы людей. Однако в действительности число реально протестующих и протестующих в сети отличается многократно. Достигается это с помощью специальных программ. В 2010 году правительство США заключило договор с компанией HBGary Federal на разработку компьютерной программы, которая может создавать многочисленные фиктивные аккаунты в социальных сетях для манипулирования и влияния на общественное мнение по спорным вопросам, продвигая пропаганду. Она также может быть использована для наблюдения за общественным мнением, чтобы находить точки зрения, которые не нравятся власти имущим. Затем их «фиктивные» люди могут теоретически проводить грязные кампании против этих «реальных» людей. Годом раньше BBC США заказала разработку Persona Management Software (программы по управлению персонажами), которую можно использовать для создания и управления фиктивными аккаунтами на сайтах социальных сетей, чтобы исказить правду и создавать впечатление, будто существует общепринятое мнение по спорным вопросам. «Персонажи должны производить впечатление, что они происходят почти из любого места в мире и могут взаимодействовать посредством обычных онлайн-сервисов и платформ социальных сетей».

Информационные деструктивные технологии в организационной системе «цветных революций» приобрели значимый вес с развитием **социальных сетей**. Несмотря на то что в современном политологическом дискурсе понятие «сеть» является одним из самых востребованных и существует уже довольно большой массив литературы, изучающей этот технологический продукт с точки зрения его влияния на массовое сознание и поведение, довольно незначительное количество исследователей указывает на самые главные характеристики этого явления. Социальные сети выполняют сегодня роль не столько площадок для общения, сколько детонаторов информационного взрыва: они способны распространять информацию по всему миру за считанные секунды, ускоряя тем самым ход той или иной операции. Это вовсе не обозначает, что телевидение и радио утратили свою популярность. В современных условиях происходит симбиоз крупнейших телевизионных гигантов с такими сетями, как WikiLeaks, Facebook, Twitter, YouTube, усиливающий в конечном итоге эффект информационных операций, выводя на улицы сотни тысяч манифестантов. Примером такого взаимодействия служит деятельность международной телекомпании «Аль-Джазира», размещающей видеоматериалы на собственном портале в YouTube. Подобная практика наблюдается также среди российских вещательных организаций, ярким примером чему является мультимедийный канал «Дождь».

Сетью может стать любая социальная среда, через которую можно получить и *прокачать* нужную информацию. В реальности сети обычно представляют собой общественные организации, фонды, неправительственные структуры, движения и политические партии, а также секты, которые ангажируются тем или иным образом одной из сторон, готовящей и проводящей «цветную революцию». *Сеть* не управляется из единого центра. В сетевой войне доминирует

такое понятие, как *намерение командира*. Участники сети должны понимать смысл происходящего. Они не получают прямые команды — «пойди туда», «сделай это», — ибо это не классическая армия. Существуют некоторые подразумеваемые, которые могут быть озвучены центром сетевой операции, например, через СМИ, на каких-то конгрессах или форумах, в подготовительных лагерях. Это могут быть официальные заявления, доклады, обращения, намеки, высказывания политиков и общественных деятелей, которые считаются сетью. Дальше сетевые структуры действуют исходя из озвученного намерения, обстановки, самостоятельно принимая решения. Если действие оказывается неудачным или провальным или вообще не осуществляется — *сетевой центр* не несёт за это прямой ответственности, переконфигурируя сеть другим образом. При этом никакой прямой увязки между центром принятия решения и исполнителем нет. А информация — намерения — передаётся

по открытым каналам. Узлы сети могут действовать автономно от центра, для того чтобы не вскрыть центр происхождения основной стратегии, заданий и конкретных действий. Сетевыми узлами могут быть практически автономные социальные структуры (пример — НКО), которые связаны между собой горизонтально. Даже в случае если увязка сетевой структуры и центра управления будет вскрыта, их связь может быть доказана только косвенно.

В начале 1990-х в СССР, а потом в России организационная сеть будущих «цветных революций» создавалась с помощью социальной интеграции. Финансист Дж. Сорос, работающий на американское государство, раздавал гранты — небольшие суммы денег — социально активным группам. Собирались они для разных целей и по разным причинам. Это могли быть неформальные группы, какие-то политические группы, группы по интересам. В любом случае такая группа объединяла в себе социально активных граждан.

Она занималась тем, что ей интересно, вкладывая свою энергию в то, что считала важным. Если ей давали денег — она была очень благодарна. Активные, пассионарные люди занимались чем-то и без денег, ради интереса, но тут появлялась возможность развить масштабы своей деятельности. В итоге, получив деньги, эти люди начинали чувствовать себя обязанными в силу менталитета представителей нашей цивилизации, народов, населяющих наше большое пространство. Но дальше такая группа, получив грант, автоматически помещается в список включённых в определённую сеть. Если она получила деньги от Сороса, от американского или европейского фонда, значит, по умолчанию она включена в американскую сеть. По количеству участников такая неправительственная организация может быть незначительной, но в сетевой войне численность, будь то политическая партия или армия, теряет значение. Множество узлов — сотни или даже тысячи групп, которые были взяты на контроль за совершенно небольшими деньгами — представляет собой не что иное, как организационную сеть будущих «цветных революций». Именно в 1990-е на территории постсоветского пространства возникает такое понятие, как НПО — неправительственная организация, а также НКО — некоммерческая организация. В какой-то момент НПО и НКО начали создаваться именно под получение грантов. Стало известно, что американские и европейские фонды, действующие под патронажем США, дают деньги, и для того, чтобы их получить, надо собраться, зарегистрировать НПО и сделать что-нибудь. Лучше то, что попросят, тогда можно получить больше. Или просто заняться чем-то угодно — тогда меньше. Это своеобразный фильтр для пассионариев, инструмент, с помощью которого все более-менее активные люди были локализованы в известных сообществах. Таким образом, в России за последние 20 лет была подготовлена и «прикормлена» орга-

низационная среда, предназначенная для осуществления сетевой операции по установлению контроля над большим пространством, с включением такой задачи как расчленение и социальное «перемешивание» через хаос отдельных, особо архаичных социальных фрагментов.

Начальная фаза «цветных революций 2.0» — *twitter-революция*. Для того чтобы реализовать «цветную twitter-революцию», нужно иметь соответствующую среду. Для этого в социальных интернет-сетях должно быть достаточное количество активных пользователей — *skillful individual*, продвинутых пользователей социальной сети Twitter, Facebook, «ВКонтакте», других социальных сетей, а также носителей iPhone и iPadов — для большей мобильности, которая является основным преимуществом пользователя социальной сети. Наличие большого количества пользователей всех гаджетов, имеющих сетевые аккаунты, создаёт необходимую, соответствующую задаче среду. Если таких носителей недостаточно, то, согласно американскому плану, в пропаганду внедрения и популяризации системы Twitter, iPadов и iPhone включаются медийные люди — ньюсмейкеры, известные личности, персоналии. Политики и деятели культуры заводят аккаунты, СМИ ссылаются на записи в Twitter. Таким образом, осуществляется наращивание социальной базы, которая формирует психологическую среду для реализации информационной составляющей «цветной twitter-революции».

3. МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕХНОЛОГИЯМ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

Традиционные варианты противодействия технологиям «цветной революции» можно свести в четыре основные группы: нормативно-правовые, административные, информационные, экономические. Цель их применения — нейтрализация

действия патологической системы силами властных структур государства-мишени.

Нормативно-правовые методы могут применяться главным образом для создания условий, препятствующих развёртыванию активной политической деятельности лидеров и организаций, ориентированных на свержение действующей власти, а также осуществлению их поддержки, как материальной, так и информационной, из-за рубежа. Хороший пример — принятие федерального закона, обязывающего НКО, участвующие в политической деятельности в России и имеющие поддержку из иностранных источников, регистрироваться в качестве иностранных агентов. Эти методы

наиболее эффективны в периоды, предшествующие «цветной революции», для устранения условий её возникновения. С началом основных событий эффективность применения этих методов резко снижается, давая порой прямо противоположный эффект.

Административные методы обладают большей оперативностью, чем нормативно-правовые, и позволяют решать широкий круг задач предотвращения «цветной революции», главным образом на этапе ее подготовки. Наиболее эффективно эти методы могут быть использованы для достижения организационного превосходства сил, противостоящих «цветной революции», над сторонниками последней. В частности, это

возможно путём создания патриотических общественно-политических организаций и партий, поддержки их деятельности (преимущественно скрытно), предоставления организационного и отчасти материального и информационного ресурса в сочетании с организацией различных препятствий для деятельности сторонников «цветной революции» в России. Так как «цветная революция» не является «естественной реакцией на внезапно возникшие события», а есть часть целенаправленных действий по хаотизации социальной обстановки, то этот процесс требует вполне конкретных ресурсов: организационных, финансовых, информационных, технических. Основной вопрос профилактики «цветной революции» — выяснение кто, сколько и каких ресурсов выделил и кто, как и когда собирается ими воспользоваться. Как ни парадоксально звучит, но именно ответы на эти вопросы не являются «страшной» тайной: они обсуждаются на сетевых форумах, печатаются в статьях, обсуждаются в теледебатах. Основным ресурс «цветной революции» — люди, готовые к конкретным действиям по «ненасильственному захвату власти». Эти люди собраны в сетевые структуры, прошли специальную подготовку. Таковыми являются: неправительственные организации, неформальные объединения, сетевые сообщества, фанатские и бойцовские клубы. Мониторинг их сетевой активности позволяет выявить масштаб подготовки к очередной акции, в необходимых случаях — начать сетевую игру по противодействию данным планам. Это отнюдь не противоречит «шахматной» открытости: если кто-то из граждан государства открыто заявляет о своих намерениях бороться с государством, то нельзя возмущаться действиями государства, направленными на его самозащиту.

Экономические методы имеют значение для подрыва материально-ресурсного потенциала сил «цветной революции». Их основу составляют технологии, позволяющие парали-

зовать деятельность и в дальнейшем разорить внутренние экономические субъекты, составляющие материальную базу «цветной революции», нейтрализовать активность на территории России иностранных экономических субъектов, поддерживающих деструктивные силы, блокировать накопление и перемещение материальных средств и финансов. При одновременной материальной поддержке (преимущественно скрытой, через независимые организации) патриотических общественных организаций и движений это позволяет добиться материального превосходства последних над сторонниками «цветной революции». Экономические методы имеют значение на всех этапах подготовки и осуществления рассматриваемого сценария. Однако они наиболее значимы на стадии её предотвращения, когда «революция» только зарождается. В частности, дружественная экономическая политика по отношению к наиболее активным и экономически уязвимым слоям населения в этот период позволит существенно снизить социальную напряжённость.

Так как деятельность по подготовке и проведению «цветной революции» связана с широким использованием технических средств и привлечением наёмного персонала (организаторов и рекрутов), она невозможна без достаточного финансирования сетевых структур страны-мишени. Откуда деньги и как происходит финансирование? Как правило, это наиболее болезненный вопрос, так как недостаточная финансовая прозрачность делает криминальным уже весь процесс подготовки акций. Но прозрачным является, как правило, лишь первый этап — перечисление денег из-за рубежа и от отечественных частных инвесторов неправительственным и общественным организациям. Получившие финансовые средства организации легально могут оплатить только небольшую часть затрат на проведение акций «умной толпы» и других «цветных рево-

люционных мероприятий». Дальше начинается криминал: оплата рекрутов и «специальных» акций. Самый криминальный путь — оплата наличными — в последнее время практически не используется. Наиболее популярный и относительно безопасный для организаторов путь — использовать для оплаты Интернет. В Европе подобные платежи давно являются объектом расследования и уголовного преследования, в нашей стране, благодаря несовершенству законодательства, эта практика относительно безопасна для «мирных бунтовщиков» и очень распространена в их среде. Выход для предотвращения подобных путей финансирования «цветных» акций — использовать международный опыт и приводить законодательство в соответствие со сложившимися реалиями.

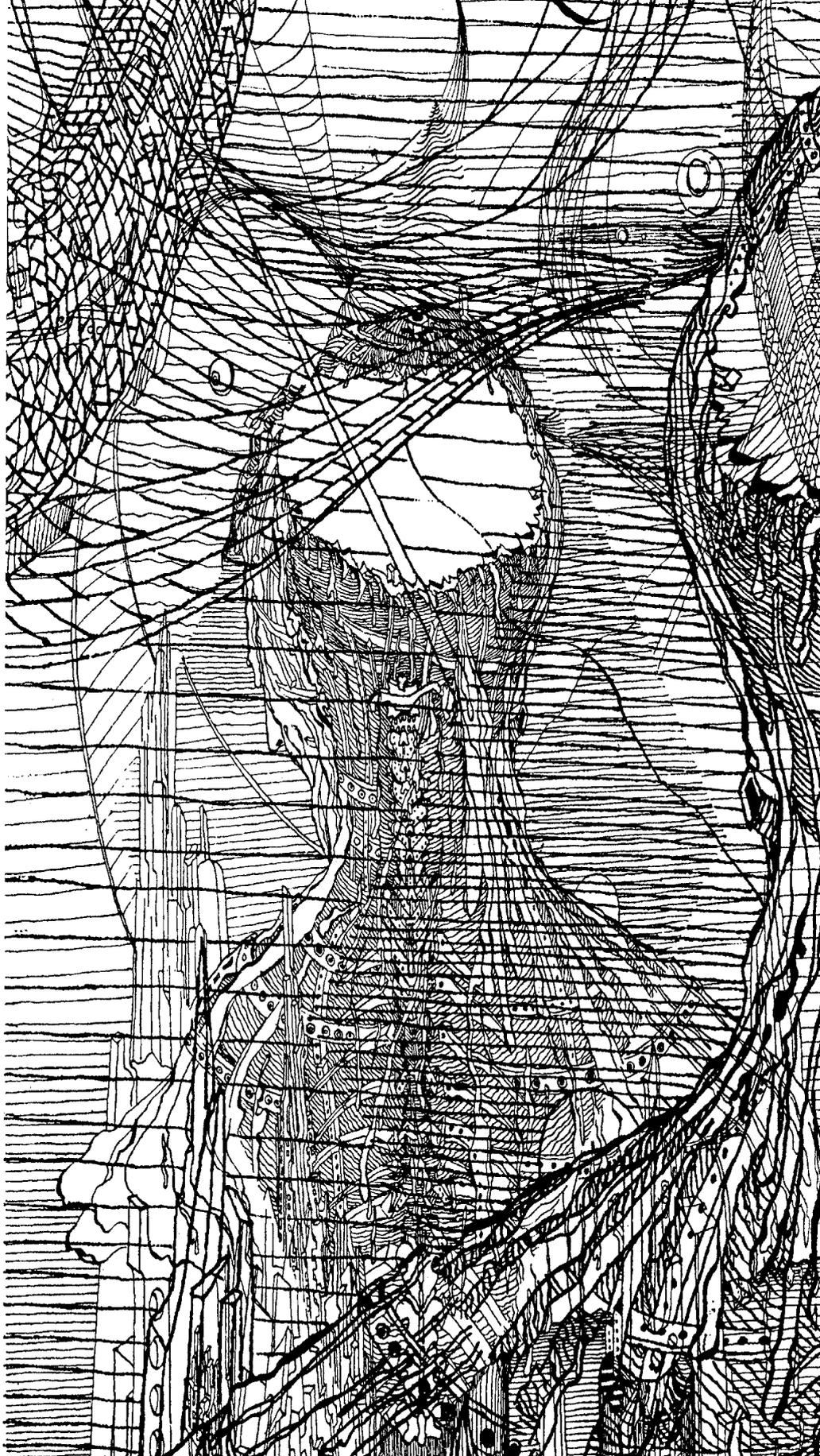
Информационные методы являются при решении большинства задач противодействия рассматриваемому сценарию наиболее важными. Они играют ключевую роль практически на всех этапах подготовки и осуществления «цветной революции», и от эффективности их применения зависит в значительной степени возможность её недопущения или пресечения. Именно информационное превосходство сторонников победивших «цветных революций» обеспечивало им успех. Неэффективное применение даже превосходящего по потенциалу информационного ресурса государственной власти приводит к её падению.

Основные цели применения информационных методов сторонами действующей власти — привлечь на свою сторону политически активное население, повысить морально-политический потенциал своих единомышленников, создать и поддержать благоприятный имидж за рубежом, дезорганизовать структуры противной стороны, а также отразить информационную агрессию из-за рубежа. При успешном достижении этих целей возможность реализации рассматриваемого сценария

в России в значительной степени будет нейтрализована.

«Цветная революция» не может существовать без сетевых ресурсов: это её воздух, её пространство, её инструмент. Попытки лобового решения проблемы — нейтрализация «цветной угрозы» путём технического отключения сетевых ресурсов в государстве — удалась в Китае, Иране и, отчасти, в Белоруссии. Уже во время Арабской весны эта тактика оказалась бесплодной. Причина одна — мировым сообществом во главе США доступ граждан к сетевым ресурсам был объявлен одним из фундаментальных прав человека. 12 апреля 2011 года на конференции Freedom House в Вашингтоне был представлен подготовленный этой организацией доклад «Руководство в помощь пользователям Интернета в репрессивных государствах». Заместитель помощника государственного секретаря США Дэниэл Бэр, возглавляющий Бюро по демократии, правам человека и труду, которое финансировало доклад, назвал инструменты преодоления цензуры «самым важным способом поддержки цифровых активистов и других пользователей, живущих в обстановке репрессий и зажима Интернета». Государственный секретарь США Хиллари Клинтон заявила в своей речи 15 февраля 2011 года: «Соединённые Штаты продолжают помогать людям, живущим в условиях зажима Интернета, обходить фильтры, всегда на шаг опережать цензоров, хакеров и бандитов, которые избивают их или сажают в тюрьму за высказывания в Сети». В этой речи государственного секретаря США анонсировался новый проект «революции гаджетов» с использованием технологий так называемого стелс-интернета. Цель программы стелс-интернета — обойти запреты на пользование Интернетом и даже мобильными SMS, которые ввели ряд правительств в момент беспорядков в их странах. Таким образом, правительства не смогут перекрыть протестующим информационный

кислород, лишив их сотовой связи и Интернета, и они смогут координировать свои действия друг с другом. Другой проект, который опирается на технологии Mesh Network, объединяет мобильные телефоны,

смартфоны и персональные компьютеры для создания невидимой беспроводной сети без центрального концентратора — каждый такой телефон действует в обход официальной сети, то есть напрямую. Проводятся

эксперименты и с использованием Bluetooth-технологий: скажем, рассылка важных сообщений по всем телефонам такой альтернативной сети, минуя официального интернет-провайдера. Эта функция требует

только модификации микропрограмм в смартфонах и больше ничего. При большой плотности телефонов в городах это позволит координировать протестующих, даже если мобильную сеть в районе беспорядков власти отключат совсем.

Сегодня можно сделать вывод, что в 2011–2012 годах «цветная революция», несмотря на длительную информационную и когнитивную подготовку, в России не прошла. И так получилось главным образом из-за ориентации «оранжевых технологий» на «манифестные» формы реализации, во главе которых должен стоять «креативный класс». Для России то, что называют «креативным классом», заметно только в медийной среде, а «манифестная» политика реально интересует меньшую часть населения. Но практически готова технологическая база версии «цветная революция 2.0», основанная на отработанных в ходе Арабской весны технологиях силовой направленности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имеющийся опыт использования организационного оружия и наблюдения за результатами его использования позволяет сделать следующие выводы применительно к нашей стране:

1. Применение организационного оружия не всегда приводит к деструкции государства и социума (по крайней мере такой стремительной, как планирует наступающая сторона), что свидетельствует, во-первых, об адаптационных свойствах конкретного социума, во-вторых, о возможности нейтрализации негативных воздействий со стороны государства;

2. Выраженная устойчивость к патологическим воздействиям организационного оружия имеется у всех государств-социумов, ранее воплощавших в своём государственном строительстве реальные принципы социальной справедливости, имеющих коллективный опыт противо-

стояния внешним и внутренним деструктивным силам;

3. Внешние, то есть формальные способы противодействия организационному оружию (политические, экономические, военные и другие), в их «классическом» виде уже категорически не пригодны — требуется подбор адекватных и специфических средств, основанных на современных информационных технологиях и методах информационно-психологического противодействия;

4. Прямое и непосредственное влияние на патологическую систему — воздействие на нее «в лоб», по принципу «атака на атаку» («угол падения равен углу отражения»), — не может быть результативным, так как на организацию «контратаки» будут расходоваться ресурсы социальной функциональной системы, что также входит в замысел противника;

5. Возможности слома патологической системы как ведущего фактора организационного оружия по большей части расположены в культурной сфере общества, но именно здесь часто возникают и серьёзные противоречия в правящей элите;

6. От государственных структур требуется изменение структурно-управленческого видения ситуации: с сетевыми структурами могут эффективно бороться только другие сетевые структуры, способные работать в том же операционном поле, что и их противники;

7. Последнее обстоятельство требует развития в силовых структурах службы сетевого воздействия на экстремистские сетевые сообщества.

Глобальное переформатирование мира демонстрирует интенсификацию использования организационного оружия уже наднациональными, надгосударственными структурами, как следствие — патологические системы уже запущены в большинстве государств. Знание механизма действия патологических систем должно стать основой противодействия на национальном и глобальном уровнях.

/ Авторы: Константин ЧЕРЕМНЫХ, Маринэ ВОСКАНЯН.
Под редакцией А.Б. КОБЯКОВА /

«Новый 1968 год»: мировоззренческое содержание и механизмы «революций 2.0» (Доклад Изборскому клубу)

Иллюстрации: Василий ПРОХАНОВ

ВВЕДЕНИЕ

Феноменом последних лет стал резкий рост массовых протестных выступлений в разных странах мира. На смену череде «оранжевых революций» пришли «революции 2.0», отличительная черта которых — ключевая роль Интернета и социальных сетей. Арабская весна, Occupy Wall Street, Болотная площадь или лондонские погромы — всюду мы видим на улицах молодёжь и средний класс, требующих перемен. Распространённая точка зрения на эти события — рост самосознания молодых и активных, желание участвовать в выборе пути развития своих стран и «демократический протест» против тирании и коррумпированных элит. При внимательном анализе политического, социального и культурного бэкграунда этих событий мы тем не менее видим иную картину.

Авторы данного доклада выдвигают идею того, что эти события не происходят «сами по себе», они происходят с активнейшим участием *внешнего субъекта*. Его задачи выходят далеко за рамки смены элит, экономической выгоды или ослабления конкретных стран в рамках геополитической борьбы. Это задачи **смены цивилизационной парадигмы с помощью механизмов информационной войны**.

Исходя из этой основной гипотезы, которой придерживаются авторы настоящего доклада и обосновать которую призван нижеследующий анализ, данный субъект обладает сложной структурой,

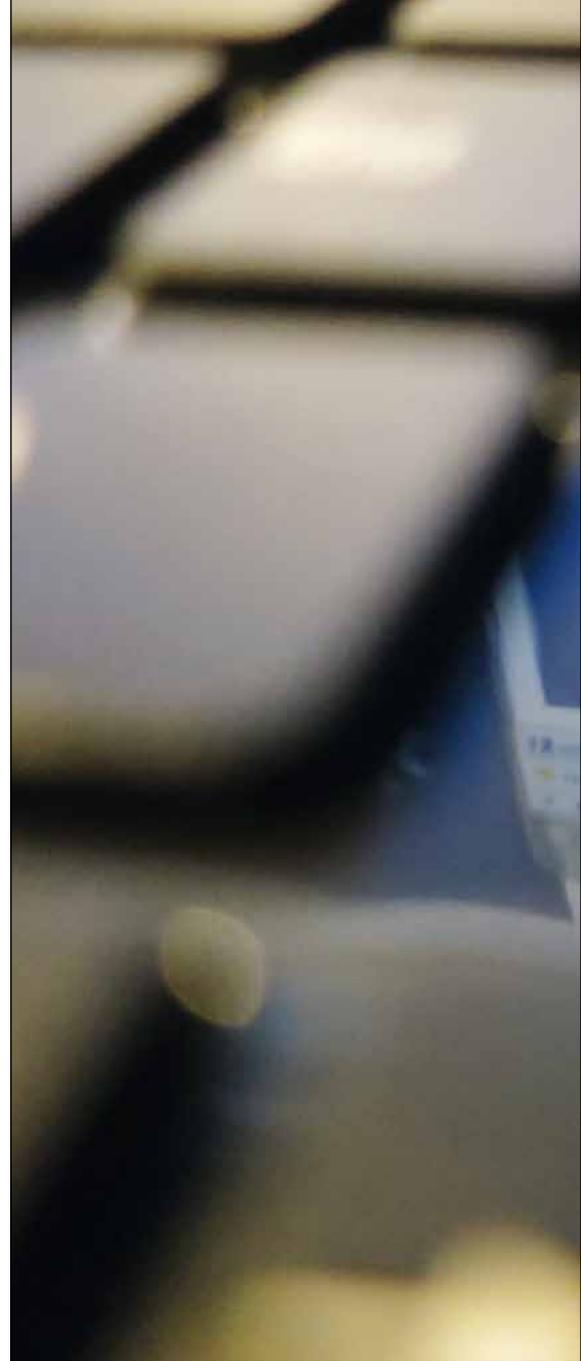
причём отдельные составные части этого субъекта имеют как совпадающие общие, так и специфические цели и задачи.

И в «цветных революциях 1.0», и в «революциях социальных сетей 2.0» легко различается заинтересованность и прямое участие государственных ведомств (прежде всего США). Кампании, позиционируемые как «ненасильственные» (несмотря на то что в ряде стран они переходят в гражданские войны) и по выбору мишеней, и по своему результату вполне соответствуют определению информационных боевых действий (information warfare), фигурирующему в целом ряде доктринальных документов США — директиве DODD 3600 департамента обороны США от 21.12.1992, директиве Command & Control Warfare (1996), Объединённой доктрине информационных операций (1998), Стратегии национальной безопасности (2002), Национальной стратегии защиты критической инфраструктуры (2002), Национальной стратегии защиты киберпространства (2003), Национальной стратегии публичной дипломатии и стратегических коммуникаций (2007). Беспрецедентная утечка о программе PRISM Агентства национальной безопасности (АНБ) США, пролившая свет на постоянное партнёрство ведомств и IT-корпораций, лишней раз указывает на заинтересованную сторону. То же можно сказать и об экономическом результате «революций 2.0» — по меньшей мере ис-

ходя из направления бегства капитала из стран-мишеней.

Вместе с тем немалую роль в иницировании «революций 2.0» и методологическом управлении ими играют и ряд наднациональных парapolитических структур, университетские центры и международные НКО, спонсируемые определённой группой олигархических фондов при прямом содействии статусных международных институтов. С другой стороны, как постоянная деятельность этих структур, так и результаты «революций 2.0» приносят выгоду ряду специфических видов транснационального бизнеса.

Однако в целом этот субъект можно охарактеризовать как **«цивилизационное лобби», реализующее определённый глобальный проект**.

Анонимная война

В докладе обосновываются следующие тезисы:

1) Протестные движения имеют сходства как во внешних форматах, так и в идейных посылах.

2) Анализ этих идеологем выявляет их связь не только с актуальной политикой, но и с фундаментальными процессами смены цивилизационных ориентиров, начавшимися во второй половине XX века и касающимися вопросов моральных ценностей, культуры, религии и места человека в мире. Составные части мировоззренческого стереотипа протестных масс — анархизм, экологизм, пацифизм, защита гендерных меньшинств и примитивных культур, антиклерикализм, информационная прозрачность. Проповедуя эти рецепты полного освобождения от ав-

торитетов (государственных, военных, религиозных), участники «революций 2.0» хотя и считают себя освободителями народов, на практике реализуют программу узкого глобального круга экономических и культурных поработителей.

3) Ключевой механизм реализуемой мировой трансформации — Интернет и сетевые технологии. Интернет — и как инструмент, и как среда — формирует особый тип современного человека и влияет на его мировосприятие. Инфантильная идея переноса «сетевых правил игры» в реальную жизнь и политику — важнейшая часть новой протестной культуры.

4) «Двигатель перемен» — информационная сфера, где работают СМИ, НКО и разнообразные формы «горизонталь-

ных» социальных связей. Часть из них напрямую связана с американскими или транснациональными курирующими институтами, часть — возникает «снизу», но далее встраивается или используется профессиональными «игроками». Однако масса рядовых участников вовлечена в процесс бескорыстно и инициативно.

Исходя из этого объектом исследования являются как сознательные акторы процесса (государственные структуры, наднациональные структуры, НКО), так и субстрат процесса (социальные группы, вовлечённые в эту активность с учётом их ценностей, жизненных и культурных ориентиров).

Есть все основания ожидать продолжения прежней практики в геополитике:

Народное восстание также
получило название «арабской весны»

миках услуг», меняет не только потребительские стереотипы, но и сам ход формирования и развития человека.

Исходя из принципа «предупрежден — следовательно вооружен» мы считаем необходимым: а) заполнить пробелы осмысления тех эпизодов истории XX века, когда постиндустриальная парадигма была внесена в мировую повестку дня, б) рассмотреть особенности и уязвимые места «общества сетевой культуры 2.0», в) внести важные дополнения в понимание субъекта и инструментария современного идеологического противоборства¹.

Две стороны этого противостояния не тождественны государствам, и в то же время оно не сводится к борьбе сетей. Это скорее борьба двух начал — двух разных видений человека, его роли в мире, его будущего, в которой русской цивилизации необходимо отстоять свои фундаментальные смыслы и ценности.

1. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ НОВОГО БУНТА

1.1. Общие характеристики

«Эпидемия» протестных движений, начавшаяся в январе 2011 года так называемой Арабской весной, имела существенные отличия от цепи «цветных революций» 1999–2005 гг. Во-первых, возгорание массового бунта не было обязательно приурочено к выборам; во-вторых, символика была не индивидуальной, а единой; в-третьих, вожди «революции социальных сетей» не сменили свергнутых «тиранов», а стали «калифами на час». Ещё одним отличием «эпидемии революций» стало распространение массовых протестов не только в другие регионы третьего мира, но и в страны Запада. Это усиливало впечатление в мировом, особенно молодёжном общественном мнении, что новый бренд революций — это спонтанное, «анонимное» выражение протеста, а не продукт единого внешнего замысла.

произвольного провозглашения стран — непокорными (rogue), правительств — нелегитимными, политиков — тиранами, которые «должны уйти». Можно ожидать продолжения практики как информационно-технологических операций (кибервойны), так и информационно-психологических атак, и гражданских войн в случае «злостного неповиновения» — поскольку эта практика не встречает противодействия.

Что же мешает как правящим классам, так и населению государств, вовлекаемых в водоворот глобализационного передела, в игру без возможности выигрыша, осознать тот факт, что навязываемая «единственно верная» мировая парадигма не несет миру ничего, кроме бедствий?

Мы усматриваем в этом парадоксе три причины. Во-первых, как кибероперации, так и информационно-психологическая агрессия (от единичных вбросов до массированных кампаний) — лишь элемент непрерывно продолжающегося идеологического противоборства, в котором мишенями служат

не только государства, но и цивилизации. Это доказывается направленностью как перманентной пропаганды, так и атак (ударов): объектами «обработки» становятся политический класс, духовенство, научное сообщество, юстиция, пресса, профессиональные, социальные и этнические группы. Доминирование вышеназванных «единственно верных» формул создаёт эффект «критической массы лжи в пространстве», ослабляющий способность отличать «своё» от «чужого». Во-вторых, так называемые общечеловеческие догмы лишь частично распознаются как вторжение в собственный мир (например, насаждение гендерных прав в православных и мусульманских странах), в то время как другие элементы той же догматики встречают позитивный отклик, поскольку созвучны ценностным установкам (свобода самовыражения, равенство, здоровье, комфорт). В-третьих, повсеместное распространение информационных технологий (интернетизация и «сетевизация»), особенно в «эконо-

¹ Эта постановка задач соответствует подходу Изборского клуба (доклад «По ту сторону «красных» и «белых»): описав борьбу двух идей в России, мы переходим к характеристике той системы взглядов, которым обе идеи противопоставлены; сделав вывод о необходимости единой концепции войны, мы переходим к детализации современного глобального противоборства — поскольку лишь получив представление о нем, мы сможем выстроить стратегию самозащиты и найти союзников в противостоянии врагу.

По масштабу, политическим и экономическим последствиям протестные кампании неравнозначны. В тех странах Ближнего Востока, где рухнули прежние режимы и воцарилась либо старая оппозиция, либо вооружённые группировки и племена, новая власть неустойчива, прибыльные отрасли потеряли инвестиции, резко снизились доходы государств и вместе с ними — ранее планировавшиеся проекты развития, а «долговая петля» усугубила внешнюю политическую и экономическую зависимость. Бунты в Афинах, Лондоне, Дублине, затем серия массовых кампаний под логотипами Оссуру (США, Великобритания, Ирландия, Израиль, Турция) или Indignados (Испания, Мексика) играют роль эффективного катализатора или модулятора легального политического процесса: на одних политиков оказывается давление, другие получают «фору». Наконец, те же социальные сети, через которые распространялись вышеназванные протесты, создают в странах ЕС «новорождённые» легальные партии, переписывающие политическую карту этих стран. В Италии эффект «палки в колеса», произведённый новоиспечённым движением «Пять звёзд» комика Беппе Грильо, сопоставим по политическим и экономическим эффектам с кризисом 1992 года.

В то же время, при всей неоднородности масштаба и эффекта, все вышеназванные протестные движения имеют общие признаки:

- а) преобладание безработной молодёжи и фрустрированного кризисом среднего класса в протестной массе;
- б) беспрецедентно быстрое распространение;
- в) использование организаторами социальных сетей;
- г) отсутствие иерархии («революция без вождей»);
- д) вовлечение интеллектуалов-гуманитариев, иногда в качестве «знаменосцев» (Алаа аль-Асвани в Египте, Майкл Мур и Наоми Кляйн в США и др.);
- е) интернационализация революционных брендов.

Мобилизующие стимулы массовой активности также универсальны; в медиасреде воспроизводятся сходные

мифологемы, рассчитанные на трансляцию простых эмоций:

а) социальной зависти — версии о несметных богатствах лидера-мишени, его семьи, окружения и (или) правящей политической структуры;

б) отвращения — о поведении лидера-мишени, несовместимом с декларируемыми убеждениями и бытовой моралью;

в) презрения — о недостойной личной зависимости от родственников, спонсоров, о позорном бегстве с награбленным, о постыдной болезни;

г) этнорелигиозного гнева — о скрываемом происхождении лидера-мишени, о его зависимости от исторически и культурно враждебной общности или государства;

д) ненависти к опорным институтам режима («машине репрессий»).

Общие признаки имеет и семантическая (знаковая) сторона протестных действий:

1) сквозные символы, внушающие противнику угрозу неопределённостью (анонимностью) наступающей стороны и непредсказуемостью ее действий: маска Гая Фокса, знак вопроса вместо лица);

2) сквозной образ раскрепощения ранее длительно подавленных побуждений (гражданских, экспрессивно-личностных, сексуальных) — распускающийся цветок, вьющаяся лента (strip), мажорные цвета и образы, ассоциируемые с весной, расцветом;

3) статические и динамические эпатажные образы вызывающего и оскорбительного характера, выражающие презрение и отказ от подчинения;

4) образная семантика, «славящая» инструменты возбуждения, радикализации и массовой активности — слово ЕGYPT, составленное из логотипов IT-компаний;

5) сквозная сигнальная семантика — наименование движений по датировке первого успешного выступления (с созданием ореола мучеников вокруг пострадавших), названия акций и ритм их чередования.

Главы государств и правительств, ставшие объектом нового бунта, угадывают в его организации роль спецслужб мировых держав. Действительно, связи

организаторов с внешними или наднациональными центрами влияния повсеместны, и это ещё одна общая черта описываемых событий. Однако предпринимаемые в ответ административные меры чаще дают незначительный и временный эффект, поскольку новый бунт — нечто большее, чем просто цепь подрывных операций. Ставки «революции 2.0» выше, чем в обычной конкуренции держав и ведомств; они бросают вызов не лицам и структурам, а ценностям и смыслу, составляющим фундаменты цивилизаций. И следовательно, адекватный ответ на него может быть только системным, смыслозащитным и смыслостроительным.

1.2. Мотивации и месседжи

Основной побудительный мотив массовых протестов, часто переходящих в акции саботажа (остановка предприятий, перекрытие объектов транспорта) и уничтожение частного и государственного имущества, на поверхности является **социальным**: масса заряжена ощущением несправедливости, которую, по ее ощущению, творят власть имущие (государство и «приблизжённый к нему» бизнес).

При этом протест против несправедливости в движениях, организуемых через социальные сети, сочетается с отрицанием любой иерархии: «принуждению сверху» противопоставляется **сетевая структура** с самоуправлением, самообеспечением, коллективным гласным принятием решений без персонифицированной ответственности.

Антиклерикальный пафос протестного движения лишь частично связан с социальным мотивом: мишенями акций могли быть не только уличённые в аморальности иерархии, но и любое духовенство, почитающее заповеди и лояльное власти (следовательно, «косное»). В то же время представители племенных меньшинств с языческими или колдовскими культурами были желанными гостями протестных лагерей.

Активная включённость гендерного (феминистского и ЛГБТ) движения в протестную массу сочетается с нападками на политиков и публицистов,

отстаивающих традиционную (основанную на заповедях авраамических религий) систему ценностей.

Мотив защиты окружающей среды присутствует даже в тех случаях, когда проекты, инициированные «режимом», служат созданию социальных благ (рабочие места, транспорт, обеспечение электроэнергией). Экологическая по риторике и антииндустриальная по существу протестная мотивация служит триггером саботажа инфраструктурных проектов в таких столь разных странах, как Великобритания (проект Второго транспортного коридора), Канада и США (нефтепровод Keystone XL), Италия (железная дорога Лион — Турин), Израиль (железная дорога Иерусалим — Эйлат, дублёр Суэцкого канала), Мьянма (Бирманско-китайский нефтепровод), Индия (Куданкуламская АЭС). Экологические лозунги часто сочетаются с защитой прав этносов и субкультур, традиционный быт которых «уничтожается» промышленным освоением территорий. Противопоставление локальных предрассудков общественным интересам подаётся как в левой (самоуправленческой), так и в правой (мелко-собственнической) идеологической упаковке.

Повсеместная претензия протестной массы к правительствам — ограничение доступа к информации или её сокрытие (цензура).

1.3. Новые революционные движения и истеблишмент

Взаимоотношения протестных движений с элитами проявляются как в целях, декларируемых демонстрантами, так и в их связях с политическими структурами. В одних странах Ближнего Востока «революционные аппетиты» ограничивались смещением правительств (Иордания, Марокко), в других свержение правителя сопровождалось демонтажом правящей партии и остракизмом (поношением) связанных с ней бизнес-элит, в третьих случаях преследовалась цель полного слома политико-экономической модели, с опорой на этнорегиональные и племенные субструктуры (Ливия, Сирия). К третьему варианту близки чаяния оппозиционных групп

в среднеазиатских странах бывшего СССР с авторитарным правлением.

В странах Запада потенциал протестной массы усиливается неформальными связями с частью истеблишмента и вовлечением общественных структур и ассоциаций. Аналогичные связи мобилизуются новой оппозицией в Восточной Европе и реформированных по европейской модели странах бывшего СССР.

Общим предметом нападок становятся правоохранители — как отдельные службы (внутренняя разведка МВД в Египте) и как сословие в целом. В ответ силовые структуры в ряде стран мобилизуются, привлекая консервативные партии и СМИ и апеллируя к опыту усмирительных операций. Протестное движение, в свою очередь, перетягивает к себе силовиков, особенно пострадавших в ходе таких операций («Революционные офицеры» в Египте, «Ветераны за Оссиру» в США, «Шоврим штика» в Израиле).

Вовлечение элит и контрэлит в информационно-психологическое противостояние создаёт внешнее впечатление «бесконтрольности» процесса: возникновение бренда Оссиру в США и реальные полицейские меры, предпринимаемые против демонстрантов, воспринимаются не как политический театр, а как «всамделишный» революционный процесс, соблазняющий новые массы символикой и меседжами. Предположение о том, что в ведущих странах Запада возможна «внутренняя война», кажется нелепостью значительной части экспертного сообщества. Однако феномен «внутренней войны» не противоречит целеполаганию манипуляций глобального масштаба. Об этом свидетельствует следующее описание информационной войны, данное полковником Ричардом Шафранским (RAND Corp.): *«Информационная война может быть частью сетевой войны («кибервойны») или выступать в качестве самостоятельной формы ведения военных действий, а в качестве «противника» рассматривается любой объект, чьи действия противоречат достижению поставленных целей. За пределами своего государства это может быть «образ врага» или «не мы», а внутри — любой, кто противостоит*

или недостаточно поддерживает руководство («лидера»), которое управляет средствами информационной войны. Если члены группы не поддерживают цели «лидера» в ходе противоборства (warfare), внутренняя информационная война (включающая пропаганду, ложь, террористические акты и слухи) может быть использована для их принуждения быть более лояльными по отношению к «лидеру» и его целям».

1.4. Новые революционные движения и СМИ

Освещение протестных движений в мировых СМИ также имеет определенные закономерности:

1) Формирование «лобби революций». Моральная поддержка массовых протестных движений в странах третьего мира в контексте критики «авторитарных режимов» наряду с сочувственным освещением массовых протестов и оправданием их разрушительных эксцессов обеспечивается: а) мейнстримными изданиями со сложившейся леволиберальной репутацией (CNN в США, Guardian в Великобритании, La Repubblica в Италии, Haaretz в Израиле), б) новыми «прогрессивными» СМИ арабских стран — «Аль-Джазира» (Катар), «Аль-Масри аль-Юм» (Египет), а также СМИ, отстаивающими светский характер государства, — Hurriyet (Турция). Вместе с тем отдельная группа мейнстримных изданий (The Economist, Time, Huffington Post) становится трибуной для полемистов и экспертов, оценивающих «революции 2.0» как позитивный, «продемократический» процесс. Аналогичные пулы возникают в странах «перспективной трансформации» (включая Россию, Украину, Белоруссию, Казахстан) вокруг контрэлитных групп, вовлекая порталы и блоги культурной, экологической, гендерной, антикоррупционной направленности.

2) Зависимость от транснациональных фондов, квазигосударственных интеллектуальных центров, НПО и квази-НПО. Позиция ряда мейнстримных печатных и сетевых СМИ выражает установки института, с которым существуют давние отношения партнёрства:

Foreign Affairs и New York Times — с Советом по международным отношениям (CFR), Journal of Democracy — с National Endowment for Democracy, веб-издания Центра за американский прогресс (ThinkProgress, ClimateProgress) — с Open Society Foundations.

3) Остракизм «охранителей». Консервативные, праволиберальные и праволибертарианские издания, не одобряющие протестные инициативы и их меседжи, становятся объектом порицания (как «пособников режима»), высмеивания или пародирования.

4) Участие журналистов в протестном движении при попустительстве издателей, вопреки международному праву и профессиональным хартиям. Журналист-жертва получает мощный карьерный лифт или (в случае смерти) идолизируется.

5) «Сетевой шлейф». Размножение блогов, транслирующих меседжи и бренды протестных движений, и одновременно пропагандирующих социальные сети и средства передачи текстовой и зрительной информации вместе с брендами их производителей.

6) Новый феномен, наблюдаемый с осени 2011 года — беспрецедентные конфликты в мейнстримном медиа-сообществе, вовлекающие часть политической элиты в кампании травли «недостаточно лояльных» бизнес-групп (дело Мердока).

7) Еще один новый феномен — участие мейнстримных СМИ в системных (не частных) разоблачениях военно-политических и разведывательных ведомств в контексте противостояния глобальных групп финансового влияния и представляющих их интересы парapolитических структур.

2. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ

2.1. Анархизм

Термин «анархизм» звучит в современной риторике массовых протестов

как позитивный ярлык, а ряд дружественных веб-ресурсов (в частности, IRvolution) считают должным просвещение адептов в области истории этого направления.

Предметом спора К. Маркса и М. А. Бакунина была идентификация революционного класса: в отличие от Маркса теоретик русского анархизма видел полезное активное начало не в наемных рабочих крупной индустрии (пролетариате), а в босяках (люмпен-пролетариате, сословии вне закона).

Кредо состоит в отрицании любой иерархии, принуждения как такового, имущественных прав, семейных ценностей (апологетика свободной любви без ответственности перед потомством). Общественный идеал связан с демонтажем как любых институтов, так и достижений науки, культуры, богословия, и сводится к первобытнообщинным формам коллективной жизни в заведомо благоприятных природных или «тепличных» условиях.

Новейший анархизм воспроизводит тезисы идеологов прежних поколений в экстремальной форме. Так, российский портал OpenSpace.ru излагал императив абсолютной культурной революции в форме, предложенной супрематистом Казимиром Малевичем: он призывал советское правительство не защищать коллекции старого искусства, ибо их разрушение «откроет путь настоящему, живому искусству»: «Сжегши мертвеца, получаем один грамм порошку, следовательно, на одной аптечной полке могут поместиться тысячи кладбищ».

Практическое следование таким заветам можно было наблюдать при разграблении национальных музеев в Ираке, Киргизии, Ливии, Египте, Мали, осквернении святынь в Ливии и Сирии. В странах Запада и бывшего СССР флешмобы, перформансы, художественные инсталляции новейших анархистов по форме являются эпатажными (провокационными), по содержанию — смысло разрушающими акциями: это не просто «пощечины обществу вкусу», а целенаправ-

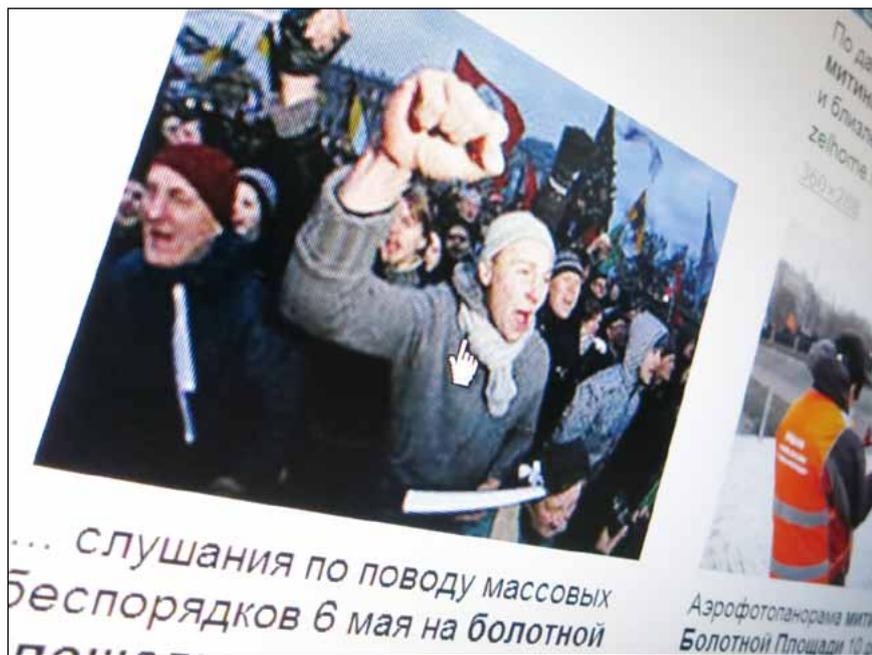

ленный выбор сакральных объектов и способов их речевого и образного осквернения. **Таким образом, достижение идеала осуществляется как через физическое разрушение, так и через использование художественных форм для деструкции религиозных смыслов (десакрализации).**

Ещё один элемент, обычно эффе-мистически обозначаемый как «анти-прогибиционизм»², в протестной практике сводится к свободе употребления наркотиков. Анархическая по форме и культурному сопровождению революция 1968 года «захватывала улицы» уже после распространения синтетической культуры New Age с «плацдарма» в Калифорнии и с «экспериментальными площадками» в Мексике.

Средства отрешения от действительности, позаимствованные у первобытных народов, преподносятся как катализатор свободного творчества, но в массовом применении служат не для активизации творческого воображения, а для релаксирующей эйфории с обильными фантазиями, создающими трёхмерный параллель-

² Отрицание целесообразности запретов, существующих в законодательстве, религии или общественной морали — особенно в отношении употребления наркотиков.

ный мир. Грибной дурман уместно рассматривать в качестве прообраза виртуальных игровых пространств.

2.2. Пацифизм

Символ «пасифик», обычно ассоциируемый с наркокультурой, был логотипом кампании за ядерное разоружение (Campaign for Nuclear Disarmament), лондонской организации — предшественника американских «новых левых».

История «новых левых» уместается в период 1956–1968 гг. (подавление мятежей в Венгрии и ЧССР советскими войсками; военные кампании США в Корее и Вьетнаме). Центральная площадка в США — Калифорнийский университет (Беркли), где преподаёт выходец из Франкфуртской школы Герберт Маркузе (в 1943–1945 гг. — сотрудник Управления стратегических служб, в 1945–1951 гг. — руководитель европейского офиса госдепа США).

1956 год — также дата старта Пагуошского движения, которое, по оценке главного редактора Pease Magazine Метты Спенсер, сыграло ключевую роль в распаде СССР. Его возникновение — итог

создания Конгресса за культурную свободу в противовес советскому Комитету защиты мира (1950), а также создания кампании за ядерное разоружение (1954). Все эти инициативы связаны с именем графа Бертрана Рассела, поныне пользующегося в отечественной литературе репутацией гуманиста, хотя он в конце 1940-х (до ядерного паритета) предлагал нанести по СССР ядерный удар³.

Суть найденного Расселом подхода к советскому руководству и лично к Н. С. Хрущёву (то есть суть идеологической конвергенции, положенной в основу «просачивания в доверие») — *подмена понятий*: атеистический антиавторитаризм, выданный за гуманистический императив мирного сосуществования общественных систем. Суть приручения Франкфуртской школы госдепом США — другая подмена понятий: замена противопоставления монархии и республики в канун Первой мировой войны противопоставлением авторитаризма и демократии в середине XX века.

Роль *личностно-личностного механизма манипуляции* и роль *подмены понятий* как ключевого средства смыслового и информационно-психо-

логического противоборства остаются неувоенными историческими уроками этого периода.

2.3. Права этнических меньшинств

Первоисточник формулы «мир, где уважаются человеческие права меньшинств, а все прочие могут жить достойной жизнью» — устав Международного гуманистического и этического союза (ИHEУ), который в 1952 году учредил сэр Джулиан Хаксли, ранее (1937–1944 гг.) вице-президент Британского евгенического общества.

Центральной идеей Дж. Хаксли, как и всего дарвиновского направления естествоиспытателей, было сохранение исчезающих видов; как атеист, он экстраполировал подход к биологическому миру на человеческое общество. Однако права «всех прочих жить достойной жизнью» Хаксли не признавал, оправдывая избавление от «балласта» по социальному признаку: *«Нижние слои населения размножаются слишком быстро. Следовательно, им не должен быть предоставлен слишком лёгкий доступ к лечению, отдыху, деторождению, а длительный срок безработицы должен быть основанием для стерилизации... Биология должна стать главным инструментом для научной социальной организации общества»*. Хотя этот британский аристократ рассматривал в качестве балласта не меньшинство, а большинство человечества, его воззрения и труды не табуированы, как тексты Гитлера.

Защита прав притесняемых этнических и конфессиональных меньшинств служила универсальным поводом для геополитических операций Британской империи на протяжении XIX века, в том числе в Индии, на Кавказе и Балканах, с поддержкой религиозных сект, сочетающих ревизию монотеистических религий с терроризмом.

Создание в США Комитета порабощённых народов (1959) совпадает

³ История движения, которое соучредитель Конгресса за культурную свободу Джон Дьюи называл «гуманизмом», а Бертран Рассел — «рационализмом», включает выход в свет двух культовых философских трудов: «Авторитарная личность» Т. Адорно и Э. Брунвик и «Происхождение тоталитаризма» Ханны Арендт. Их ключевой месседж — отрицание авторитаризма независимо от идей, лежащих в его основе, в том числе проведение параллели Сталин — Гитлер, входящей в современную аксиоматику международного правозащитного движения.

по времени с выделением администрацией Д. Эйзенхауэра дополнительных средств на изучение проблемы народонаселения. Поддержка движений за права примитивных коренных народов (индигенизма) и пропаганда консервации (сохранения в дикости) архаических культур систематически осуществляется Всемирным фондом дикой природы (WWF), наследующим эту «озабоченность» от своего предшественника — Международного союза за консервацию природы (IUCN), который возглавлял тот же Джулиан Хаксли.

Уместно рассматривать в этом же контексте сецессионистское⁴ проектирование Организации непреставленных народов (UNPO), созданной в 1991 г. по инициативе Михаэля ван Вальта ван ден Прага — личного секретаря Далай Ламы XIV. Участие в руководстве UNPO одновременно «правых» аристократов, потомков Габсбургов, и левых активистов-антипрогибиционистов закономерно как идеологически, так и экономически (непризнанные государства — традиционные узлы контрабанды, в том числе наркотиков).

Габсбургская идея «Европы регионов» («Соединённых Штатов Европы») в постиндустриальный период утрачивает функцию раздела континента для удобства корпораций, зато созвучна целеполаганию разрушения ЕС как полюса многополярного мира. Организационное оружие, созданное для дезинтеграции СССР, Турции и в перспективе Китая, востребовано в период кризиса евро и центробежных тенденций в ЕС.

Предназначение такого сецессионизма видно по результату: вступившие в UNPO народы, добившись свободы от «диктаторов», как правило, не смогли создать состоятельных государств, а по уровню жизни представленный в ней Сомалиленд — пример предельной нищеты даже по меркам Африки. Соблазны самоопределения оборачиваются этноцидом, замалчиваемым мировым медиаофициозом (летом 2011 года число жертв межплеменного конфликта в Сомали на два порядка превышало

жертвы с обеих сторон в Сирии, но это были «невидимые миру слёзы»).

2.4. Гендерные права

Гендерное движение, с конца XIX века входящее составной частью в идеологию «европейских левых», получает стимул к развитию после Второй мировой войны. Непосредственное участие Б. Рассела и Дж. Хаксли в законодательном отстаивании прав сексуальных меньшинств рассматривается нами как наследие той же дарвиновской линии, ранее представленной Джереми Бентэмом и Фрэнсисом Плейсом. Фактически защита прав гомосексуалов, как и приоритет меньшинств над большинством, внесены в глобальный дискурс чиновниками имперского колониального аппарата (Дж. Бентэм, как и Т. Мальтус, работал в Британской Ост-Индской компании).

В США движение за права женщин первоначально было частью рабочего движения и не противоречило семейным ценностям. Постепенно гражданские права женщины перерождаются в право на самостоятельность от мужчины, притом преимущественно в так называемое «право на выбор», подразумевающее право на аборт. Установка pro-choice со времен «революции 1968 года» становится фирменным знаком принадлежности к Демпартии США, а в Европе — составной частью концепции толерантности. Её навязывание другим цивилизациям становится предметом научных разработок, спонсируемых Rockefeller Foundation — в частности, в Columbia University.

С учреждением National Democratic Institute, International Republican Institute и их суперструктуры — National Endowment for Democracy (NED) в их составе выделяются феминистские структуры для «наставления» новых партий Восточной Европы. В Западной Европе эпатирует публику порнозвезда Илона Сталлер, избранная в парламент от Радикальной партии. Ещё одна активистка из той же фракции, Эмма Боннино, становится главой комиссии

ООН по правам человека (ныне — глава МИД Италии).

Спрос на феминизм как организационное оружие существенно возрастает в рамках реализации проекта «Большой Ближний Восток». К теме привлекается RAND Corporation, первоначально как соучредитель African First Ladies Initiative. В апреле 2005 г. соуправитель совместного профильного проекта RAND и Wilson Center Халех Эсфандиари опубликовала в Foreign Policy Magazine статью под заголовком «Иранские женщины, пожалуйста, восстаньте». В декабре 2006 года она была арестована в Иране. Планетарная правозащитная истерика вокруг «беспечной» Эсфандиари (2007) подготовила аудиторию к принесению в жертву в Иране 24-летней Неды Агасолтан (август 2009 г.). Гибель Неды от руки снайпера с крыши, заснятая с близкого расстояния, становится прецедентом для массовых шоковых зрительных воздействий в ходе Арабской весны. В 2010 году госдеп инициирует три профильные программы для женщин стран-мишеней — по созданию социальных сетей, распространению мобильных устройств и «содействию в планировании семьи».

Ведущим частным спонсором «гендерного дела» являются фонды семьи Рокфеллеров, их клиенты — Women's Project and Production; Gay Men's Health Crisis; National Black Child Development Institute; Planned Parenthood; а кроме того, Всемирный социальный форум, центральная дискуссионная площадка антиглобалистов (де факто преимущественно анархистов).

В рамках европейской концепции толерантности, как и в Демпартии США, приверженность pro-choice неразрывно сочетается с отставанием прав гомосексуалов на регистрацию брака и усыновление; прав женщин на экстракорпоральное зачатие; легальность пересадки эмбриональных тканей. Общие знаменатели: а) «ревизия» семьи, б) сокращение рождаемости, в) продление жизни состоятельного класса.

⁴ Связанное с отделением, выходом из состава единого государства.

Российская группа Pussy Riot в интервью после своей резонансной акции поясняла, что её вдохновили не только неприязнь к «сговору власти и Церкви», но также: «де Бовуар, с её вторым полом; Панкхерст, с её смелыми суфражистскими акциями; Файерстоун, с безумно прогрессивными репродуктивными технологиями; Спивак и Хукс, с их постколониальным феминизмом; Миллет; Брайдотти, с её проектом номадизма; Батлер, с её идеей подрывной пародии», а также «подвиги» египтянки Асмы Махфуз.

Таким образом, современный феминизм и пропаганда ЛГБТ «по определению» подразумевают друг друга в постмодернистском мейнстриме. А «преодоление дискриминации», впрочем, на практике подразумевает не только оправдание, но и идолизацию форм совместной жизни, не обеспечивающей продолжение рода.

2.5. Экологизм

Отсутствие в русском языке общепринятого аналога термину *environmentalism*⁵, обозначающего не науку, а мировоззрение, затрудняет понимание глобальных политических процессов на уровне не только массового сознания, но и профессиональных сообществ, включая дипломатический корпус.

Даниэль Кон-Бендит, культовая фигура революции 1968 года, ныне сопредседатель фракции «зелёных» Европарламента, на встрече в московском клубе ОГИ (2005) подтвердил, что «зелёное движение» руководствуется не отдельными приоритетами или запросами населения, а **идеологией**.

Приравнение прав человека к правам животных, а затем и обоснование приоритетности прав животных над правами человека — плод совместных инициатив принца Голландского Бернарда (он же — основатель Бильдербергского клуба) и принца Филиппа Эдинбургского, родоначальников Всемирного фонда дикой природы (WWF).

Программными разработками этого направления считаются книга Рэчел Карсон «Тихая весна» (1962), книга П. Эрлиха «Бомба народонаселения» (1968) и доклад Римского клуба «Пределы роста» (1972). Д. Кон-Бендит также ставил в этот ряд книгу «Прощание с пролетариатом» Андре Горца, сделавшего вывод об исчезновении пролетариата на Западе и о превращении «противоречия между человеком и дикой природой» в главное противоречие общества.

Интеграция экологической риторики в анархическое движение 1960-х гг. обычно ассоциируется с применением атомной бомбы в Японии, испытаниями на атолле Бикини и применением напалма во Вьетнаме. Фактически экспансии «зелёных ценностей» предшествует интеграция ориентальных (джайнизм, махаянический буддизм) и оккультных мировоззренческих элементов в философское мышление Запада. Проводниками этого процесса выступают философские наставники семьи Маунтбаттен, в частности, К.Г. Юнг и Л. ван дер Пост, а затем — осмысление опыта вьетнамского противостояния (католики-южане против буддистов-северян) стратегами разведслужб США, близкими к семье Рокфеллеров (У. Росту, Макджордж Банди), и заключение ими особых отношений с Далай-ламой XIV.

Учреждение Проблемного комитета по народонаселению, публикация соответствующего доклада Национальной академии наук США, создание Комитета по кризису народонаселения (Population Crisis Committee) — все эти инициативы связаны с именами членов семьи Рокфеллеров и спонсируемого ими Population Council, основанного в 1940 году президентом Американского общества евгеники Фредериком Осборном.

Римский клуб, вовлекающий учёных и дипломатов Запада и социалистической системы (в контексте «теории конвергенции»), проводит учредительную конференцию в революционном 1968 году в Белладжии — европейском имении Рокфеллеров. Этим же годом

датируется изречение Осборна: «Вероятнее всего, евгенические цели будут достигнуты не под именем евгеники, а под каким-то другим именем».

Доклад Римского клуба «Пределы роста», разработанный в контексте той же «теории конвергенции» (как и Пагуошское движение), сводит воедино проблемы природы и народонаселения, формулируя постулат об истощении ресурсов Земли на основании произвольно подобранных изысканий и построенных на них недоказанных гипотез.

Значение доклада «Пределы роста» мы рассматриваем в нескольких аспектах:

а) *цивилизационно-проектном*. Отказ от парадигмы ускоренного индустриального развития ввиду истощения ресурсов Земли нелогичен: реальная опасность такого истощения должна была стимулировать человечество к развитию ядерной энергетики и космической техники для освоения новых миров. Но вместо этого истощение ресурсов стало предлогом для радикального пересмотра понимания прогресса. Постиндустриальный консенсус, отменяющий покорение природы и сокращающий космические программы (закон Мэнсфилда 1973 года в США), обрезает горизонт высокого поиска, свойственного исключительно человеку, сводит цель его бытия к релаксации. С этим совпадает пересмотр основ педагогики, где одновременно с «гуманизацией» учебного процесса (на практике — отказом от воспитания дисциплины мышления), была выхолощена программа получения базовых знаний в точных науках.

б) *геополитическом*. «Обрезание горизонта», отражающее идеологическую деградацию советской бюрократии, предопределило кризис идентичности, отчуждение общества от государства и последующий экономический и территориальный распад СССР. Западная цивилизация в тот же период обрекла себя на отставание в темпах реального экономического развития от стран, в которые переводились мощности

⁵ От *environment* — окружающая среда. Фактически имеется в виду экологическая философия и специфическая идеология, уравнивающая человека и окружающую среду.

индустрии, и делегировала свой субъект власти наднациональным структурам;

в) *собственно идеологическом*. Первоначальная концепция экологизма, построенная на заимствованных восточных и оккультных верованиях (бесконечная борьба добра и зла), дополняется *собственным эквивалентом Страшного Суда* (Матери-Природы над человеком), который получает завершённую форму с внедрением догмата о глобальном потеплении на уровне международных институтов. Не только производство, но и человеческая жизнь признается грехом, поскольку человек выдыхает углекислоту. Неживой природе и фауне это прощается (подмена понятий). На этом основании вводится термин «воспроизводимые источники энергии», который является идеологическим, а не научным, поскольку исключает АЭС и крупные ГЭС (подмена понятий). На практике именно распространение ВИЭ истощает запасы редких минералов (подмена понятий), а электронизация документооборота ради сбережения лесов приумножает объемы электронного мусора (подмена понятий).

На фоне финансового кризиса проекты альтернативной энергетики становятся разорительными, и в итоге уже к концу 2011 года статистика показывает не триумф ВИЭ, а рост доли угля в энергопродукции до 30,3% при снижении доли АЭС до мизерных 4,88% на фоне фукусимской паники. Одной из причин этой *архаизации энергетики* является недоинвестирование в разведку и добычу нефти и газа в результате давления экологов на добывающие корпорации, другой — Третий энергопакет ЕС, на практике повышающий внутренние цены на импортируемый газ в итоге идеологизированной «демонополизации».

Классический стереотип экологической активности — саботаж общественно востребованных инфраструктурных проектов. Самым ярким примером в России мы считаем политически спровоцированную истерию вокруг Химкинского леса, с прямым вовлечением журналистов в протестную деятельность. Маркером крупномасштабной внешней манипуляции было активное вовлечение «профильных» международных

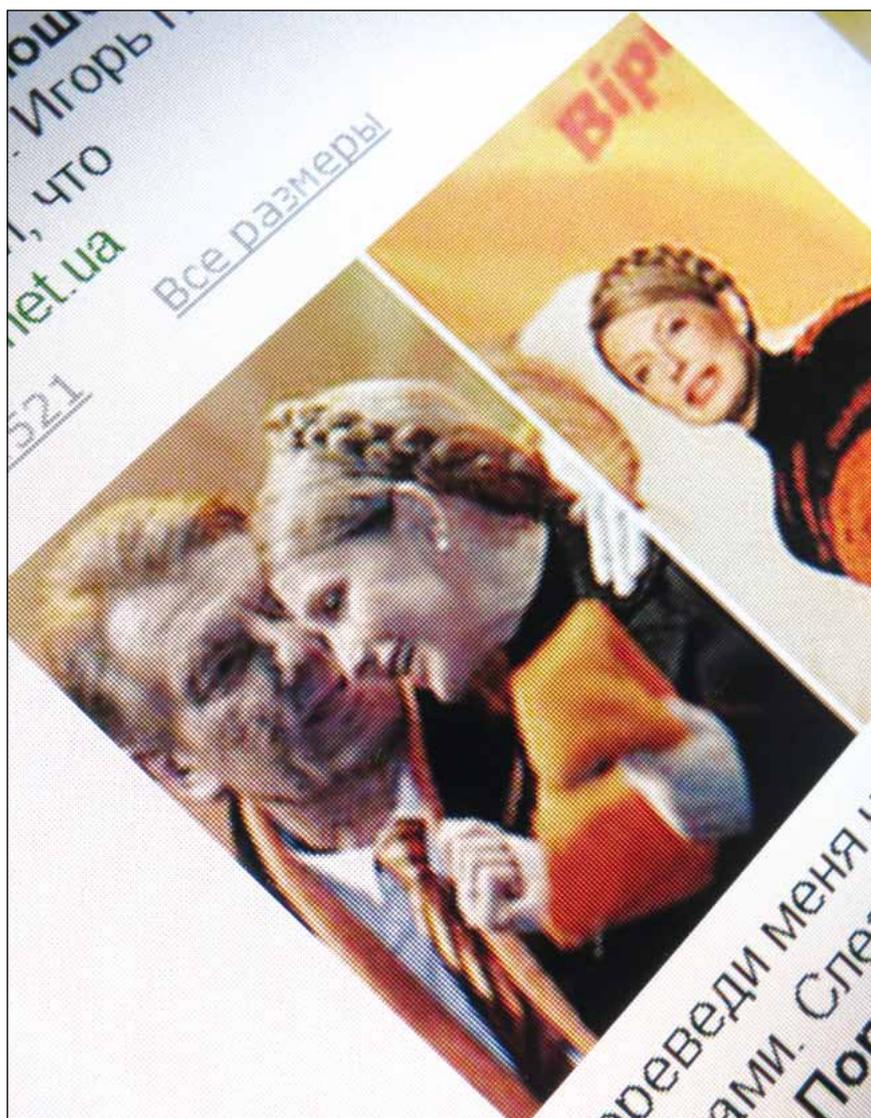

организаций — Greenpeace, Transparency International и даже Bankwatch в связи с превращением похода в защиту леса в поход на «жирных котлов», заинтересованных в прокладке магистрали. Другой самый свежий пример — локальные экологистские протесты в Турции, перешедшие в общенациональную кампанию неповиновения «диктаторскому» режиму, политические акции и массовые беспорядки.

Экологи-радикалы, освоившие стереотип саботажных акций, вплоть до покушений на чиновников и предпринимателей (в США существует термин «экотерроризм»), в своей массе не догадываются, что их деятельность является не оппозиционной, а напротив, мейнстримной, и вполне созвучна утвержденной Саммитом народонаселения ООН (Рио-1992) глобальной повестке дня нового века (Agenda XXI).

Администрация Барака Обамы является самой «промальтузианской» из всех американских руководств. Офис

научно-технической политики Белого дома возглавляет Джон Холдрен, в 1969 году в совместной статье с Полом Эрлихом заявивший о необходимости «немедленных мер контроля народонаселения». В книге 1977 года издания «Эконаука: население, ресурсы, окружающая среда», также совместной с Эрлихом, концептуализировалась принудительная стерилизация. В 1980 году Холдрен и Эрлих заключили пари с экоскептиком Дж. Саймоном о том, что спустя 10 лет цены на 5 ключевых металлов удвоятся из-за истощения их запасов. Проигрыш пари не повредил карьере Холдрена, чему способствовало его участие в Пагуошских конференциях. Он написал множество текстов об угрозе глобального потепления и необходимости полного закрытия атомной энергетики, основал журнал «Инновации» — рупор «климатической угрозы» и инициировал выпуск сборника Всемирного банка «Мир нулевого физического роста». Федеральную

комиссию по коммуникациям (FCC) возглавляет Джулиус Генаховский, инвестор социальной сети Environmental Entrepreneurs и соучредитель калифорнийского New Resource Bank — первого в США банка, прицельно кредитующего проекты альтернативной энергетики.

Облачение экологов в тогу оппозиционеров и бескорыстных борцов является преднамеренным введением общественного мнения в заблуждение: это сообщество доминирует в глобальных структурах и пользуется беспрецедентными привилегиями.

2.6. Свобода информации

Концепт информационного общества зарождается в том же контексте смены парадигмы развития — причем лобби-

сты этой смены и разработчики нового класса технологий совпадают институционально и персонально. Цифровые коммуникационные технологии выросли из военных научно-исследовательских центров США (Rome Laboratory, Augmentation Research Center Стэнфордского университета, Lawrence Livermore Laboratories, Berkley Labs, RAND Corp). Интернет является результатом адаптации военно-промышленного продукта — ARPANET. Ключевым лоббистом глобализации этого продукта в сенате США был Альберт Гор — автор книги «Земля в равновесии», развивающей идеи доклада «Пределы роста».

Контуры «информационной эры» обозначались уже в книге З. Бжезинского «Америка в технотронном веке» (1968): «Способность установить обще-

ственный и политический контроль над индивидом резко возрастёт. Будет возможно подвергнуть каждого человека динамическому контролю, включая личные данные, касающиеся его здоровья и поведения». А.Д. Сахаров в книге «Мир через полвека» (1974) ожидал от информационной эры, напротив, максимальной свободы, предвкусывая «создание всемирной информационной системы (ВИС), которая сделает доступным для каждого в любую минуту содержание любой книги, статьи, получение любой справки. В отличие от телевизора ВИС будет предоставлять каждому максимальную свободу в выборе информации и *требовать индивидуальной активности*».

Таким образом, субъектный замысел стратегов информатизации и потребительский запрос части советской интеллигенции входят в резонанс. Успех Пагуошского процесса оценивается его вдохновителями прежде всего по итогу «открытия» советского общества: ключевое слово поздней перестройки, «гласность», усилиями А.Н. Яковлева преобразуется в идола «информатизации». Соблазн «открытия общества» распространяется на широкий круг технической интеллигенции, что облегчает раскрытие оборонной информации; «в обмен» ввоз оргтехники становится привилегией внешнеторговых трестов и комсомольского аппарата.

Постперестройка 1990-х гг. подводит итог соблазну «открытия общества» СССР: импортеры оргтехники конвертируют прибыль в капитал и влияние, а технический интеллект распавшейся страны становится объектом инвентаризации и найма по демпинговым расценкам через гранты Soros Foundation, т.е. «отмена ограничений» оборачивается, в марксистских терминах, максимальной эксплуатацией интеллектуального труда.

В 1993 году, с учреждением Transparency International, информационная эра оборачивается и против новых постсоветских владельцев: как и олигархи третьего мира, они становятся предметом разоблачений в отмывании денег и связях с оргпреступностью. Их застают врасплох, ибо

они не могут документировать происхождение своих состояний.

Измерение субъективно оцениваемого уровня коррупции становится основанием для произвольного обозначения группы «государств, недостаточно борющихся с отмыванием денег» после профильной международной конференции в США (1998), на которой председательствует Альберт Гор. Вовлечение глобальных полицейских институтов в Financial Action Task Force (FATF), а также партнерство Transparency International со структурами «ненасильственного сопротивления» приближает исполнение прогноза З. Бжезинского.

Серия «ненасильственных революций» в Европе, ныне именуемых «революциями 1.0», осуществляется именно после накопления сведений, удобных для дискредитации глав государств-мишеней — начиная с Белграда. В свою очередь, серия революций социальных сетей (революций 2.0) запускается на том этапе, когда массовая антигосударственная активность может быть подкреплена эффективным вторжением в компьютерные системы стран-мишеней. Как теперь известно, программы киберопераций АНБ США вводились в действие с 2007 года, когда Джордж Буш подписал Акт о защите Америки, исключаящий из определения «электронное наблюдение» любое прослушивание или просмотр личной информации иностранцев. Тогда же утверждена Национальная стратегия публичной дипломатии (исполнителями которой названы госдеп, USAID, военное и разведывательное сообщество). И в тот же период любые меры государств по ограничению доступа своих граждан к интернет-контенту подвергались решительному осуждению как проявления «тирании».

После публичных признаний руководителей госдепа и Пентагона в ведении информационной войны (февраль — май 2011) суждения о «спонтанности» «революций 2.0» уже уместно было рассматривать не как экспертную ошибку, а как введение в заблуждение (deception). Тем не менее медиамейнстрим и экспертное сообщество про-

должали отрицать причастность «внешних сил», высмеивать «конспирологов» и одновременно пропагандировать IT-монополистов.

«Сама технология создала спецслужбам слишком большие соблазны для такого вторжения. И что самое странное, мы сами так легко поддались на предложение стать доносчиками на самих себя», — писал о социальных сетях columnist Guardian Джонатан Фридланд после утечки программ АНБ в прессу. Фактически «легко поддались» не только граждане, но и национальные правительства, взявшие на себя обязательства (Окинавская хартия G8 и др.) обеспечить свободный доступ к Интернету.

2.7. Антиклерикализм

Смена глобальной парадигмы развития с провозглашением постиндустриализма совпадает по времени с рядом инициатив в духовной сфере, затрагивающих:

- а) отношения религиозных институтов и общества;
- б) принципы церковной организации и отправления обрядов;
- в) системы ценностей ведущих религий мира, отраженные в их заповедях;
- г) концепции Божественного промысла и воздаяния в богословии;
- д) границы и проблематику межцерковного диалога.

Период 1960–1970-х гг. в этой сфере знаменуется:

- возникновением синтетической квазирелигии New Age, сочетающей элементы восточных гностических верований, обрядов примитивных народов, оккультизма и «новых форм сознания», достигнутых в экспериментах с галлюциногенами;
- созданием культа Махатмы Ганди и трансплантацией махаянического буддизма в Калифорнию, по месту вышеназванных экспериментов;
- внедрением индуистских концепций ненасилия (ахимсы, позаимствованной из джайнизма) в афроамериканское Движение за гражданские права; налаживанием диалога между северовьетнамскими буддистскими мо-

нахами, европейскими интеллектуалами и Движением за гражданские права; превращение Далай-ламы XIV в культовую фигуру «анти тоталитаризма»;

- II Ватиканским собором, «пересмысливающим» католические институты и мессу;

- в исламе — синтезом неосалафизма из элементов разнородных течений (как саудовского ваххабизма, так и постосманского рационалистического ислама).

В этот период: а) как «откорректированные» традиционные авраамические религии, так и секты мобилируются для исполнения геополитических задач холодной войны — одновременно против СССР и КНР, б) коммунистические элиты подвергаются двойному расколу (размежевания маоизма и титоизма с ленинизмом, в т. ч. вследствие деградационной трансформации ленинизма (гуляш-коммунизм)).

«Альфа и омега» антиклерикального (и одновременно антигосударственного) целеполагания изложена во Втором Гуманистическом манифесте:

«1. (...) Традиционные религии слишком часто проповедуют скорее зависимость, нежели независимость, послушание, нежели одобрение, страх, нежели свободу.

2. Обещания вечного спасения и устрашение вечным проклятием — одновременно иллюзорно и вредно, так как отвлекают людей от текущих забот. Некоторые формы политических доктрин функционируют как религии, отражая худшие черты ортодоксии и авторитаризма, особенно когда приносят индивидуумов на алтарь утопических обещаний. Чисто экономические и политические точки зрения, будь то капиталистические или коммунистические, используются как религиозные догмы.

9. Отделение Церкви от государства и идеологии от государства являются императивом».

В других пунктах того же документа утверждается «гуманистическая» система ценностей, принципиально расходящаяся с основополагающими заповедями авраамических религий:

«3. Моральные ценности происходят от человеческого опыта. Этика автономна и ситуативна и не нуждается

в религиозной или идеологической санкции. Этика выводится из человеческих потребностей и интересов.

6. Нетолерантные подходы, культивируемые ортодоксальными религиями и пуританскими культурами, неправомерно подавляют сексуальное поведение. Множество разновидностей сексуального познания не должно само по себе считаться злом.

7. Человек должен располагать всеми правами — свободой речи и прессы, политической демократией, легальным правом на оппозицию правительству, честный суд, религиозную свободу, свободу ассоциаций, художественную, научную и культурную свободу. **Это также означает право человека на достойную смерть, эвтаназию и суицид.**

Период после краха «железного занавеса» («бархатные революции» в Восточной Европе, распад СССР и СФРЮ) характеризуется:

- завершением «миссии» католицизма и ислама в противостоянии коммунизму;
- экспансией квазицерквей и новых сект в страны бывшего СССР;
- целенаправленным вовлечением всех авраамических религий в Agenda XXI (Межрелигиозный экологический саммит 1995 года в Лондоне);
- триумфом примитивных религий в африканских странах после формальной деколонизации и «народного» свержения режима апартеида в ЮАР;
- созданием протоструктур «единой религии» (Совет за парламент мировых религий, 1988; State of the World Forum, 1992);
- стартом кампании по изобличению педофилии в Римской Католической церкви (при Иоанне Павле II), одновременно с инициативами «модернизации» от лица фонда «За глобальную этику» Ханса Кюнга;
- систематической подготовкой ценностной трансформации («дердикализации») ислама в государственных, университетских и частных научных центрах США, в особенности в Stanford University, George Mason University, Duke University, Tufts University, Harvard University, RAND Corp., Santa Fe Academy; привлечением реформаторов

ислама к созданию новых «структур диалога», в частности Международного совета имамов и раввинов.

Период «революций 1.0 и 2.0» характеризуется:

- ключевой ролью Rockefeller Foundation в поддержке инициатив культурной трансформации (от религии до искусств);
 - прямым сотрудничеством американских центров с британскими университетами и НКО (Колледж Св. Антония, Институт Ага Хана, Goldsmith College; Оксфордская исследовательская группа, Quilliam Foundation и др.) и дочерними структурами американских центров в Европе (NEXA Center, CANVAS) в разработке культурных и информационно-психологических интервенций;
 - партнёрством военных аналитиков, криминологов, культурологов и богословов-реформаторов в ревизии ислама (в особенности на базе катарского филиала RAND Corp.);
 - интенсификацией деятельности пантеистических структур (особенно Будапештского клуба), где на первые роли выходят представители примитивных религий;
 - массивной пропагандой угрозы «климатической миграции» в религиозной среде;
 - симбиозом социальных протестных движений с примитивными религиями (особенно в США);
 - прицельной дискредитацией католических иерархов, жёстко противостоящих «глобальной повестке дня»;
 - рецептами «модернизации» Русской Православной Церкви (выборность иерархов снизу доверху и т. п.), эпатажем молящихся, имущественными инсинуациями, принижением личности главы Церкви и остракизмом защитников прав верующих;
 - остракизмом т. н. правоверных иудеев (харедим) в Израиле на фоне экспансии реформизма и внедрения гендерной «толерантности» в ортодоксальный иудаизм.
- Общие черты кампании по «дердикализации» авраамических церквей:
- противопоставление поколений верующих;

— вовлечение светских сообществ в антикоррупционные кампании, направленные против государственных элит, бизнес-элит и духовенства одновременно;

— практика смысло разрушающего эпатажа (акция гомосексуалов у Могилы Неизвестного солдата под постерами «Москва без гомофобов», возложение презервативов к Вечному огню, разведение в Соборе Парижской Богоматери и др.);

— карнавализация европейской политики, выдвижение эпатажных фигур с антипрогибиционистскими и одновременно антиклерикальными программами (Я. Паликот в Польше, В. Франц в Чехии, Б. Грильо в Италии и др.).

Смыслоразрушающая деятельность как в рамках суррогатных революций, так и в форме отдельных акций ритуального характера поощряется пулом мейнстримных СМИ, где выступают представители рокфеллеровских Ploughshares Fund и Asia Society, Будапештского клуба, State of the World Forum, Парламента мировых религий и прочих структур, где интеллектуалы соседствуют с шаманами и оккультистами.

2.8. «Третий путь» и «транснациональное правительство»

Д. Кон-Бендит в своем выступлении в ОГИ кратко сводил суть творческих исканий европейских идеологов «революции 1968 года» к поиску «третьего пути между капитализмом и коммунизмом».

Наименование этой глобальной мировоззренческой альтернативы остаётся понятийным пробелом не только отечественных, но и мировых общественных наук. Дж. Бентэм называл себя утилитаристом, Б. Рассел исповедовал «рационализм», Дж. Хаксли — «трансгуманизм». Как их современные продолжатели (Б. Гройс в теории искусства), так и критики (Л. Ларуш) употребляют термин «редукционизм». Нам представляется более точным термин «мальтузианство», отражающий одновременно замысел и наличие единого субъекта

В завершённом виде кредо этого направления оформляется во Втором

Гуманистическом манифесте — где помимо отрицания морали традиционных религий проповедуется ревизия мирового управления, созвучная лозунгу революции 1968 года «Границы — это репрессии».

«12. Мы осуждаем разделение человечества по признаку наций. Мы достигли поворотного пункта, когда лучший выход — преодолеть границы суверенитетов. Мы привержены системе миропорядка, основанного на **транснациональном федеративном правительстве** с поощрением культурного плюрализма и разнообразия».

Здесь же — центральный экологистский принцип:

«14. **Весь мир следует считать единой экосистемой. Экологический ущерб, истощение ресурсов и избыточный рост народонаселения должны быть предметами международного консенсуса.** Культивация и консервация природы — моральная ценность, мы должны воспринимать себя как **часть природного источника нашего существования.**»

Здесь же — императив информационной свободы:

«17. **Необходимо снять все ограничения на распространение информации и создать планетарное телевидение.**»

Обвиняя «первый» и «второй» путь в навязывании догм и ослеплении людей утопическими обещаниями, «третий путь» навязывает свои догмы: «следует считать», «должны воспринимать себя», «является императивом», «необходимо снять», «не должны считаться злом». Таким же постулатом является «относительность этики». Манихейский подход к морали не препятствует формулированию **собственных утопических обещаний**: «война устарела», «голод прекратится». В качестве гаранта называется **«транснациональное федеративное правительство».**

Именно на рубеже 1968–1970-х гг. ключевые решения в сфере финансовой политики (заложившие «мину» системного кризиса 40 лет спустя) сопровождались спором об архитектуре глобального управления. В то время

как президент США Р. Никсон склонялся к концепции баланса пяти держав, сторонники Джона Рокфеллера отстаивали «единую глобальную систему, с распределённой властью и эффективными международными институтами во всех областях». Так, Стэнли Хоффман (Гарвард) ссылаясь на модель ЕС, но при этом уже тогда указывал на «временный характер» этого образования: Европа должна была раствориться в единой гомогенной культуре. В свою очередь, Ричард Фальк критиковал концепцию баланса пяти держав за то, что она «недооценивает экологические ограничения и риски, возникающие в связи с сохраняющимися тенденциями **бесконтрольного экономического роста в децентрализованном миропорядке**» — то есть необходимость «единой глобальной системы» прямо обосновывалась неомальтузианским императивом.

Итог этой дискуссии излагает И. Валлерстайн: «...Новая политика

предполагала задействовать все три источника повышения стоимости производства: заработную плату, интернационализацию стоимости в целях уменьшения экологического ущерба, и финансирование социальной сферы. Была предпринята попытка скоординировать такие политические тенденции (...) через создание новых организаций — Трехсторонней комиссии, G7 и Всемирного экономического форума. Предложенная политика получила название Вашингтонского консенсуса. **Он пришел на смену идее развития, девелопментализму (developmentalism),** обозначив начало эры глобализации. В начале 1970-х международные организации стали играть решающую роль в этой геэкономической борьбе».

Существенно: а) непубличное делегирование влияния глобальным институтам, б) применение термина «консенсус» к сговору, заключённому за спиной правительств, в) камуфлирование термина «вашингтонский консенсус» привлекательным для элит-объектов ярлыком «неолиберализма». В данном случае средством манипуляции является не только подмена понятий, но также *умолчание (reticence)*.

Новая коррекция парадигмы относится к 2006–2007 году, когда эрозия мировой финансовой системы «ставит ребром» вопрос о новых, немонетарных, механизмах глобального контроля. Проявления этого сдвига мы усматриваем:

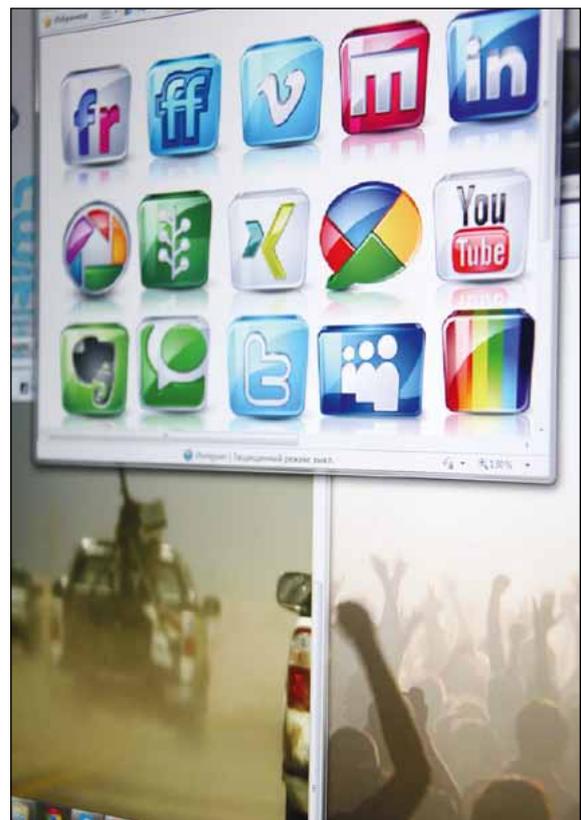
а) на идеологическом уровне — в публичном порицании «золотого тельца» и остракизме инвесторов и производителей («жирных котов»), не затрагивающем избранный «постиндустриальный класс» (IT-корпорации, энтертейнмент, альтернативная энергетика, узкий круг банковских, ресурсных и земельных собственников);

б) на правовом уровне — в произвольном обозначении ряда стран «аномальными», дословно «сорными» (rogue states) с презумпцией злого умысла (атомный проект Ирана); в утверждении законов и указов, подвергающих санкциям политиков и чиновников «по списку» и расширенно толкующих термины «геноцид», «коррупция», «отмывание денег»;

в) на геополитическом уровне — в дальнейшем ограничении полномочий национальных правительств, концептуализированном в программной статье президента CFR Ричарда Хаасса от 21.02.2006 «Государственный суверенитет в глобальную эру должен быть изменен». Приведем из нее большую цитату: «Для регионального и глобального управления необходимы новые механизмы, предусматривающие передачу полномочий национальных правительств надгосударственным субъектам — не только международным институтам, но также НПО и отдельно взятым частным структурам. Я настаиваю на том, чтобы Microsoft, Amnesty International или Goldman Sachs были представлены в ООН, но представители подобных структур должны участвовать в принятии решений при возникновении региональных и глобальных вызовов. Более того, государства должны быть готовы к тому, чтобы поделиться с международными структурами частью суверенитета. Это уже происходит в области торговли: государства соглашаются принять правила ВТО. Некоторые правительства готовы уступить **элементы суверенитета, чтобы отреагировать на угрозу глобального потепления.** Сейчас необходимо принятие нового документа, заменяющего Киотский протокол, с установленным объемом сокращения эмиссий — поскольку страны понимают, что они потеряют больше, если не присоединятся. Отсюда следует, что **понятие суверенитета должно быть пересмотрено, если государства хотят адаптироваться к глобализации. Понятие суверенитета становится, очень условным, даже договорным (контрактным).**».

г) на экономическом уровне — в подрыве экономической репутации стран-мишеней; в дискриминирующих торговых ограничениях; в выборочной экспроприации «диктаторов» и «отмывателей денег» с невозвращением их активов, т.е. конфискации;

д) на инструментальном уровне — в определении задачи публичной дипломатии как «войны идей» с одновременным внедрением в эту войну «технологий 2.0».

2.9. Прimitивизация протестного субстрата

С момента «отмены» западной цивилизацией системы ценностей индустриальной эры изменению подвергается не только структура реальной экономики (деиндустриализация) и не только сфера услуг (бум индустрии энтертейнмента), **но и сам человек.**

Революционеры 1968 года, отвергая знание (лозунг «дважды два больше не четыре») и производительный труд («нельзя влюбиться в рост промышленного производства»), выступали при этом в защиту реальных жертв войн, репрессий и колониального рабства, воздавая должное силе и самоотверженности реальных героев сопротивления. Революционные акции (от массовых выступлений до терактов) имели смысловую и целевую привязку. Их организации имели устойчивую членскую базу, существовали много лет, рядовые «бойцы» знали своих вождей.

У юных бунтарей 2011 года кумиры другие: из прошлого — идолизированные изображения Ганди и Мартина Лютера Кинга, о которых они имеют

3. ИНТЕРНЕТ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

3.1. Единица субстрата

Анализ методов информационного воздействия на массовое сознание и стоящих за ними идей сам по себе не даст нам понимания, почему в результате мы получаем те или иные социальные эффекты. Эти эффекты в значительной мере зависят от аудитории — реципиента информационного воздействия. «Поле боя» в информационной войне является отдельный современный человек — именно от его мировосприятия, ценностей и мотиваций зависит результат любого «мягкого влияния». Казалось бы, эра всеобщих информационных свобод и неограниченного общения всех со всеми в социальных сетях Интернета даёт все возможности для самостоятельного мышления и участия в общественной жизни. Но в реальности информационные технологии последних 30 лет породили феноменальную управляемость общественного сознания, замаскированные теперь к тому же, в отличие от предыдущих эпох, под демократические механизмы и независимые суждения общественности и экспертов.

3.2. Сетевое общество

Считается, что в развитых странах с высокой долей сектора нематериального производства и услуг сложилось постиндустриальное информационное общество. Но классик изучения информационного общества Мануэль Кастельс несколько лет назад признал эту модель исчерпанной — теперь на смену ей уже пришло **сетевое общество**.

Горизонтальные, сетевые структуры самоорганизации людей существовали всегда и действовали на уровне частной и бытовой жизни. Однако координировать и быстро управлять ресурсами, необходимыми для решения масштабных задач, было под силу лишь несетевым, жёстким вертикальным структурам с чётким управлением. Ключевое отличие сегодняшней ситуации в том,

что благодаря цифровым сетевым технологиям сетевые структуры впервые «способны в одно и то же время быть гибкими и адаптивными благодаря своей способности децентрализованных действий сети автономных ячеек и при этом оставаться способными координировать всю эту децентрализованную активность в соответствии с общей целью принимаемых решений».

Как показала практика, сетевое общество — это гиперсоциальное общество, а не общество изоляции. Напротив, благодаря интернет-коммуникациям возросла социальная активность, а активные интернет-пользователи также являются и социально активными в реальной жизни, Интернет только помогает им еще больше общаться в «реале». Однако, в отличие от коллективизма иерархических режимов прошлого, нынешняя «гиперсоциальность» — это, в терминологии Кастельса, «сетевой индивидуализм». То есть система, когда частный индивид сам выбирает, к какой именно сетевой структуре, насколько и в какой форме он готов присоединиться.

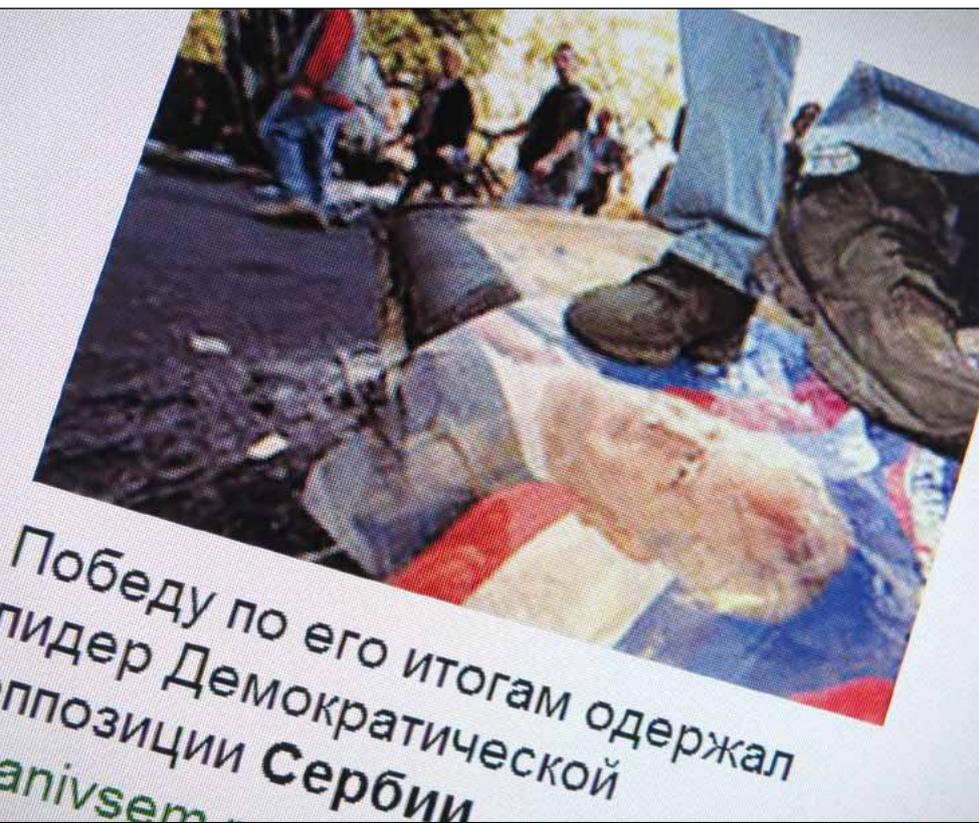
Сегодня сетевые структуры противостоят классическому суверенному национальному государству с двух направлений — как «снизу» в виде различных формальных и неформальных сообществ и НПО, так и «сверху» — в виде «надгосударственных» сетевых структур. Структуры национального государства на разных уровнях всё чаще включены в различные горизонтальные сетевые сообщества — начиная от региональных объединений типа ЕС, G8, большей или меньшей интеграции в разнообразные другие международные структуры и заканчивая процессами децентрализации в форме отдания всё большей самостоятельности региональным и муниципальным властям. Надо отметить, что в случае международных структур их децентрализация и горизонтальность скорее миф, обращённый вовне и призванный маскировать то обстоятельство, что в реальности они используют внутри себя вполне иерархические методы управления.

Тем не менее национальные государства, будучи на разных уровнях

смутное представление, из современности — не вожди и борцы, а случайно пострадавшие лица, «такие, как мы». Добро воплощено в этой случайной жертве («Мы все — Халед Саид» (Каир) или «Мы все — Оскар Грант» (Окленд)). Столь же случайно обозначается образ зла: Каир — Гамаль Мубарак, Окленд — Эдвард Кох. Акции тиражируются и копируются по принципу «сделай как», лозунги выражают не цель, а действие: оккупируем — не важно что; сожжём (маска Гая Фокса) — не важно, кому в отместку и для какой цели.

Таким образом, новейший протест: а) внеисторичен по содержанию, б) ситуативен по планированию, в) безличен по лидерству. Способ его мобилизации: а) виртуализирован, б) рефлекторен (бабочка, летящая на свет), в) эфемерен.

Эта трансформация протестного субстрата является культурным следом нескольких процессов: а) постиндустриальной модификации психологии потребительского общества, б) виртуализации общения и формирования поколения «рождённых в Сети» (digital natives) и в) дезориентирующей социальной фрустрации.

уже включенными в сетевые структуры и подверженными их влиянию, еще не утратили суверенитет, а потому транснациональным игрокам и необходимы технологии информационной войны для преодоления защит, создаваемых этим суверенитетом.

3.3. Эмоции вместо разума

Использование эмоциональных реакций — это азы манипулятивных технологий. «На толпу нужно влиять, усиливая чувства и снижая значимость. Сужать выбор до нескольких вариантов. Отделить идеи от эмоциональных символов» (Уолтер Липпманн, 1927 г.). Именно эмоциональное восприятие лежит сегодня в основе массовой культуры, рекламы, контента СМИ. На покупки людей все меньше влияют реальные характеристики товаров, а все больше — эмоциональные «заряды», которые удается связать с тем или иным брендом.

Коммуникация в сетевом информационном пространстве во многом имеет образный характер — и вопрос не в том, что сообщения, например,

в блогах, или твиттере — текстовые. Налицо тенденция к сокращению среднего размера текстовых сообщений-месседжей, в сущности, они должны отражать лишь мгновенную эмоциональную реакцию пользователя.

Серьёзно что-то изучать, обдумывать, размышлять — это всегда «стресс рационального выбора», и, как писал американский социолог Нил Постман уже в 80-е годы, медиакultura не оставляет на это времени. Баронесса Сьюзен Гринфилд, занимающаяся исследованиями влияния интернет-культуры на социум, обращает внимание на то, что **мгновенный эмоциональный отклик, на который нацелен в большей части контент Интернета и его формат, снижает шансы на рациональное, осознанное построение цельной картины происходящего и своего места индивида в нём**. Мозаика кратких и ярких реакций на такие же мозаичные стимулы создаёт цепочку разорванных, разных и кратких эмоциональных реакций (понравилось/не понравилось, прикольно/занудно) и т.п., но абсолютно не нацелена на содержательный синтез.

3.4. Имидж и шоу

Игра с имиджами уже давно стала территорией свободы и самовыражения для тех, кто не мог найти ни свободы, ни осмысленных действий в своей повседневной жизни. «В то время как повседневная культура потребительского капитализма очень бюрократическая, в огромных корпорациях человек не видит результата своей работы, она становится бессмысленным действием, у него возникает голод по значимым действиям. Имиджи всегда предлагают, наоборот, свободу». «В имиджах мы видим мир утопии, где хрупкое эго расцветает, поддерживаемое поверхностной идентичностью стиля», — писал социолог Стюарт Ивен еще в 80-е.

Общество потребления построено на этом бесконечном самовыражении и поиске индивидуальности через потребление и практику самопрезентации. Предметы для покупателя — это символы, совершить покупку для человека — это значит рассказать о себе другим, дать им возможность судить о себе. Показать, что с одной стороны, принадлежишь к определённой группе, которой доступно престижное потребление, а с другой — что ты уникален.

Абсолютно аналогична схема поведения и в интернет-пространстве. Оригинальность, непохожесть на других, саморепрезентация себя как необычного и уникального персонажа — вот имиджевые мотивации интернет-пользователя.

Имиджевые псевдообразы являются ключевой вещью и в информационных войнах сетевого пространства. Так же, как желающие примерить образ супермена весьма мало похожи на настоящих военных или разведчиков, все лозунги и образы, например, «цветной революционной борьбы», являются искусственными конструкциями, красиво звучащими и яркими, но никак не связанными с реальностью. Их задача, так же как задача рекламных плакатов с супергероями, — быть «тизерами», **соблазнить аудиторию, и дать ей ощущение причастности** к чему-то важному, реальному и яркому.

Крис Хеджес в *Empire of Illusions* пишет, что современная культура — это культура отрицания реальности, потому что она предлагает в качестве образцов заведомо ложные, нереальные сценарии. Главная иллюзия — что вы можете быть как самые лучшие и самые успешные. «Селебритис⁶, которые часто имеют не самый привлекательный бэкграунд в «прошлой жизни», держат нас в уверенности, что любой, даже мы, может получить от этого мира признание и обожание», — пишет Хеджес.

Идолами становятся те, чья жизнь постоянно демонстрируется в режиме онлайн, те кто превратил свою жизнь в **бесконечное шоу**. Здесь надо отметить, что разного рода *интернет-активность, создание виртуальных персонажей, ведение блогов и т.п. имеет тот же самый механизм*. Не можете стать «победителем» в реальности — добро пожаловать в «реальность номер два» — можете побороться за виртуальные лавры. Даже преступники, которые должны скрывать следы собственных преступлений, все чаще, наоборот, делают их публичными и доступными в Интернет.

3.5. Конец «прайваси»

Важную роль в этом процессе сыграло развитие мобильных технологий. Человек всегда имеет с собой камеру, фотоаппарат, может в режиме онлайн публиковать свои комментарии, то есть он оказывается *нон-стоп «на сцене»*, что вынуждает его к театрализованному поведению, когда *каждое действие — теперь уже не элемент своей частной жизни, а нечто транслируемое всему миру через социальные сети*. Сами современные гаджеты уже полностью сконструированы под данную задачу — во всех современных приложениях предусмотрена связь и обмен информацией с социальными сетями. Идете ли вы в ресторан, занимаетесь спортом, путешествуете — ваша активность, перемещения в пространстве, общение, даже физические характеристики

вашего самочувствия (например, учёт скорости ходьбы) — всё это записывается и является доступным для внешнего наблюдения и учёта. Причём если раньше режимом «по умолчанию» был приватный, а режим свободного доступа к своей информации другим пользователям — опцией, то теперь *по умолчанию практически везде устанавливается функция этой открытости*.

Даже в случае если пользователь лишь отдаёт эти данные в свой личный и приватный, как ему кажется, аккаунт в каком-либо сервисе, эта информация: а) не стирается, так как по умолчанию хранится бессрочно, и б) доступна для анализа соответствующим структурам. Так, выступая в марте этого года на конференции GigaOM Structure: Data 2013 в Нью-Йорке Айра Гас Хант (Ira Gus Hunt), директор по технологиям ЦРУ, привел пример того, как ЦРУ хотело бы анализировать массивы этих данных: *«Мы приглядываем за людьми, местами и организациями, нас заботят время, события, определённые вещи и концепции. Мы хотим... инструмент, скажем, для анализа группы людей, — мне надо, допустим, увидеть между ними связь. И чтобы мне хотелось получить? Красивый сетевой граф, из которого было бы видно, как люди связаны между собой любыми разными способами. (...) Это как раз тот самый случай, когда я хотел бы упомянуть про участников Арабской весны, вот здесь хотелось бы провести анализ настроений в течение времени и поместить его на карту в виде карты распределения температуры... Мы этим занимаемся (...) потому что, может быть, лучше для вас и ваших друзей знать, где вы постоянно находитесь. Но главное, мы беспокоимся о том, в каком направлении развивается этот мир»*.

При этом превращение частной жизни в бесконечную интернет-трансляцию происходит в большинстве случаев **абсолютно добровольно**. Отказ от такого поведения, например, неприятие в соцсетях, — рассматривается всё чаще как **отклонение**

от общепринятой нормы. Как это ни парадоксально, такая потеря суверенитета личности поощряется — при том что именно постоянная слежка и лишение индивидов частной жизни акцентируется при критике тоталитарных систем.

3.6. Нарциссизм и «освобождение личности»

Американские исследователи Джин Твенгл и У. Кит Кэмпбелл в работе *The Narcissism Epidemic* (2009) пишут, что здоровая позитивная самооценка, которая лежит в основе американской (и шире — западной) культуры сменилась искусственным самолюбованием. Прекрасной иллюстрацией всего этого является такой постер: маленький котенок сидит перед зеркалом и смотрит на свое отражение — огромного льва. Слоган гласит: «Самая важная вещь — как ты себя видишь». «Главное, верить в себя — и тогда всё получится» — одна из самых грандиозных иллюзий современности. **Люди, уверенные, что они особенные, и считающие себя способными добиться всего без реальных на то оснований, — прекрасный объект для превращения в «пушечное мясо»**.

И Интернет после 2004 года, когда произошел бум технологий Web 2.0, стал для этого идеальной площадкой — «мультипликатором нарциссизма». «Web 2.0 и культурный нарциссизм работают как вошедшая в резонанс самораскручиваемая система — нарциссы-индивидуумы ищут способы «продвигать» себя в Сети, а интернет-сайты провоцируют на нарциссистское поведение даже самых скромных», — пишут американские исследователи.

В декабре 2006 года журнал *Time* вышел с обложкой «Персона года», где вместо портрета была зеркальная пленка и слоган «Person of the Year: You» («Персона года: Ты») — так был обозначен триумф Web 2.0 технологии.

В результате изменились и социальные нормы, стандарты «нормаль-

⁶ Селебритис (англ. celebrities) — знаменитости, известные личности (прежде всего в шоу-бизнесе), к которым приковано внимание СМИ и широкой публики.

ного поведения»: теперь считается вполне обыденной постоянная публичная демонстрация своих мыслей (ЖЖ-дневники), своей повседневной жизни, использование обценной лексики в практике интернет-комментирования и т. п. И, как в общем случае с культурным нарциссизмом, ключевым является тот факт, что интернет-среда способствует созданию иллюзии о себе — как у самого себя, так и у других.

3.7. Виртуальное пространство Интернет

Сегодня основной площадкой социального взаимодействия стал Интернет. По данным компании Pingdom, число людей, включённых в глобальную Сеть, к концу 2012 года составило 2,4 миллиарда. 62% пользователей Интернета пользуются соцсетями. Нахождение в соцсетях является сегодня самой популярной активностью интернет-пользователей. Число пользователей Facebook, хотя бы один раз в месяц посещающих эту соцсеть, в октябре 2012 г. превысило 1 миллиард человек. Число активных пользователей Twitter в декабре 2012 г. составило 200 миллионов человек. На Facebook каждый день загружается 300 миллионов новых фотографий. На YouTube каждый день происходит 4 миллиарда просмотров видеороликов.

Россия не отстает от западных стран. По данным Левада-центра на ноябрь 2012 г., Интернетом пользуется уже более половины населения России. За последний год число пользователей Глобальной сети в нашей стране возросло с 52% до 57%. По разным данным, от 75% до 90% россиян, пользующихся Интернетом, бывают в соцсетях. Как показало исследование comScore, в августе 2010 года объём времени, проводимого нашими соотечественниками на страницах соцсетей, превышал средний общемировой показатель более чем вдвое. Таким образом, Россия оказалась страной с наивысшей

в мире популярностью социальных сетей. Крупнейшей российской социальной сетью считается «ВКонтакте», в которой зарегистрировано более 140 миллионов пользователей. При этом ежедневно этой соцсетью пользуются 38 миллионов человек. У соцсети «Одноклассники» этот показатель равен 30 миллионам пользователей.

Предполагается, что человек входит в Интернет, социальную сеть, виртуальное пространство из любой географической и территориальной точки. Уже в 2013 году, по прогнозам IT-экспертов, большая часть подключений к Интернету будет осуществляться с мобильных устройств (мобильных телефонов, смартфонов, планшетных компьютеров, ноутбуков), а не стационарных.

На уровне массовой психологии IT-экспансия создает:

- феномен гиперсоциальности — избыточного общения с преодолением «формальностей», ограничивающих межличностные контакты в реальном мире;
- феномен растраты времени — использование для межличностных коммуникаций личного времени в ущерб познавательной и творческой деятельности в любых формах;
- феномен виртуализации личных связей — иллюзию сокращения расстояний и снижение потребности в физическом общении, особенно с внедрением технологий бесплатной коммуникации, что существенно для коммуникаторов, разделённых физическим расстоянием, преодоление которого влечёт не только временные, но и значительные материальные затраты (последнее наиболее характерно для России).

3.8. Новая социальность и технологии Web 2.0

Концепция Web 2.0 (термин впервые появился в 2004 году) подразумевает, что пользователи создают сами основную часть контента ресурса — тексты, фотографии, видеоролики и т. п.

Для участников современных мобильных коллективов (как виртуаль-

ных, так и реальных) характерно коллективное сознание, то есть идеи добровольного взаимовыгодного сотрудничества:

- коллективные добровольные обязательства;
- синхронизация с другими;
- реципрокное вознаграждение⁷;
- зримый результат коллективных усилий.

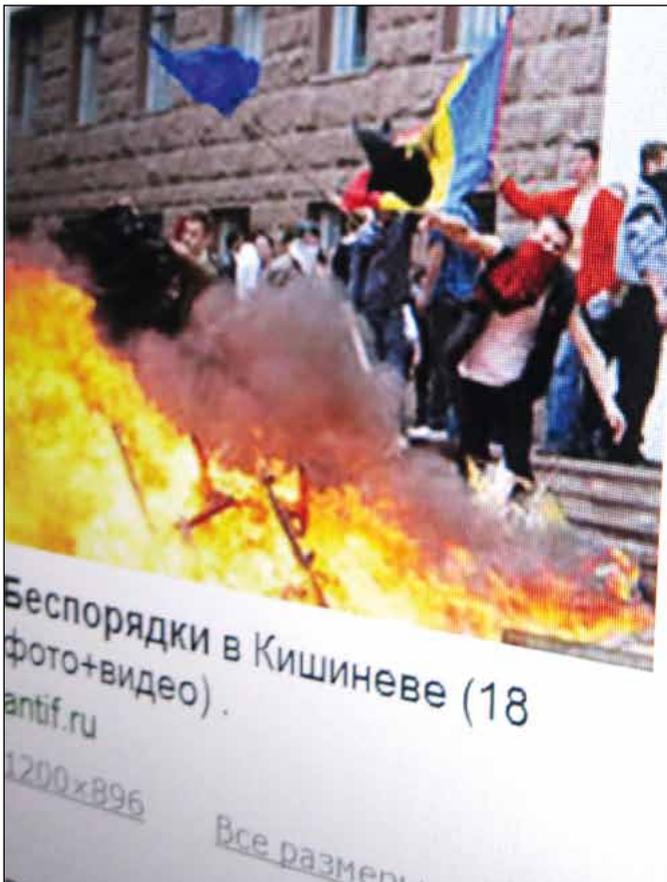
Например, современный спорт — это уже не партисипативное действие, где главное участие, а зрелище, которое готовят профессиональные участники для профессиональных зрителей. В этом смысле новые принципы коллективности в Интернете как бы возвращают нас к «досуперпрофессиональной» эпохе. **«Изменения» в ходе информационных войн будут осуществлять непрофессионалы, обычные граждане — и на это делается важная ставка.**

Появление виртуальных пространств показало, что **современные люди способны к результативной самоорганизации и довольно хорошо способны ее осуществлять в больших масштабах.** Организация сообществ в ЖЖ, групп в социальных сетях, координация совместных действий, выбор стратегий, лидеров — всё это происходит, и идёт мощное развитие навыков самоорганизации, саморегуляции. И это **прагматическая социальность** — вместе мы можем сделать то, что не сделаем поодиночке. В то же время виртуальные сообщества создают **иллюзию родства**, восприятие партнёров как находящихся в одной лодке, «нас» в отличие от «них».

С учётом специфики виртуальных социальных сред можно выделить некоторые характеристики участников таких виртуальных сообществ:

- привычка к правилам виртуального пространства и игр;
- fun-мотивация;
- высокая мобильность;
- навыки социальной коммуникации и создания/участия в сообществах;
- умение объединяться для общей цели;

⁷ Реципрокный (лат. *reciprocus*) — возвращающийся, обратный, движущийся взад и вперёд; отражающийся, отдающий; взаимный; возвратный. Здесь: реципрокность — обмен дарами на рыночной основе.

— умение распределять функции внутри мобильной группы и вместе выполнять определённую задачу.

С чем связана жажда виртуального сотрудничества? Не последнюю роль в этом играет *отсутствие возможностей коллективного творчества, самоорганизации и самоуправления в реальной социальной и трудовой жизни.*

3.9. Кредо интернет-сообществ

На этику виртуальных сообществ прямо или косвенно во многом повлияли сами принципы Интернета как сетевой среды. Таким образом, здесь смешались: а) опыт совместной научной или образовательной деятельности, приобретения репутации в профильной среде, критического анализа работы коллег и открытости её результатов с оказанием должного доверия каждому из авторов; б) идея свободного творчества, доступа к любым знаниям и их свободной передачи в любом виде и по любому выбранному каналу, в) беспрецедентная возмож-

ность выражения и трансляции своего мнения и, таким образом, нахождения «своего места» в Сети, компенсирующая как физические и психологические дефекты, так и социальную неудовлетворённость.

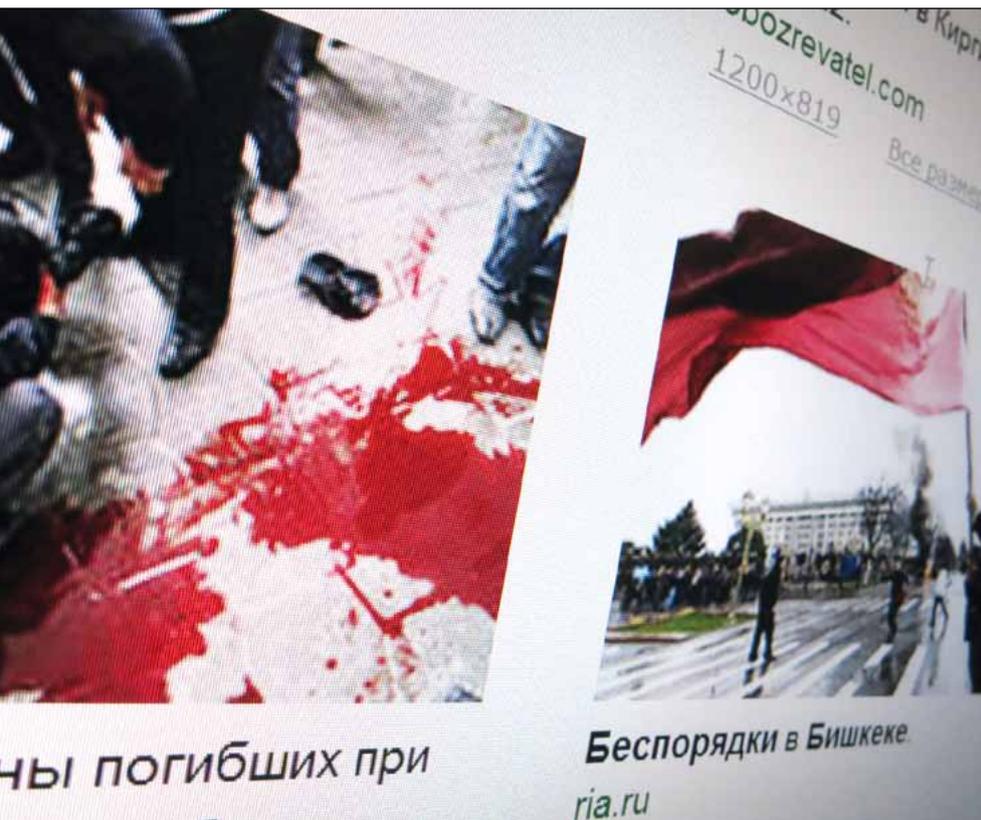
Безграничное пространство самореализации создаёт у обитателей виртуальной среды иллюзию если не всемогущества, то превосходства над традиционными общественными институтами — вопреки тому факту, что Интернет создавался в рамках государственных стратегических программ. Эти амбиции сетевого сообщества как особой, принципиально свободной от иерархического подчинения «семьи» в составе человечества изложены, в частности, в «Декларации независимости киберпространства» Дж. Барлоу 1996 г.: «Я заявляю, что глобальное общественное пространство, которое мы строим, по природе своей независимо от тираний, которые вы [власти реального мира] стремитесь нам навязать. Вы не имеете ни морального права властвовать над нами,

ни методов принуждения, которые действительно могли бы нас утратить».

Спустя десять лет, в 2007 году, Эдвард Кастронова опишет идеальный мир, который пользователи ищут в виртуальности, в работе Exodus to the Virtual World: How Online Fun Is Changing Reality (2007) — интернет-сообщества и виртуальное пространство как таковое имеют ключевое преимущество перед реальностью, так как являются пространством прямой демократии, то есть пользователи методом прямого голосования в состоянии влиять на многие вопросы. При этом все участники убеждены, что действуют добровольно, сами выбрали лидеров и сами их контролируют.

3.10. Побег в виртуальность в поисках смысла

Масштабы виртуального эскапизма свидетельствуют о том, что по мечте тоскуют миллионы. В книге «Прогигравшая реальность» (2011) Джейн Макконигал пишет, что десятки мил-

лионов людей по всему миру предпочитают игры реальности, потому что реальность современного мира, вроде бы удовлетворяя базовые материальные нужды человека, не может тем не менее дать человеку многое другое. «Правда состоит в том, что в современном обществе компьютерные и видеоигры удовлетворяют те базовые человеческие потребности, которые нынешний реальный мир не в состоянии удовлетворить. Игры дают людям то, что реальность не даёт. Они учат, вдохновляют, увлекают — а реальность нет. Они дают нам возможность быть вместе так, как реальность не может».

Об этом говорит и Этан Гилсдорф в работе *Fantasy Freaks and Gaming Geeks*: человеку приятно хотя бы ненадолго отвлечься на выдуманный мир, где можно «творить свое существование, не ограниченное современной жизнью, там, где всё ещё возможно подлинное величие». Мало того что игры стали социальными и социализирующими — они дают игрокам возможность чувствовать свою причастность к «чему-то большему, чем мы сами», к определённой **миссии**. Таким об-

разом, *игры удовлетворяют запрос на коллективное участие индивидов в деятельности, которую они воспринимают как значимую и имеющую позитивную цель.*

Это суррогатное удовлетворение запроса на коллективную деятельность подкрепляется тремя факторами:

а) **Иллюзорная субъектность**. Принципиально, что в виртуальных играх, особенно онлайн-пользовательских, где игрок попадает в целый альтернативный мир, он является актором, он сам выбирает и предпринимает какие-то действия;

б) **Иллюзорный авторитет**. В социальных сетях и виртуальных сообществах человек привыкает постоянно выражать своё мнение по всем вопросам. Это само по себе создаёт иллюзию того, что у тебя есть голос, этот голос может быть услышан, что ты можешь совершать поступки и получать результат.

в) **Иллюзорный альтруизм**. Выразители идеи «независимости киберпространства» культивируют *freedom* не только в значении свободы (мнения), но и в значении бесплатности (распространяемого продукта). Популярным

становится тот, кто декларирует бескорыстный интерес. Таким образом, эффективно в самоорганизующуюся среду можно интегрироваться, только не будучи «инородным телом». Идеи должны транслировать «свои», те, кому доверяют и чью мотивацию считают бескорыстной. *Демонстрируемое бескорыстие* используется как антитеза реальному миру, где государственные и общественные институты «погрязли в самообогащении» и управляют людьми посредством обмана («жульничества»).

Таким образом, «вольное» киберпространство противопоставляет вовлекаемых участников общественному устройству реального мира, которое не может или не считает нужным компенсировать дефицит искренности, организовать сотрудничество на принципах товарищества и братства. Самыми уязвимыми для такой критики закономерно оказываются не столько диктатуры по форме правления, сколько такие режимы, которые не являются источниками собственной субъектности, собственного авторитета и собственной альтруистической миссии.

3.11. Fun-мотивация

Важной частью интернет-культуры является конструирование **общества всеобщего удовольствия** и свободы — *Fungineering*.

В исследованиях психологии виртуальных миров и игровой мотивации поведения (Э. Кастронова, Т. Чатфилд, Дж. Макконигал, П. Кейн) говорится, что *fun*-мотивация, *game*-мотивация приходят на смену тяжеловесным и «тоталитарным» мотивациям политических, религиозных и прочих идеологических конструктов. Это жизнь как развлечение, драйв и удовольствие.

Человек-игрок энергичен, обладает живым воображением и уверен в себе перед лицом появляющегося нового мира — непредсказуемого и соревновательного. Появляется такая форма деятельности, в которой производство и досуг неразделимы ни во времени, ни в пространстве, определить деятель-

ность как труд или творчество может только сам её субъект. То есть труд не становится игрой, а воспринимается субъектом как (в том числе и) игра. Императивы «экономики желаний» — Life for fun, Culture for fun, Business for fun («жизнь для удовольствия», «культура для удовольствия», «работа для удовольствия»).

Еще в 80-е годы социологи отметили тот факт, что развлечение (entertainment) становится ключевой задачей СМИ. Нил Постман ещё в 1985 году написал книгу *Amusing Ourselves to Death* («Развлекаясь до смерти»). Игра слов в названии подразумевала смерть традиционной культуры рефлексии, осмысленного отношения к тексту, изображению, информации, замену её на исключительно развлекательную мотивацию. Возник термин «infotainment» (от англ. information — информация и entertainment — развлечение) — новый жанр, где информация и развлечения, игры всё больше пересекаются и сливаются воедино. Всё должно быть развлекательным — образование в форме игры и развлечения, бизнес как игра (знаковая книга об этом — «Бизнес в стиле фанк»), общение в форме игры.

В играизированном обществе индивиды привыкают к двойственности, характерной для игровой ситуации, — когда происходящее одновременно и реально, и нереально. Это и виртуальное общение, и конструирование своих многочисленных имиджевых и виртуальных «Я», тотальная ирония и карнавальность информационного пространства.

Фан-мотивация сегодня влияет и на политический пейзаж. Мы уже видим примеры того, как молодёжь голосует за того или иного политического кандидата просто потому, что этот человек кажется «прикольным», — так произошло на выборах президента в Чехии, где 6,8% набрал кандидат Владимир Франц, композитор-авангардист, тело которого на 90% покрыто татуировками и пирсингом, признававшийся, что он мало что смыслит в политике и экономике, и обещавший легализовать марихуану. Соцопросы показали,

что среди школьников именно этот кандидат был наиболее популярным, и если бы голосовала только молодёжь, он набрал бы 44% голосов.

3.12. Смысловой вакуум «офисного планктона»

Средний класс сегодня, если говорить про Россию, — это наёмные работники-профессионалы. Многие из них, по крайней мере в крупных городах, имеют неплохой доход и по своему образу жизни ничуть не уступают коллегам из развитых европейских стран. Сегодня недовольство среднего класса политической системой и протестные акции 2011–2012 гг. объясняются политическими причинами. Однако взгляд на жизнь такого среднестатистического обитателя офиса был весьма далёк от оптимизма даже тогда, когда проблема честных выборов его вообще не волновала.

Многие помнят, как в 2008 году в Интернете появилась запись якобы с камеры видеонаблюдения некоего офиса, где сотрудник внезапно начинает громить оргтехнику, кидаться на сослуживцев и охранников. Ролик «Бунт одного менеджера» посмотрели миллионы пользователей, однако после выхода на экраны фильма Тимура Бекмамбетова «Особо опасен» выяснилось, что это вовсе не документальное видео, а часть рекламной кампании фильма. Комментарий режиссера: «Я думаю, что изображённый мной протест отчасти серьёзен и даже реален в том смысле, что российское общество может пережить нечто подобное. Не в ближайшем будущем, а вообще... В последние годы, после дефолта, образовался класс, который уничижительно называют клерками. Они работают в офисах, получают зарплату, берут кредит на покупку квартиры, машины. Многих из них окружает рутина, они занимаются нелюбимой работой... в этой истории бешенства офисного работника люди узнают глубинную правду — себя, свои подавленные желания, инстинкты свободы».

Именно эта социальная группа за последнее десятилетие сформиро-

вала уже целый пласт сетевой «анти-офисной» культуры. Характерная черта этих людей — **внешняя лояльность работодателям и властям и постоянное внутреннее недовольство теми и другими, а также ощущение дефицита смыслов в собственной жизни**. Многие из них морально поддерживают любую протестную активность, особенно если она тоже ассоциативно связана с неким «освобождением». Даже если они сами не пойдут физически участвовать в каких-то событиях, то эта социальная группа будет крайне активной в виртуальном пространстве — с комментариями, созданием контента и реакцией на информационные «вбросы» и т. п.

Кроме того, бессмысленность труда и циркуляция пустых образов порождает желание «реальных действий», в противоположность пустоте. На этом фоне реальные действия, даже сопряжённые с насилием, становятся привлекательными.

3.13. Культ поверхностной трансформации

Современная жизнь — это постоянные перемены и движение. Люди уже привыкли к тому, что одни и те же товары одного бренда постоянно меняют свой дизайн, что каждые полгода им предлагаются новые коллекции и модели одежды, что практически весь их быт заполнен «одноразовыми» вещами, которые быстро выходят из строя — и морально, в связи с модой, и в прямом смысле, теряя свою функциональность и быстро выходя из строя.

Аналогична ситуация в системе трудовых отношений — регулярная смена мест работы считается вполне обычным явлением, более того, слишком долгая работа в одной компании характеризует сегодня человека как недостаточно успешного.

Важный термин для понимания сетевой реальности — liquid modernity — «текущая современность» или «текущая модерность», термин социолога Зигмунта Баумана. Суть liquid modernity в том, что изменения не являются более мо- стиком между какими-то постоянными

этапами или состояниями. «Мне кажется, что самая важная черта современного периода состоит в **ненаправленности перемен**», — говорит Бауман. В итоге рекомендуемая жизненная стратегия — flexibility — гибкость и «подозрение» ко всем долговременным обязанностям.

Движение, непривязанность, свобода от заданных точек отсчета, от рамок любого канона — логического, эстетического, этического — создает не просто мобильного индивида, а «мобильный мир». Все это вполне вписывается в более генеральную концепцию построения своей жизни как цепочки непрерывных перемен, постоянного обновления, причем быстрого, не основанного на тщательном анализе или необходимого по объективным причинам. **Новое лучше просто потому, что оно другое.**

Этот тренд влияет и на политику — популярными становятся те фигуры, которые **обещают перемены**, обещают изменить всё и во всём.

И самое главное — генератором изменений в себе и в окружающем мире должен стать каждый. «Меняйся и меняй», «Пробуй новое», «Твоя жизнь — твой эксперимент и твой сценарий», «Будь разным» — вот к чему призывает человека вся массовая культура, реклама и СМИ. Тот, кто не хочет меняться, — окажется на обочине жизни, окажется неуспешным, «не поймавшим волну».

Чтобы менять что-то, нужно верить в то, что ты сможешь это сделать. Здесь срабатывают механизмы «философии позитивного взгляда на жизнь», помноженные на технологии Интернета Web 2.0 — «мультипликатора нарциссизма». У тебя всё получится: главное — в это просто верить. Твоё мнение имеет вес: ведь ты постоянно его высказываешь в виртуальной среде, и оно ничем не менее значимо, чем любое другое. Ты не один: ведь ты каждый день видишь онлайн своих единомышленников, и вы многое умеете делать сообща, и вы уже создали свой мир, пусть и виртуальный. Ты можешь менять мир не хуже профессиональных политиков и экспертов: ведь ты публикуешь в Сети свои фото, тексты и видео, и они нравятся другим не меньше, чем работы профессионалов.

Отсюда возникает общая формула: ты готов к риску и having fun — потому что тебе нужна жизнь как развлечение, драйв и удовольствие, где каждый может жить так, как ему нравится. И никто не сможет этому помешать, потому что Интернет — территория свободы, которую не сможет контролировать никакое государство и никакие политики и у которой нет границ.

3.14. Digital natives: личный дефицит

Все указанные тенденции общества сетевой культуры усиливаются в связи со вступлением в фазу социальной активности молодого поколения, детство и взросление которого непосредственно связано с Интернетом.

Сбылись предзнаменования ряда писателей и футурологов, не воспринимавшиеся всерьёз. «Поколение, выросшее в Интернете» (digital natives), оказалось в своей массе «вещью в себе», отчуждённой от реальности и в то же время готовой действовать в ней вслепую, руководясь не решениями, а импульсами.

Персональный компьютер предоставляет ребенку: а) возможность найти удалённых друзей (френдов), контакт с которыми предполагает мгновенные ответы, купированный язык-сленг и обмен «сочинёнными» имиджами друг друга, б) приём популярных клипов в одном пакете с усвоением эталонов и кумиров мира развлечений, в) средство суррогатного сексуального удовлетворения. Прочие применения этого устройства эффективны лишь при участии родителя или воспитателя, поскольку: а) самостоятельное познание с помощью компьютера ненаправленно, и его результат не систематизирован, б) сеть заполнена готовыми продуктами чужого анализа, в) познание прерывается отвлечением на искушения из соседних «окон».

В то же время компьютер подменяет (вытесняет) иные средства развития: а) книги, б) моделирующие игры, в) игровое общение, г) азарт состязания с реальными сверстниками, д) опыт отношений с ними, закрепляющий

этические установки, е) рассказы няни или бабушки, ж) домашних животных, требующих заботы. В итоге у digital natives не формируются: а) семейные привязанности и само чувство дома, б) трудовая эстетика, в) трудовая этика, г) способность представить себя на месте другого человека, т.е. основы эмпатии, д) способность к рассуждению об окружающем мире, т.е. основы рефлексии, е) осознание неправильного поступка на опыте реальных отношений, т.е. совесть. Итог такого развития — множественный личностный дефект, отягощённый бытовой и социальной безответственностью. Digital native не способен оценить не только результат чужого труда, поскольку научен жить только «здесь и сейчас», но и ценность человеческой жизни, поскольку убить в виртуале так же легко, как и воскресить.

В быту digital native проявляет свойства утрированного эгоцентрика и легко становится **универсально неудовлетворённым потребителем** (УНП). Ему свойственна: а) лёгкая экстраполируемость персональной проблемы на уровень общественного устройства («меня обидел полицейский, значит, нужно распустить полицию»), б) беспомощность перед социальными проблемами с восприятием себя жертвой умысла (параноидное социальное восприятие), в) аллергия на государство в сочетании с рентной установкой в адрес того же государства. Характерная черта — лёгкое формирование «образа врага» в лице общественно необходимых институтов (от армии до школы). УНП воспринимает даже бытовую ситуацию как взаимодействие с «системой», созданной для того, чтобы помешать ему полностью удовлетворить свои потребности. В то же время он легко подчиняется референтной группе и ее коллективным эмоциональным импульсам (эффект синтонии). Соединение таких личностей в реальном пространстве генерирует феномен, который можно определить как **массовый психический инфантилизм**.

В силу означенных свойств, digital native — идеальный объект для манипуляций.

4. МАШИНА МАНИПУЛЯЦИИ

4.1. Вертикальная и горизонтальная динамика

Анализ «революций 2.0» требует рассмотрения ключевых действующих лиц и системы институтов машины манипуляции.

Публичным институтом, берущим на вооружение глобальную повестку дня и проводящим его в жизнь в американской внутренней и внешней политике, является Совет по международным отношениям (CFR), непосредственно соприкасающийся с ведущими клубными структурами и британскими исследовательскими центрами⁸. Выступая в качестве органа идеологической настройки, CFR транслирует стратегические задачи университетским, государственным и частным исследовательским центрам, а также организационно-пропагандистским структурам со смежным или общим фондированием. В системе фондов-спонсоров проводниками глобальной повестки дня являются прежде всего фамильные структуры Рокфеллеров, а также система фондов Джорджа Сороса, McArthur Foundation и Pew Charitable Trust.

Показателями особой роли CFR служат как «целеуказующий» характер выступлений его ведущих фигур, так и «сигнальная» роль прогнозов. Утечки правительственной информации в «медиарупоры» CFR (за что они никогда не привлекаются к ответственности) играют роль «корректирующих сигналов» — например, о нецелесообразности военной акции против Ирана в предвыборный год, а прогнозы — как «направляющие инструкции» (например, о непротиводействии победе «Братьев-мусульман» на выборах в Египте или о целесообразности «реатлантизации» Турции).

Вышеописанная «нисходящая динамика» сочетается с «восходящей»: сам CFR выполняет роль канала вертикальной мобильности для перспективных кадров. Так, в 2011 г. рокфеллеровскими

стипендиатами CFR стали бывший сотрудник Офиса политического планирования Белого дома Джаред Коэн и соучредитель британского Quilliam Foundation Эд Хуссейн, сыгравшие исключительную роль в подготовке Арабской весны в Ливии.

В период Арабской весны сопредседателем CFR является экс-глава Федерального казначейства США Роберт Рубин, оценивший способности Барака Обамы в период его сенатской кампании в Иллинойсе. Часть кадров CFR, покидающая административные должности, получает альтернативные «кресла» в интеллектуальных центрах. Эта горизонтальная динамика характерна для стратегического сообщества США в целом.

Эксклюзивный статус имеют также Институт международной экономики, Центр глобального развития (CGD), а также Центр двухпартийной политики (BPC) — новый орган стратегической координации истеблишмента.

Такая система, обладающая целым рядом механизмов воспроизводства, разделения труда, публичного и непуб-

личного консенсуса, характеризуется нами как **динамическая иерархия**. Она сложилась в особых, можно сказать, неповторимых условиях, в значительной мере на основе англо-американского университетского партнёрства, уходящего корнями в XVII–XVIII века (отсюда роль студенческих тайных обществ).

4.2. Симбиоз войны, IT и театра

Двухпартийная политическая система США приспособлена для перетока государственных кадров в интеллектуальные центры и обратно, что облегчает внешнеполитический консенсус партий. Стажировка гражданских специалистов в военных институтах синтезирует опыт научных школ на стыке военной и публичной политики. Так, в Santa Fe Academy обучались глава Американской ассоциации за прогресс науки (AAAS) Нина Федорофф и основатель Гарвардской картографической программы Патрик Мейер, усилиями которых была запущена программа Standby Volunteer Task Force, использующая геопростран-

⁸ Таковыми являются Королевский институт международных отношений (Chatham House), Международный институт стратегических исследований, Колледж Св. Антония и Центр ближневосточных исследований Оксфордского университета.

ственные технологии для мониторинга «кризисных ситуаций в сфере прав человека» (на практике — контроль активистами-волонтерами передвижения ливийской и сирийской бронетехники).

На базе ключевого центра ядерного ракетостроения — Lawrence Livermore Laboratories (LLNL) не только моделировались глобальные конфликты, но также (с 2004 г.) апробировались технологии «цифровой демократии» для новых молодёжных движений. LLNL и Los Alamos National Laboratories (LANL) управляются общей компанией, которую возглавляет Норман Паттиц — учредитель радиостанций SAWA и AlHurra, предназначенных для «культурной обработки» арабской аудитории. В совете директоров Rand Corp. работал Норман Майноу, экс-глава Федеральной службы по коммуникациям, один из «авторов» карьеры Барака Обамы. Кинематографист Джек Дюваль, автор фильма «Свержение диктатора» о событиях в Югославии, совместно с экс-директором ЦРУ Джеймсом Вулси учредил Arlington Institute, где разрабатываются динамические модели вялотекущих конфликтов. Соседство Голливуда, лабораторий ВПК и центров IT-индустрии воплощает неразделимость технологий внешнеполитического влияния — масскультурного, военного и информационного.

В ноябре 2009 года на Арабском форуме по экономическому развитию прозвучал доклад о грозящем затоплении половины территории Ливана и обмелении Нила — совместная разработка Бостонского университета и NASA с внушительным мультимодальным иллюстративным материалом. Особую убедительность этой пропаганде придавал тот факт, что основными авторами были американские академики арабского происхождения — Чарльз Элачи и Фарук аль-Баз. Достаточными запасами спасительной (от мнимой катастрофы) влаги имелись только у Ливии в ее искусственных подземных резервуарах. Не исключено, что эти «озабоченности» сыграли роль в решении ЛАГ о поддержке резолюции СБ ООН номер 1973, решившей судьбу Муаммара Каддафи.

4.3. Что такое Институт Эйнштейна?

Основатель бостонского Института Альберта Эйнштейна (АЕИ) Джин Шарп благодаря своему «рецептурному справочнику ненасильственных революций» стал полуполюгендарной фигурой, которой приписывают в том числе Арабскую весну. Нам представляются существенными следующие обстоятельства:

а) название института — не случайный выбор, а прямая отсылка к декларации Эйнштейна–Рассела, чему не противоречит левый (троцкистский) бэкграунд Шарпа;

б) Шарп и АЕИ — продукт синтеза британской и американской школ (St. Anthony College Оксфорда и Центр международных отношений Гарварда), ближайший британский коллега Адам Робертс — куратор проекта Оксфорда «Гражданское сопротивление и силовая политика», в дальнейшем — член совета Международного института стратегических исследований (IISS) и президент Британской академии;

в) Шарп обязан своей карьерой директору ЦМО Гарварда Джозефу Наю (впоследствии — председателю американской ветви Трёхсторонней комиссии);

г) Шарп обязан финансовой поддержкой Питеру Аккерману, своему ученику, возглавлявшему Центр превентивных действий CFR, а после украинской и киргизской революций — Freedom House. Сейчас он является ректором Флетчеровской школы права Тафтского университета (Бостон). Это назначение ознаменовалось открытием нового исследовательского центра — Института культурных изменений (Cultural Change Institute);

д) Первое практическое применение разработок Шарпа — итог сотрудничества с полковником военной разведки США Робертом Хелви в южноазиатском «Золотом треугольнике»; способы «свержения диктаторов», выходящие за рамки международного права, представляют интерес для игроков теневой экономики в странах-мишенях;

е) Не менее половины состава сотрудников AEI (М. Тейтель, Ф. Богданов, Б. Родаль, Т. Шеллинг, У. Рокуэлл, У.Л. Ури, Э. Гендлер и др.) занимались как теорией ненасилия, так и теорией глобального потепления. Белградские ученики Шарпа, С. Попович и С. Джиневич, учредили фонд «Экотопия», в числе их клиентов — президент Мальдивских островов и звезда Копенгагенского саммита Мухаммед Нашем. Эта ипостась AEI восходит как к влиянию взглядов Махатмы Ганди, сформированных в Британском Вегетарианском обществе, так и к сотрудничеству Шарпа с «глубинным экологом»⁹ Арне Нэссом в период работы в Норвегии.

По предназначению AEI относится к категории **методических институтов**. Такие институты: а) автономны; б) мультидисциплинарны, в) взаимодействуют с профильными государственными (US Institute of Peace) и международными

(Transparency International) институтами; г) создают дочерние структуры, адаптирующие методики к местным условиям; д) ликвидируются или переводятся в спящий режим при появлении методик следующего поколения.

4.4. Что такое «случайные миллиардеры»?

В год Арабской весны бренды Google, Facebook, Twitter и YouTube становятся предметом культа, а Джек Дорси и Марк Цукерберг — такими же идолами молодежи, как Beatles в конце 1960-х. Кумирами становятся «IT-гении», не завершившие высшее образование. Посредством СМИ в массовом инфантильном сознании закрепляется образец недоучки-стартапера, ставшего миллиардером. При этом предметом умолчания является: а) военный бэкграунд происхождения как Интернета (преобразованный ARPANET), так и заказчиков и кураторов вышеназванных технологий, б) роль и функции покровителей этого процесса, в) логика управления компаниями-разработчиками.

Поскольку идолизация «случайных миллиардеров» систематически практикуется также российскими СМИ, мы считаем необходимым привести ряд фактов.

Научным руководителем Ларри Пейджа — разработчика и сооснователя поисковой системы Google — был профессор Терри Виноград, работавший по заказам DARPA в Xerox PARC — научном подразделении Xerox, унаследовавшем лучшие кадры военного Palo Alto Augmentation Center. В 1991 году Виноград инициировал в Стэнфорде «Проект по людям, компьютерам и дизайну» (Project on People, Computers and Design), в рамках которого Ларри Пейджу и предлагается создать поисковую систему с беспрецедентными возможностями. В августе 1998 года ещё не зарегистрированная (!) фирма получает первые «венчурные инвести-

ции» от основателя Sun Microsystems Энди Бехтольстейма.

С 2001 года Google возглавляет Эрик Шмидт — также выходец из Xerox PARC, а Терри Виноград помогает бывшему коллеге усовершенствовать продукт. В августе 2006-го Шмидт приходит в Apple, пользуется его разработками и внедряет их в Google. В октябре 2006-го Google приобретает за 1,65 млрд долларов фотохостинг YouTube. С января 2008-го исполнительным директором малоизвестной компании Facebook, погрязшей в судах и долгах, становится Шерил Сэндберг — экс-глава аппарата Федерального казначейства и член совета директоров Google. Только тогда к Facebook приходит слава.

Изобретателям Twitter Дж. Дорси, А. Стоуну и И. Уильямсу в июне 2009 года поручают оказать «помощь иранским демократам». Хотя они выполняют поручение, в 2010-м главой компании Twitter становится Дик Костоло — протеже Эрика Шмидта. Таким образом, **к началу Арабской весны все четыре бренда находятся в одних руках.**

По существу Google — изначально государственный проект, Facebook «получает миссию» с приходом Сэндберга, а Twitter — с момента трудоустройства его соучредителя Криса Хьюза в предвыборную команду Обамы (где уже подвизался Шмидт).

Спонсоры «технологий 2.0» не являются случайными «ангелами». Шон Паркер, изобретатель Plaxo, — сотрудник ЦРУ. Питер Тиль — основатель PayPal, обслуживающей Агентство иммиграции и натурализации США. В попечительском совете Insight Venture Partners, спонсора Twitter, состоят Роберт Рубин и экс-глава президентского Совета по внешней разведке Стивен Фридман.

Топ-менеджмент «индустрии общения» вовлечен в целый спектр стратегических и пропагандистских задач. В январе 2006-го Эрик Шмидт учреждает дочернюю компанию google.org, инвестирующую в «зеленую энергетику». К лету 2008 г. он разрабатывает

⁹ Глубинная экология — ветвь экологической философии, в которой человечество рассматривается как часть окружающей среды, причём человеческая и нечеловеческая жизни обладают одинаковой ценностью. По утверждению А. Нэсса, «ни один биологический вид не имеет большего права на жизнь и развитие, чем любой другой вид».

для Обамы план CleanEnergy. Тогда же Шмидт приглашен в фонд New America Foundation (NAF), учрежденный Уолтером Расселом Мидом (учеником Дж.С. Ная) и Бернардом Шварцем. Он сразу же избирается главой совета директоров и создает под его эгидой Институт открытых технологий. Его включают в президентский совет по науке и технологиям. Крис Хьюз в июле 2010 г. избран в состав Комиссии высокого уровня (High Level Commission) при Объединенной комиссии ООН по СПИД (UNAIDS).

В 2010 году Терри Виноград становится соруководителем программы **Liberation Technologies («Технологии освобождения»)** Стэнфордского университета, в рамках которой обучаются менеджеры «революций 2.0». Другой соруководитель, Ларри Даймонд, вел в Стэнфорде «Проект по демократии в Иране» вместе с Майклом Макфолом и Аббасом Милани, а в 2011-м сменил Макфол в должности директора Центра демократии, развития и правового государства Института Фримана-Сполы (FSI) Стэнфорда.

Таким образом, систематически транслируемое в различных жанрах представление о том, что «технологии 2.0» являются «случайными находками юных бизнес-гениев», является **тройным блефом**: во-первых, они не случайны; во-вторых, их разработка подчиняется логике не свободного рынка, а целевого отбора «сверху»; и в-третьих, они придуманы не столько для коммуникации, сколько для контроля — что доказывается: а) использованием GoogleMaps для геопро пространственного слежения, б) использованием YouTube для трансляции картинок самосожжений и пыток в Арабской весне, в) нестираемостью личной информации, зафиксированной в Facebook.

Распространение блефа о «случайных миллиардерах» даёт три эффекта: смысловой — сокрытие субъекта посредством умолчания (reticence), ценностный — создание кумиров для инфантильных личностей, экономический — взлёт капитализации «индустрии общения», включаемой в показатели экономического роста США.

4.5. «Революции 2.0» как государственно-частное предприятие

Вышеупомянутая программа Стэнфордского университета «Технологии освобождения» дополняет «треугольник» программ, базой для которого послужила alma mater Барака Обамы — Школа права Гарвардского университета (HLS).

«Предприятие революции 2.0» зарождается в New America Foundation. В 2006 г. этот фонд, HLS, созданный при ней Беркмановский центр Интернета и общества и два частных лица, Ребекка Маккиннон и Этан Цукерман, учреждают многоязычную **блогерскую сеть Global Voices**, где «посевным инвестором» становится Rockefeller Foundation, затем присоединяются Omidyar Network, Ford Foundation, McArthur Foundation, Open Society Institute (ныне Open Society Foundations) Джорджа Сороса, антикоррупционный Sunlight Foundation (учрежденный на средства тех же Рокфеллеров) и частные лица, в том числе спонсор Facebook Митч Капор.

В 2007 г. Беркмановский центр запустил проект «Интернет и демократия», в рамках которого изучается араб- и фарсиязычная блогосфера, с 2009 года — русскоязычная.

Второй обращенной вовне стороной «треугольника» становится **Альянс молодежных движений (АУМ)** — организационно-методический центр «активистов», в 2008–2010 гг. проводивший четыре международных конгресса. Авторы идеи — Джаред Коэн и заместитель госсекретаря по публичной политике Джеймс Глассман. II конгресс АУМ (2009) открывает Хиллари Клинтон. В мероприятиях участвуют топ-менеджеры Google, Facebook, Twitter, YouTube и фирм — производителей электроники и модной одежды. Портал Movement.org «освещает» технические новинки, помогающие активистам удобнее отправлять сообщения и фиксировать информацию в «сложной обстановке».

В 2009 году профессор Беркмановского центра Лоренс Лессиг посвящает себя «антикоррупционному» направлению, и его труды становятся

столькими книгами основателя Occupy Wall Street, «ментального эколога» Калле Ласна. Профессор Элизабет Колко на базе того же центра создает методическую структуру — Hackademia, ориентированную на активистов без технического образования. Беркмановский центр заключает официальный контракт с фондом рок-звезды Леди Гага, выступающей на гей-прайдах и эпатирующей публику куражом над религиозными символами. Другая звезда, феминистка Вупи Голдберг, участвует в конгрессах АУМ.

Таким образом, на смену «лаборатории» Шарпа приходит система с разделением труда, включающая: а) анализ уязвимых сообществ стран-мишеней, б) регулярную поставку текстовых и визуальных данных из стран-мишеней, в) геопро пространственный мониторинг оборонительных действий стран-мишеней, г) организационное обучение, д) массовое технологическое обучение, е) «культурную обработку» всем диапазоном информационных ресурсов как извне, так и изнутри стран-мишеней.

4.6. Вертикаль революционного рывка

Штурм Триполи 23 августа 2011 года был приурочен к 20-й годовщине «разгрома ГКЧП», сделавшего распад СССР необратимым. Опыт 1991 года имел, как известно, не только военный и политический, но и экономический аспект (материальные потери РФ в десятилетие «реформ» (1991–2000) составили в 2,5 раза больше, чем потери СССР во Второй мировой войне). Организаторы Арабской весны имели соответствующие навыки: специализация профессора Йохая Бенклера в Беркмановском центре Гарварда — «преобразование психологических затрат в экономические эффекты».

Повсеместными эффектами «революций 2.0» являются: коллапс иностранных инвестиций и бегство капитала; выход из строя производств и транспорта; продовольственная инфляция; массовая безработица, в том числе в сфере услуг (туризм, операции с недвижимостью); приостановление

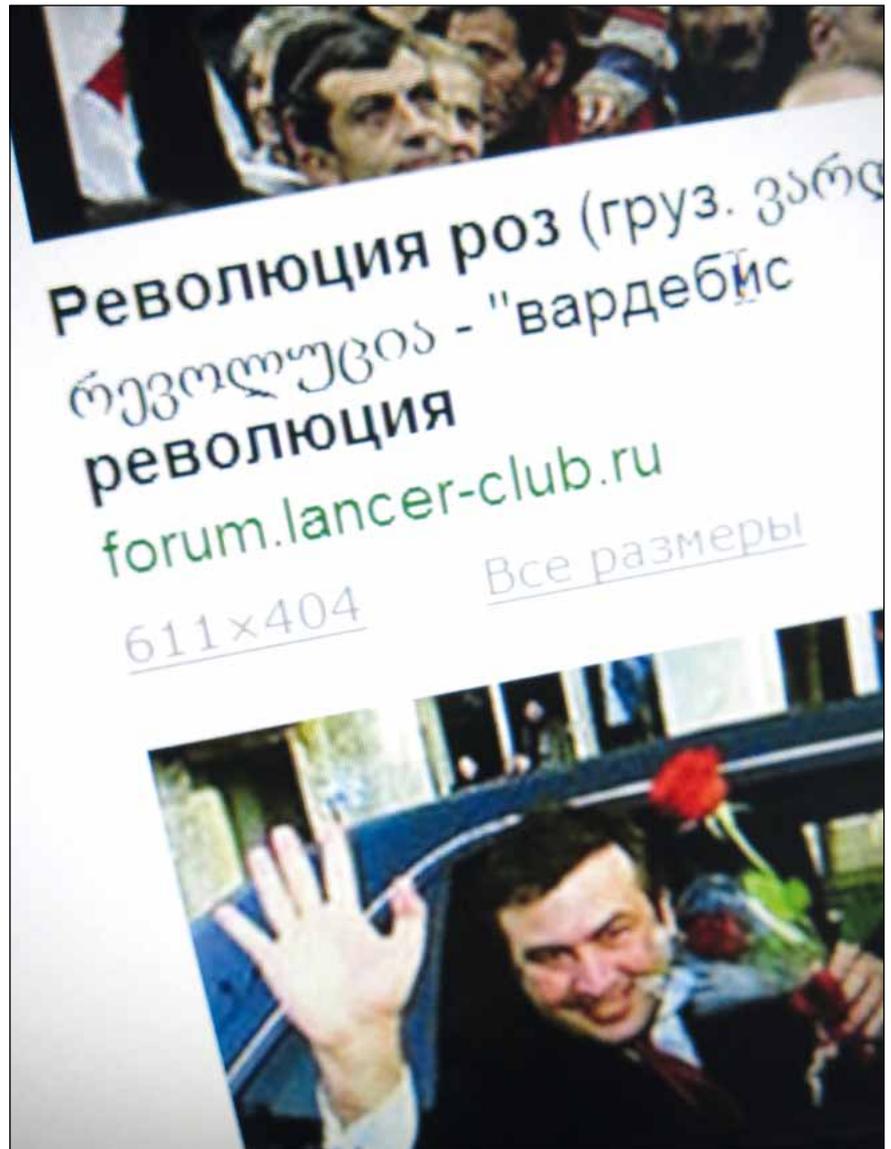
государственных инвестиций в энергетику, транспортную и жилищную инфраструктуру, сельское хозяйство (борьба с опустыниванием, орошение); отмена государственных проектов развития (АЭС в Египте).

Качественным отличием «революций 2.0», инициированных на фоне мирового финансового кризиса, является практика прямой конфискации активов в странах-мишенях. В Египте конфискация произведена как минимум трижды: а) имущества семьи Мубарака, б) имущества распушенной НДП; в) имущества Вооружённых сил при их реформе.

Невозвращение средств «народам, освобождённым от диктаторов», делает постреволюционные элиты заложниками несбывшихся гарантий и убедительно свидетельствует о том, что: а) номинальные предводители «революций 2.0» являлись лишь конечными исполнителями экспроприации, б) для большинства населения источники «правды о жульничестве и воровстве» представляли большой авторитет, чем государственное руководство, в) предлоги, под которыми репатриация средств (уже «поработавших» в чужом обороте) откладывается, создаются искусственно, г) ущерб для экономических партнеров стран-мишеней, в первую очередь для стран ЕС, запрограммирован, д) исполнители экспроприации сами могут быть экспропрированы.

Универсальным поводом для отчуждения «диктаторских» средств в пользу субъекта информационно-психологической войны служит ярлык **коррупции**. Произвольность его применения очевидна: из формулировки критериев коррупции; из обозначения этим термином разнородных деяний; из «забвения» факта поощрения тех же деяний в прежние периоды. Однако механизм шантажа элит успешно воспроизводится, чему способствуют:

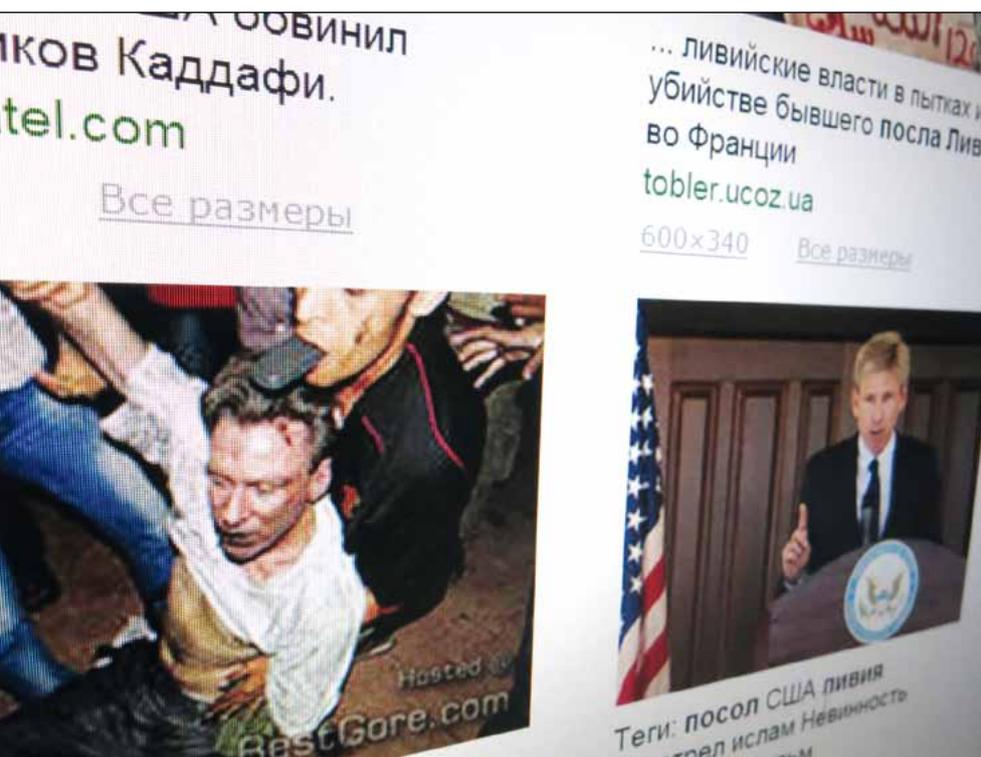
а) субъектные факторы: гипермонополизация медиарынка; специализация политехнологического сообщества как рычага контроля элит; специализация квази-НПО, собирающих конфиденциальную имущественную ин-

формацию — Transparency International, Center for Public Integrity (CPI), OOCRП, FLARE; прямое партнёрство технологов «ненасильственных переворотов» с этими структурами; расширение возможностей сбора информации с мест с развитием киберразведки, геопрограммированных технологий и социальных сетей; отсюда — беспрецедентное расширение возможностей оговора (диффамации) и неэффективность его судебного оспаривания (по выражению А. Г. Ханта, «информационный мир движется быстрее законодательства»);

б) субстратные факторы: стереотипизация мышления элит в процессе постиндустриального идеологического отбора; личностный дефицит (З. Бжезинский: «В Западной Европе не стало

исторического воображения и глобальных амбиций; там нет ни Черчилля, ни де Голля, ни Аденауэра»); отчуждение элит от большинства, в условиях кризиса усугубляемое непопулярной политикой; массовое разочарование и хаотическая агрессия «универсально неудовлетворенного потребителя». Расширению конфискационной практики способствуют: а) заинтересованность США в разрешении финансовых проблем за счёт союзников, переведённых в статус вассалов, б) непубличный патронаж мирового правоохранительного сообщества спецслужбами США; в) использование новообразованных антикоррупционных органов для произвольной ротации элит, особенно заметное в странах Восточной Европы.

Маркерами качественного сдвига в конфискационной практике являются: а) новые экстралегальные инициативы Белого дома: директива PSD-10 об учреждении Межведомственного бюро по предотвращению злодеяний, указ «О конфискации собственности лиц, причастных к организованной преступности», б) диффамация судебных систем стран-мишеней, стимулирующая частных лиц к обращению во внешнеэкономические институты, в) распространение имущественной диффамации на духовенство, г) поощрение частных лиц из стран-мишеней, организующих акции в интересах одной элитной группы против другой (пример — премия Е. Чириковой от Дж. Байдена за химкинский «активизм», д) использование МВФ для управляемой деофшоризации, с прицельным шантажом собственников через Международный консорциум журналистских расследователей (ICIJ) — дочернюю структуру CPI, финансируемую теми же Sunlight Foundation, Omidyar Network, Open Society Foundation, Ford Foundation, McArthur Foundation — спонсорами «революций 2.0».

Тот факт, что изъятие вкладов на Кипре оказалось неожиданностью для госструктур России, а большинство

населения восприняло этот экстралегальный акт со злорадством, представляет для субъекта информационной войны двойное свидетельство своего превосходства и повод для дальнейших произвольных конфискаций собственности как в постсоветских, так и в европейских странах — в том числе ввиду объективной заинтересованности в распаде еврозоны.

4.7. Отраслевые бенефициары суррогатных революций

В СМИ и публицистике целенаправленно «революций 2.0» связывается с борьбой за углеводородные ресурсы. Однако на практике постреволюционные элиты:

- расторгают связи с традиционными партнёрами по добыче и транспортировке;
- не могут гарантировать инвесторам безопасность добычи и экспорта;
- экономически заинтересованы в быстром получении доходов;
- в идеологическом плане — отягощены «климатическими» предрасудками.

Стереотип «революций 2.0» в ресурсно обеспеченных странах демонстрирует:

- тяготение узлов дестабилизации к контейнерной (а не нефтяной) логистике;
- преследование национальных нефтегазовых элит;
- запустение добывающих мощностей и деградацию инфраструктуры;
- падение промышленного спроса на энергоносители;
- уход экспорта углеводородов в сферу теневой экономики.

Таким образом, крупные игроки углеводородной отрасли в процессе «революций 1.0 и 2.0» становятся чаще не бенефициаром, а жертвой манипуляции.

Перечень реальных отраслей-бенефициаров определяется по социально-экономическому и культурному результату:

1) Прямым бенефициаром «революций 2.0» является производитель их инструментария — участники вышеописанного ГЧП, прежде всего монополисты в сфере коммуникаций и геопространственных технологий.

2) Поставщики сырья (редких металлов) для электроники, особенно для мобильной связи, извлекают сверхприбыли в Центральной Африке (колумбит-танталит, доходы от продажи которого оцениваются выше, чем доходы на рынке контрабандных алмазов). Передел данного рынка сопровождается наиболее brutальными конфликтами, в подготовке которых участвуют коллективные члены АУМ, в частности Invisible Children.

3) По итогам двух лет нестабильности в Магрибе статистика демонстрирует беспрецедентный прирост доходов США от экспорта вооружений, в легальном секторе — за счёт повышения спроса в странах, близких к зонам дестабилизации (Саудовская Аравия мотивирована к закупкам «шиитской угрозой», ОАЭ — происками Катара и др.).

4) «Культурные трансформации» в период подготовки «революций 1.0 и 2.0» знаменуются экспансией развлекательного бизнеса, ориентированного на молодёжь и распространяющего унифицированные стандарты масс-культуры. Центры релаксации закономерно становятся центрами

распространения СПИДа. В то же время распространение СПИДа формирует источник прибыли для специфической фармацевтики, а также для ключевой в системе «контроля народонаселения» индустрии контрацептивов.

5) Партнёры общественных структур, «сеющих» унифицированную масс-культуру в странах третьего мира, «по совпадению» входят в сообщество лоббистов легализации наркотиков. Самый типичный и известный пример — Quantum Foundation Дж. Сороса. Период «революций 2.0» совпадает со «снятием масок»: в апреле 2011-го частная организация Global Commission for Drug Policy (GCDP), ратующая за разрешение лёгких наркотиков, а также за освобождение от уголовной ответственности лиц, хранящих наркотики или употребляющих их без ущерба для окружающих, обращается к генсеку ООН с петицией Stop War on Drugs («Остановить войну с наркотиками»). Показатели вовлечения глобальных элит в интересы наркорынка: а) фигура Ричарда Брэнсона, спонсора как GCDP, так и «миротворческой» ассоциации глобальных лидеров The Elders (Джимми Картер, Десмонд Туту, Кофи Аннан, Лахдар Брахими и др.), б) вступление в GCDP президента Международной кризисной группы (ICG) Луизы Арбур, в) тяготение «миротворческой» деятельности как ICG, так и The Elders к регионам производства и распределения наркотиков.

Умолчание о связях «гуру» правозащитной и т. н. миротворческой деятельности с нелегальными рынками средств ухода от действительности, равно как и о факторе наркотранзита в локализации «революций 1.0 и 2.0», уместно рассматривать как самостоятельное средство массовой манипуляции.

5. «РУЖЬЁ НА СТЕНЕ»

5.1. «Ключ к цивилизации»

Арабской весне предшествовал длительный период «культурной обработки» различных религиозных групп Ближнего Востока. Флирт англо-американских стратегов с движением «Братья-мусульмане» восходит

еще к 1981 году, когда был учрежден Совет по ближневосточной политике (MEPC) с термином «Большой Ближний Восток» в уставе. Задача, как позже пояснял президент NED Карл Гершман, состояла во «включении исламистских партий в политический процесс — так чтобы сделать их безвредными».

Подготовка т. н. «исламской реформации» осуществлялась через: а) вовлечение богословских кругов в «культурный обмен», б) вестернизацию арабской медиасреды, в) создание витрины «модернизированной» арабской культуры. Проводниками влияния служили: а) юридическое сообщество, б) университетская интеллигенция, в) медиаистэблшмент, г) «прогрессивное» духовенство, д) импортеры «прогрессивных» товаров.

Вехами начального этапа «операции Большой Ближний Восток» были:

- открытие в Лондоне благотворительного фонда Islamic Relief Worldwide в партнёрстве с египетским движением «Братья-мусульмане»;
- закладка Города образования в Катаре (публично озвученная миссия — «поддержка пути Катара от углеводородной экономики к экономике знаний (sic!) посредством раскрепощения человеческого потенциала»;
- выдвигание духовного лидера движения «Братья-мусульмане» Юсуфа аль-Кардави на пост главы Европейского совета по фетвам и исследованиям;
- запуск телеканала «Аль-Джазира» — трибуны как для Кардави, так и для выразителей взглядов как исламского, так и западного «альтернативного пути»;
- привлечение Тарика Рамадана, внука основателя «БМ» Хасана аль-Банни, к деятельности Совета за парламент мировых религий.

Вехи второго этапа операции «Большой Ближний Восток»:

- подготовка докладов Программы развития ООН (UNDP) и Арабского форума по экономическому и социальному развитию (AFESD) «Об арабском человеческом развитии» (2000) и «Построить общество знаний», где «количество демократии приравнивается к количеству

Интернета» (основной автор Надер Фергани — консультант египетского Совета по народонаселению);

- учреждение «Академии перемен» (Academy of Change) в Лондоне (январь 2001). В 2005-м она предлагает услуги египетскому движению «Ке-файя» и дополняет рецепты Шарпа методиками нейролингвистического программирования;
- открытие новых центров исламских исследований в RAND Corp., Brookings Institution, Duke University, Georgetown University, Wilson Center (под предлогом событий 11 сентября 2001 года), учреждение Ближневосточной мирной инициативы (MEPI);
- запуск радиоканалов SAWA и Alhurra, приобщающих молодёжь исламских стран к современной культуре и одновременно внедряющих «новое понимание» религии;
- учреждение организаций «прогрессивных мусульман» — Levantine Cultural Center, Muslims for Progressive Values, American Society for Moslem Progress (ASMA) и др.;
- создание структур по обработке исламской молодёжи под эгидой RAND Corp., Brookings, Центра молодёжного межрелигиозного диалога (прославляющего Далай Ламу).

«Ключ» ассоциируется с «зажиганием». Методики воспламенения коллективных эмоций в арабском обществе обкатывались много лет, но «технологии 2.0» открыли более мощные рычаги. Театроведы именуют общее эмоциональное состояние публики, потрясённой спектаклем, термином «синтония». Зрительный образ воздействует на эмоции сильнее речевого сообщения.

В июне 2010-го представитель Google в Каире Ваэль Гоним, прошедший стажировку в АУМ, сочинил формулу «Мы все — Халед Саид» и получил вал однотипных реакций на зрительный стимул (фото тела юноши, убитого полицейскими). Следующим сюжетом в Египте, Тунисе, Алжире стал не труп, а ещё живой человек, корчащийся в огне. Рядом с ним оказывается «участливый» наблюдатель, методично фиксирующий мучения на видео, вместо того чтобы сбить пламя. Далее опе-

ративно подключается блогосфера. Так, о самоподжоге торговца Буазизи в глухой провинции Туниса спустя час узнает **калифорнийский** блоггер Бешир Благги (позже рассказавший, что ему помогла хакерская сеть Anonymous).

На пике «эпидемии суицидов» на площади Тахрир студентка Асма Махфуз произнесла монолог, где в шести фразах подряд повторялось словосочетание «акт самосожжения». После этого сеанса внушения Махфуз перешла к теме коррупции. В том же стиле апеллировала к массам йеменская активистка Тавакуль Карман.

На созданном сотрудниками US Institute for Peace портале Meta-Activism, где анализируется опыт актива Арабской весны, достаточно откровенно разъяснялась роль видеотрансляции горящей плоти как генератора синтонии: *«Это наглядно, и это шокирует. Брутальность на снимках сделала зверство достоверным и произвела **висцеральный (т.е. до ощущений во внутренних органах) эмоциональный эффект. Секрет прост: образ говорит сам за себя, и в мире, где кусочек контента является заразительным (viral), это всё, что требуется.*** И это соответствует мощной **культурной рамке**». Топ-менеджеры «весны» не удержались от самопохвалы: они не только успешно применили п.158 по Шарпу («предание себя стихии воды или огня»), но и воспользовались исламской культурной рамкой для поражения исламской же мишени с закреплением протестного стереотипа, в дальнейшем сметающего со сцены в том числе и «обезвреженные» религиозные политические силы.

В феврале 2013 года стереотип массового самосожжения был впервые воспроизведён в православной культурной рамке — в Болгарии, что осталось незамеченным в российских СМИ.

5.2. Эффективность манипуляции обществом

По определению Ричарда Шафранского (RAND Corp.), цель информационной войны — так повлиять на поведение противника, чтобы он не знал, что на него

воздействовали, и принимал решения, противоречащие его собственной воле.

Линдон Ларуш разделил определение «агент влияния» (agent of influence) на четыре степени — по уровню посвящённости в смысл собственной деятельности. Агент влияния 4-й степени — самый непосвящённый, но самый активный — это оператор, занимающийся информационно-психологической обработкой родного «общества-мишени» за собственный счёт, в качестве волонтера-энтузиаста. **Удельный вес «агентов 4-й степени» в обществе-мишени можно считать критерием эффективности информационно-психологической войны.**

Другим критерием эффективности ИПВ является **резистентность (сопротивляемость) объекта воздействия**. Как прямые эффекты мирового финансового кризиса, так и внешние *информационно-психологические манипуляции застают врасплох нации с высокой степенью открытости — то есть деидентификации в итоге отказа государства от идеологической деятельности и отсутствия духовно-смыслового контакта между обществом и властью*.

Третьим критерием уместно считать **степень инвалидизации (деформации) сообществ, представляющих источник авторитета** для массового сознания — правоведа, экономистов, экспертов, художественной интеллигенции. Признаками высокой эффективности деформации профессионального сознания можно считать: а) инверсию смыслообразующих образовательных программ (особенно курса истории), б) отказ от национального наследия в методологии и формировании псевдонаук на периферии классических дисциплин, в) засорение знаний мизантропической мифологией, г) вброс «глобальных» стандартов в законодательство, д) трансляция «глобальной повестки дня» государственными СМИ.

В обществе, деформированном суррогатной революцией, подвергнутые селекции элиты утрачивают проектное мышление, ограничивая планирование промежутками от одного внешнего кредита до другого или увлекаясь затратными проектами, ещё больше

втягиваясь в зависимость от внешних игроков. В свою очередь, население, утратившее социальный оптимизм, больше не связывает себя с будущим страны и становится «перекати-полем».

5.3. Поиски «ключа к России»

О намерениях распространения «революции 2.0» на Россию свидетельствовало:

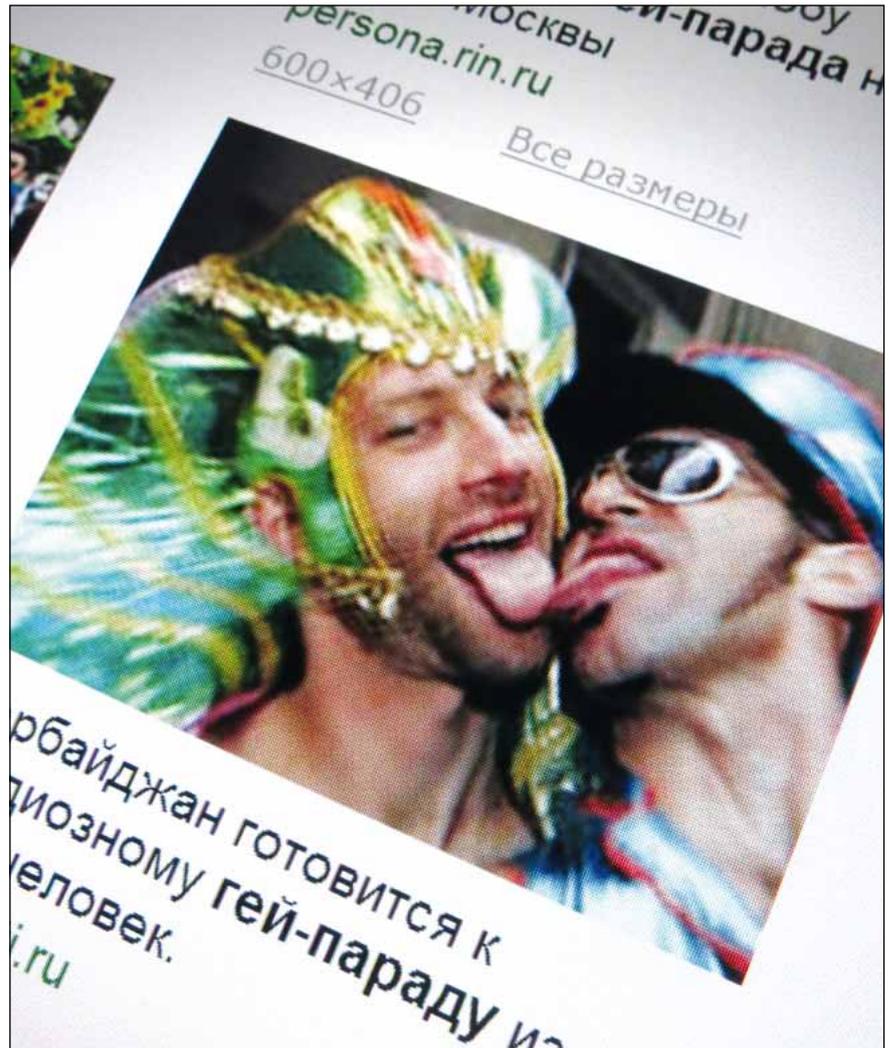
- включение Freedom House России в перечень стран, подлежащих «ненасильственной» революционной трансформации;
- распространение программы «Интернет и демократия» Беркмановского центра Гарварда на русскоязычную блогосферу, с выявлением «уязвимых сообществ» и перспективных протестных лидеров;
- заявление Хиллари Клинтон об открытии twitter-аккаунтов «для Китая, Индии и России на родных языках граждан этих стран»;
- подбор кадров с опытом работы в России на ведущие должности в National Endowment for Democracy, National Democratic Institute и европейский офис госдепа США;
- выбор мест для создания «технических лагерей» для молодёжных активистов в Вильнюсе и Тбилиси; включение Таллинского университета в программу Standby Volunteer Task Force; использование Прибалтики и Грузии в качестве тренинговых площадок оппозиции;
- мобилизация черкесских диаспор для саботажа Олимпиады-2014. Попыты использования «организационного оружия 2.0» в России включают:
 - запуск новых совместных проектов между профильными центрами США (в частности, Cultural Change Institute, Флетчеровской школы права Tufts University и Беркмановского центра Гарварда) и российскими образовательными центрами;
 - использование социальных сетей для мобилизации уязвимых сообществ — футбольных болельщиков, автовладельцев и др. и экологических кампаний для саботажа инфраструктурных проектов;

- вовлечение «волонтёров» в имущественный шантаж и гринмэйл;
- право-левые эксперименты с «движениями имени числа» (31-е, 11-е), попытки идолизации случайных жертв;
- упреждающее оспаривание итогов выборов через социальные сети;
- дискредитация интеграционных инициатив России («ОккупайАбай»). Средства систематического воздействия на элиты:
 - соблазны равноправного статуса в престижных глобальных структурах;
 - нагнетание опасений перед конкурирующими цивилизациями Востока;
 - навязывание рецептов деиндустриализации под видом модернизации или диверсификации экономики;
 - запугивание провалами имиджевых проектов (Олимпиады-2014, ЧМ-2018);
 - шантаж имущественным и семейно-бытовым компроматом.
 Средства систематического воздействия на массовое сознание:
 - трансляция политического и социального пессимизма с эксплуатацией темы «застоя», безысходности, духовного тупика;
 - дискредитация властных и церковных авторитетов;
 - противопоставление уязвимых сообществ власти и друг другу;
 - муссирование исторических обид и претензий этнических меньшинств;
 - компрометация силовых структур;
 - фетишизация коммуникационных технологий;
 - проповедь теорий катастроф и антииндустриальных предрассудков.

5.4. «Родимые пятна» российской оппозиции

Событийный контекст т. н. «болотного протеста» в России: а) решение правящей партии о поддержке В. В. Путина на новый президентский срок, б) выдвижение В. В. Путиным лозунга реиндустриализации и апелляция к трудовой этике, в) пересмотр военной

реформы и ассигнования на модернизацию вооружённых сил, г) публичная заявка на полюсную субъектность Евразийского союза.

Мишени оппозиционной агитации 2011–2012 гг.: а) В. В. Путин, б) правящая партия, в) государственные сырьевые корпорации, г) силовые структуры и юстиция, объединяемые с православным духовенством и патриотической общественностью в общий термин «мракобесие», д) страны — партнёры России по Евразийскому союзу.

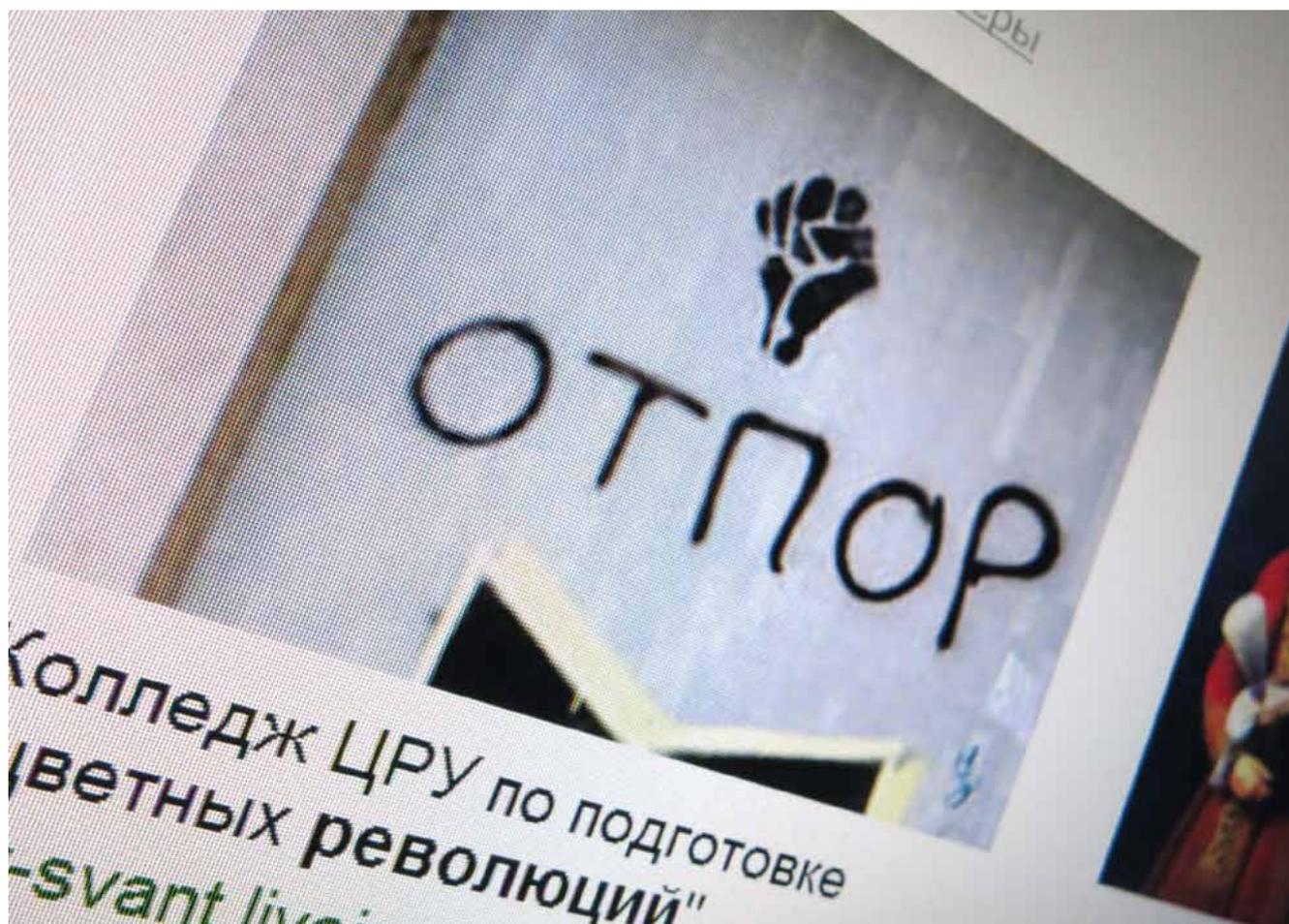
Средства идейно-психологической подготовки: а) трансляция постиндустриальной догматики во всем диапазоне «ценностей 1968 года» (OpenSpace.ru и др.), б) публицистическая и художественная дискредитация авторитаризма, адресованная «естественно левому» младшему поколению, в) экологическая и градозащитная агитация в «уязвимых

точках», г) муссирование этнических противоречий, особенно проблемы Кавказа, д) выплеск имущественного компромата на власть и «околовластные круги».

Инструменты объединения: социальные сети Facebook и ВКонтакте; блогерские сообщества антикоррупционной специализации; новые веб-СМИ, рассчитанные на молодёжный контингент и уязвимые сообщества.

Социальный состав протестного актива в мегаполисах: а) представители уязвимых групп населения с предметными претензиями к власти, б) представители свободных профессий, в) представители «верхнего» офисного среднего класса.

Состав внесистемного ядра по убеждениям: а) левые самоуправленцы, б) национал-сецессионисты, в) левые либералы.

Квинтэссенция пафоса: антиавторитаризм, антимонополизм, самоуправление.

Новый образец — «турецкое лето». Квинтэссенция агитации: а) «меняется весь мир», б) «свобода важнее хлеба», в) прямая отсылка к 1968 году (Де Голль — Путин).

Общие черты с революционизацией арабских стран: а) многолетний бэкграунд программно-финансирования из наднациональных НПО, госструктур и фондов США и ЕС, б) идеологическое университетское партнёрство в сфере «культурных изменений», в) идентификация этнических и региональных «болевых точек», г) выявление и вовлечение бизнес-контрэлит, в особенности — собственников СМИ и социальных сетей, д) исходное формирование внесистемного актива по «право-левому» принципу (радикальный политический спектр — «Другая Россия»), е) вовлечение лиц и сообществ, «отобранных» Беркмановским центром Гарварда,

включая этнонационалистов, в том числе фанатов.

Отличия от других стран-мишеней: а) провал попыток вовлечения парламентских партий, б) провал попыток раскола доминирующих конфессиональных институтов, в) отсутствие рычага влияния через независимые профсоюзы, г) дезорганизованность бизнес-контрэлит, д) дефицит оппозиционеров-харизматиков.

5.5 Цивилизационный отпор

Россия в этой войне является особым объектом, поскольку, в отличие от других стран-мишеней, является не просто «территорией для переформатирования», а хотя и сильно ослабленным, но все же потенциально независимым «полюсом цивилизационного смысла». Факт того, что Россия не декларирует это сегодня явно, и то, что значительная часть ее элит не является носителем этих смыслов, стратегов мировой игры

несколько не дезориентирует — они, в отличие от немалой части российского экспертного сообщества и интеллигенции, в наличии этого цивилизационного потенциала никогда и не сомневались.

Россия экономически и политически интегрирована в систему мировых отношений, поэтому необходимо рассматривать развивающиеся в ней процессы в контексте глобальных идейно-стратегических противоречий. При рассмотрении стратегий культурных и информационных войн важно всё — и феноменология, и субстрат, и конкретные методы, и их техническая реализация.

Эффективный ответ на угрозы требует единого понимания их содержания, что актуализирует вопрос о совершенствовании понятийного аппарата общественных наук, используемого в праве, дипломатии, внутренней политике, вещании.

Приоритетные сферы цивилизационной (ценностно-смысловой,

геополитической, информационно-психологической) обороны:

- профессиональные среды, которые обозначены в Национальной стратегии публичной дипломатии США как «агентства влияния» — законодательство и массмедиа, к таким ключевым средам уместно отнести также дипломатический корпус и экспертное сообщество (внешнеполитическое и экономическое);

- группы населения, которые в том же документе именуется «уязвимыми сообществами» (с особенностями самосознания, потребностей и ценностей);

- регионы, которые являются историческими мишенями геополитических игр.

Приоритетные направления цивилизационной обороны:

- достижение согласия между властью и обществом о неотъемлемых ценностях и базовых смыслах цивилизации (оптимально через серию общенародных референдумов);

- реализация стратегии сбережения народа, включение всех стимулов демографического роста;

- пересмотр всех разделов права с позиции соответствия ценностям русской цивилизации и первостепенным гражданским правам, созвучным чаяниям большинства и интересам нации;

- обеспечение суверенитета системы образования с разработкой национальных стандартов для всех этапов и форм образования, в том числе принципов применения Интернета в обучении, соответственно национальной педагогической традиции и потребностям общенационального и регионального социально-экономического развития;

- политика экономической самодостаточности с долгосрочным социально-экономическим планированием в интересах большинства и механизмами преодоления социальной и региональной поляризации;

- пересмотр предназначения инновационной сферы, первоочередное стимулирование изобретательской деятельности в промышленных отраслях, прежде всего в производстве средств производства;

- утверждение и внедрение критериев отбора и личной ответственности государственных служащих, в особенности в дипломатическом корпусе;

- пересмотр всей системы государственного вещания (диапазон содержания, язык пропаганды, кадровая политика, качество экспертного пула), с возвращением образовательной функции, поддержка частных и общественных инициатив в сфере защиты и распространения цивилизационных ценностей в печатных и сетевых СМИ, включая блогосферу.

Запретительные меры в качестве защиты от информационных угроз довольно неэффективны. Единственное, что может противостоять чужим ценностям и смысловым атакам, — уверенная собственная позиция. Такие инициативы, как закон об НКО, не являются адекватным решением данной проблемы (ведь влияние на культурные и социальные установки происходит не только и не столько через НКО, действующие в политическом поле). Нужно формировать собственную систему информационных каналов и общественных организаций, предлагающих свой взгляд, свою систему ценностей, свой экспертный анализ. Это даёт возможность привлечь активную молодёжь, тактических (в том числе зарубежных) интеллектуальных и политических союзников, которыми могут быть представители самых разных идеологических платформ, не согласные с диктатом глобализационной повестки дня.

Создание Евразийского союза как самостоятельного геополитического полюса — практическая реализация этой альтернативы. Это главный шаг в формировании миропорядка, отрицающего навязываемую всем глобализацию.

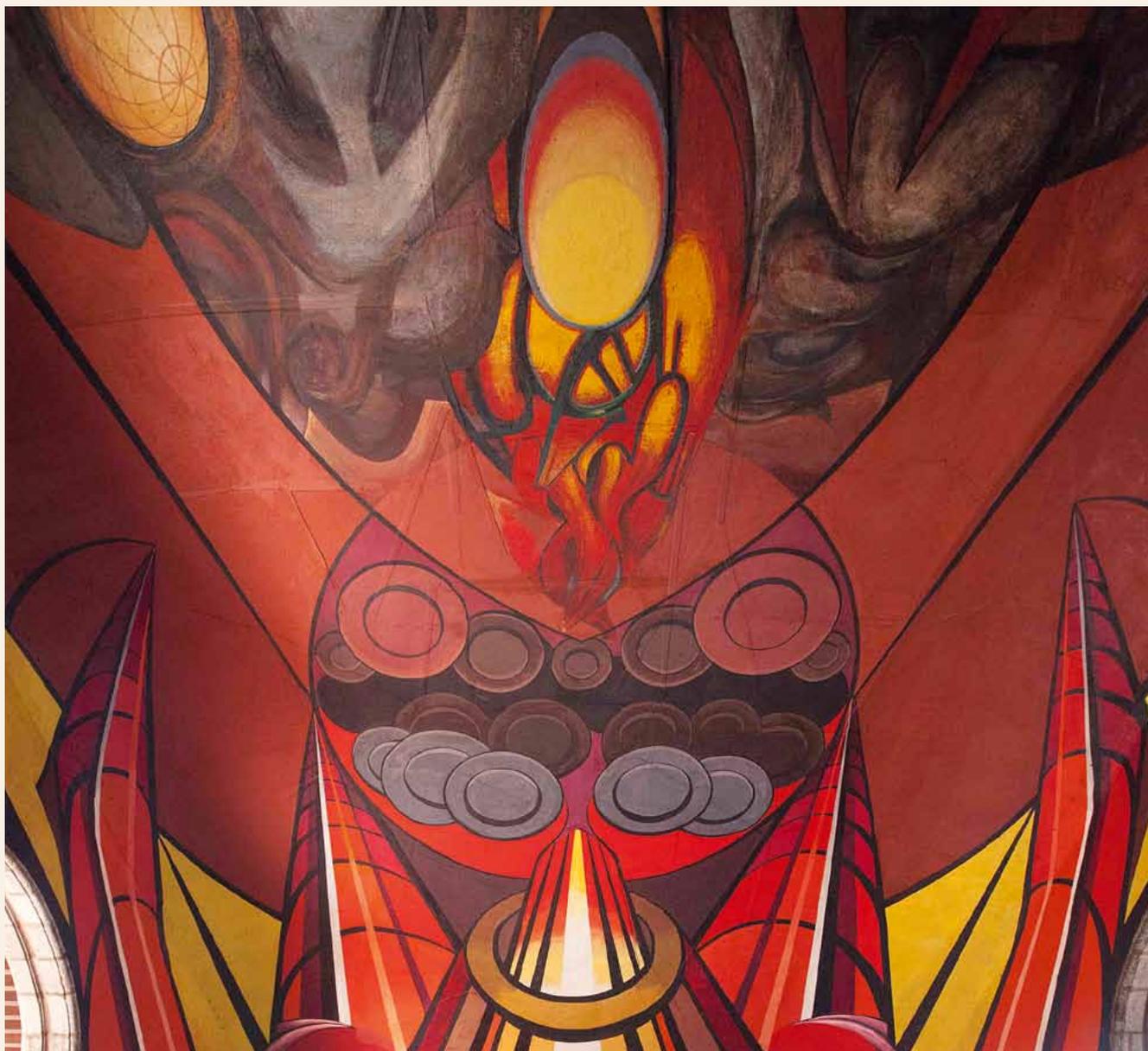
2 марта 2011 года госсекретарь США заявила прямым текстом: «Мы ведём информационную войну». Мы полагаем, что речь идёт о более масштабном явлении — о войне цивилизационных моделей, в которой действия американских структур являются лишь частью

картины. **Хотя формально атакам подвергаются конкретные политические режимы, элиты и бизнесы, настоящая борьба разворачивается за ценностно-смысловые ориентиры в предельной постановке вопроса (критерии добра и зла, понимание роли человека в мире и образ будущего).**

Та откровенность, в последнее время — на грани беспрецедентной наглости, с которой всем странам и народам навязывается «единственно верный» миропорядок, связана в первую очередь с чувством абсолютного превосходства и уверенности в том, что никто и нигде не способен противопоставить этой универсальной парадигме собственную модель ценностей и образа будущего, обеспечить трансляцию принципов этой модели в разных форматах, на разных уровнях — политическом, общественном, культурном, массмедийном, обеспечить её системную поддержку сообществом высокопрофессиональных государственных и негосударственных институтов.

Протестная социальная активность во всём мире отражает не только возможности мобилизации с помощью информационных технологий и феномен «виртуальной гиперсоциальности». Запрос на перемены (и готовность поддержать любого, кто предлагает перемены) вызван в том числе и реальным отсутствием адекватных ответов и стратегий по отношению к насущным проблемам со стороны традиционных институтов национальных государств. Это позволяет навязывать образ государства как врага для собственных граждан, в отличие от якобы демократичного и честного мира горизонтальных сетевых сообществ.

Поэтому в долгосрочной перспективе не «оборонительное» отстаивание суверенитета, а только создание конкурирующего «полюса смысла» — **создание и защита своей модели человека, общества, системы смыслов и ценностей** — способно дать России и другим государствам, не желающим поддерживать глобализационный миропорядок, шанс отстоять свою цивилизационную независимость.

/ Шамиль СУЛТАНОВ, президент центра стратегических исследований «Россия – исламский мир» /

Иллюстрации: фрагменты монументальных композиций Давида Альфаро СИКЕЙРОСА

Стратегическое мышление и организационное оружие

Человек — существо, способное, хотя бы иногда, осознанно принимать решения. Если взять за основу это утверждение, то можно выдвинуть следующий тезис.

Есть лица, принимающие решения (ЛПР), которые преимущественно оперируют фактами и предположениями. Процесс принятия решений при этом носит в основном реактивный характер, как, например, в уличной драке.

Вторая группа лиц, принимающих решения, большей частью оперирует не только фактами, но факторами и системами факторов. Мышление здесь имеет явно выраженный рефлексивный характер, однако ранг рефлексии ограничен. Например, мастер спорта по шахматам может просматривать на девять полуходов вперед, а гроссмейстер — на восемнадцать. Разница очевидна.

Наконец, третья группа лиц принимает решения, основываясь на собственных «картинах мира» или «моделях мира». Факты и факторы имеют смысл для таких ЛПР только в рамках этих картин мира. Процесс принятия решений здесь носит преимущественно креативно-рефлексивный характер с высоким рангом рефлексии, как у гроссмейстеров. Собственно,

— роста кризисного и конфликтного потенциала практически во всех сферах жизнедеятельности, обострения экономической, социальной, этнополитической, политической напряжённости во многих регионах мира, включая различные районы Российской Федерации;

— существенного усложнения внешнеполитических, дипломатических, социальных, информационных и т.д. коммуникаций в мире, расширения масштабов использования методов и технологий «умной силы» и т.д.;

— постепенного развёртывания спирали подготовки к большой глобальной войне.

I. ОРГОРУЖИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Один из наиболее эффективных способов борьбы с противником (как враждебной системой) заключается в том, чтобы: а) стимулировать усиление центробежных процессов внутри этой системы, а также б) способствовать

конфликтах различной интенсивности, во внутриполитической борьбе, при столкновении закрытых структур друг с другом и т.д.

Если конкретизировать, то оргоружие есть **система** согласованных по целям, месту, времени и цене информационных, идеологических, организационных, экономических, психологических, политических и т.д. воздействий на противника, заставляющих его переориентироваться на цели, неприемлемые для выживания.

Основные задачи оргоружия заключаются в том, чтобы дезориентировать поведение населения противника, усилить центробежные тренды в его социуме, обострить противоречия в системе его культурных кодов, навязать неприемлемые для его экономики программы развития, сформировать ситуативные социальные группы, которые будут требовать кардинального реформирования идеологических и политических интересов данного государства и т.п.

Еще более конкретно: «организационное оружие» — это создание и использование неформальных групп, нестандартных социальных и политических структур, институтов, объеди-

Оргоружие — система процедур, позволяющая переориентировать политику вражеского государства в требуемое русло без применения силы. Так определял Сунь Цзы суть этих особых технологий, которые представляют собой неотъемлемый компонент эффективной стратегии.

именно для ЛПР этой группы и при-
суще **стратегическое мышление: способность принимать решения, анализируя и прогнозируя динамику конкурирующих стратегий в рамках мозаичных «картин мира».**

Значимость стратегического мышления существенно возрастает в настоящее время в силу:

— резкого увеличения количества циркулируемой информации, объёма целенаправленной дезинформации и т.д.;

— усиления неопределённости практически во всех сферах жизни, начиная от экономики и кончая политической метафизикой;

деградации ключевых взаимодействий этой системы с его внешней средой. Для этого и используется организационное оружие.

Применительно к сфере межгосударственных отношений оргоружие — система процедур, позволяющая переориентировать политику вражеского государства в требуемое русло без применения силы. Так определял Сунь Цзы суть этих особых технологий, которые представляют собой неотъемлемый компонент эффективной стратегии. В настоящее время оргоружие активно используется не только на международной арене, но и при корпоративном взаимодействии, в сложных

взглядов, партий, движений для решения форс-мажорных, креативных задач в условиях высокого уровня неопределённости.

В любом случае главной предпосылкой эффективного использования организационного оружия является качество восприятия, глубина интеллектуального, политического внимания, присущие стратегическому мышлению соответствующего ЛПР. Это важно по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, если данное ЛПР не обладает стратегическим мышлением, то лучше ему вообще забыть об оргоружии. Иначе попытка его применения принесёт гораздо больше негативных

последствий, разочарований и ущерба, нежели позитивных результатов. «Хотели как лучше, а получилось...»

Во-вторых, речь идёт о политическом внимании и адекватном восприятии таких параметров «картины мира», как наличие или отсутствие стратегии противника или оппонента, качество такой стратегии и наличие в ней системных противоречий, специфика основных внутренних системных процессов, разрушающих стабильность вражеского социума, характер основных системных взаимодействий противника с внешней средой, в результате которых воспроизводится или деградирует устойчивость данной вражеской системы и т.д. Например, американские стратегические центры оценивают внутреннюю ситуацию в России как циклически развивающийся системный кризис. Высшая российская бюрократия делает наихудшее в этой ситуации — вообще не имеет согласованной точки зрения по поводу системного кризиса.

Традиционные бюрократические (государственные и корпоративные) институты исходят из того, что они лучше, чем кто-либо иной, знают, как решить любую сложную проблему. Поэтому вопросы адекватного восприятия ситуации и фиксации происходящих изменений чаще всего остаются на периферии этих институтов.

Следовательно, эффективное применение оргоружия требует т.н. нестандартных организационных структур. Речь идёт об институтах и механизмах, которые формируются исходя из критериев эффективного решения всё более угрожающей проблемы именно в данном месте и в данной ситуации. Такие оргструктуры прежде всего должны обращать внимание на масштабы динамической энтропии (неопределённости) в данной ситуации.

Высокий уровень неопределённости системы — государство, корпорация, конфликт и т.д. — характеризуется следующими индикаторами:

- отсутствие долгосрочной стратегии, продуцируемой управляющим ядром системы;
- возникновение и функционирование усиливающихся альтернативных

центров влияния, конкурирующих с управляющим ядром;

- усиление базовых внутренних системных противоречий, например, между региональной и экономической подсистемами, между этнонациональной и политической подсистемами, между социальной и идеологической подсистемами и т.д.;

- усиление воздействия внешних сил, активно поддерживающих определённые внутренние субъекты;

- растущее число внутренних подсистем, отказывающихся следовать формальным нормам взаимодействия внутри данного социума, и т.д.

Внешняя среда с высоким уровнем неопределённости характеризуется следующими системными компонентами:

- сложное и конфликтное взаимодействие большого количества игро-

ков (например, нынешний сирийский конфликт);

- реализуемые этими игроками стратегии часто противоречат друг другу;

- факторы, влияющие на динамику внешней среды, невозможно контролировать, и при этом ресурсы, которые могут быть использованы для оказания влияния, ограничены и т.д.

II. ОСНОВНЫЕ СУБЪЕКТЫ ОРГОРУЖИЯ

К использованию оргоружия прежде всего прибегают спецслужбы, тайные или закрытые организации, включая криминальные, специальные корпоративные структуры, временно сформированные чрезвычайные группы, созданные для разрешения некоей критической ситуации.

Одним из наиболее мощных и влиятельных таких субъектов являются наркокартели, и прежде всего — т.н. «евразийская наркосистема», занимающаяся производством и продажей героина на евразийских рынках. Самый эффективный вид оргоружия, которое использует «евразийская наркосистема», — целенаправленная коррупция государственных структур тех стран, через которые проходят наиболее важные наркотрафики и где находятся основные рынки сбыта. В результате очень часто происходит фактическая интеграция политических и силовых структур этих стран в наркосистему. По некоторым оценкам, ряд государственных институтов Афганистана, Киргизстана и Таджикистана уже превратились в важные компоненты этой системы. С этой наркосистемой тесно сотрудничает целый ряд спецслужб, в том числе и две американские.

Существенный опыт использования оргоружия накоплен различными масонскими организациями. И здесь самая эффективная технология заключается в осуществлении масштабного контроля над кадровой политикой.

В 2012 году значительную роль в избрании Франсуа Олланда президентом Франции сыграла одна из самых влиятельных масонских структур в мире — «Великий восток Франции». Причём Олланд — не только французский президент, но и один из ключевых лидеров Социалистического интернационала. А Социнтерн — существенный компонент в глобальной структуре мирового сионизма.

В результате влиятельные представители этой ложи стали министрами ключевых министерств французского правительства. Нынешний министр внутренних дел Манюэль Вальс является членом масонской организации «Великий восток Франции» ещё со студенческих лет. Министр юстиции Кристиан Тобира принадлежит к Великой женской ложе Франции. Министр обороны Жан-Ив Ле Дриан, также как М. Вальс, уже давно входит в состав той же ложи «Великий восток Франции». Министр заморских территорий Викторен Люрель состоит в этой же закрытой организации ещё с 1980-х годов. Другие авторитетные в своей среде масоны также получили своё. Министром труда стал Мишель Сапен, а министерство бюджета возглавил Жером Каюзак, ответственным по связям президентской администрации с парламентом был назначен Ален Видали...

В. Люрель во время президентской кампании сопровождал ещё кандидата Олланда на закрытое собрание «Великого востока Франции», где будущий президент выступил с очень интересной речью, которая не предназначалась для широкой публики. Эта масонская ложа, используя свою разветвлённую сетевую структуру, которая особенно влиятельна в полиции и на уровне местных муниципалитетов, сыграла, возможно, решающую роль в победе Олланда.

Другим примером эффективного субъекта оргоружия является полузакрытое, но одновременно массовое

движение Фетхуллы Гюлена в Турции. Это движение сыграло ключевую роль в массовых социальных протестах в Турции летом 2013 года, направленных против премьера Реджепа Эрдогана. Организация Гюлена смогла в решающий момент в течение нескольких часов мобилизовать свыше ста тысяч своих сторонников на оппозиционный митинг на площади Таксим в Стамбуле. Опять-таки, за последние десять лет гюленисты резко усилили своё кадровое присутствие на разных уровнях турецкой полиции и жандармерии.

Одной из практических технологий применения оргоружия западными спецслужбами является использование официальных дипломатических групп, направляемых в те или иные кризисные регионы, для сбора первичной информации и проведения кадровой оценки ситуации.

Во время президентских выборов в Таджикистане (2006 г.) и президентских и парламентских выборов в Киргизстане (2005 и 2007 гг.) в эти страны приезжали огромные наблюдательные комиссии по линии ОБСЕ. Если официальная делегация из России состояла из 10–15 человек, то делегация из ОБСЕ включала в себя несколько сотен человек, в том числе бывших высокопоставленных дипломатов и военных, сотрудников западных спецслужб — действующих и в отставке и т.д. На время пребывания, например, в Таджикистане делегация разделилась на несколько десятков небольших групп, которые направились во все без исключения районы страны. Каждая группа имела стандартный опросный лист, насчитывающий более сотни вопросов. Среди этих вопросов особое внимание уделялось оценке кадровой ситуации на местах.

III. ОРГОРУЖИЕ: ИНФОРМАЦИОННАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Для стратегического мышления информационная война — широкомасштабное использование белой, серой и чёрной пропаганды с целью создания

искусственно сконструированной картины мира. Эта модель жёстко и тотально навязывается целевой аудитории таким образом, чтобы кардинально изменить или полностью подавить конкурирующую картину мира.

Примером наиболее масштабной информационной войны за последние десятилетия стало применение оргоруужия в этой сфере против Советского Союза в 1986–1991 годах. В качестве инструментов были использованы заранее сформированные или кардинально переформатированные внутренние советские СМИ. Одновременно началась резкая активизация целевых средств массовых коммуникаций: формирование и развёртывание широкомасштабной деятельности правозащитных организаций, различных культурных, интеллигентских и т.д. клубов и наци-

Психологическая война — это ещё более особый феномен проявления оргоруужия. Режиссёры и менеджеры конкретной психологической войны используют в основном только серую и чёрную пропаганду, занимаются созданием и распространением целенаправленных ложных фактов, слухов и в основном ориентированы на прямую дискредитацию лидеров противника и т.д. Главная задача психологической войны — не навязывание альтернативной картины мира, а разрушение существующей у общества противника целостной модели мира, максимальная дезорганизация социума, формирование волн паники, деморализация основных институтов противника, создание полного недоверия основных групп населения к существующей власти.

значительные ресурсы своего оргоруужия для обеспечения военной операции. Конечно, основным стала технология кадрового обеспечения. В предшествующий период американские спецслужбы вышли на контакты с рядом ведущих генералов саддамовского режима, многие из которых были достаточно легко завербованы. По некоторым оценкам, на это Пентагон потратил около 25 миллионов долларов. Именно «специальная кадровая работа» сыграла важную роль в том, что военная операция по оккупации страны стала настолько скоротечной, а большая часть иракской армии фактически и не сопротивлялась наступающим американским частям.

Но на фоне негативного отношения международного сообщества к планируемому вторжению в Ирак Совет национальной безопасности

Сталин фактически предвосхитил многие позднейшие идеи общей теории систем по поводу создания целевых сложных многофункциональных организаций, включая новейшие системные представления о генетическом проектировании.

оналистических движений, всё более частое проведение митингов и забастовок и т.д. Ещё одним из важных компонентов этой информационной войны стала целенаправленная работа (в которой активно участвовали и американские спецслужбы) по распространению слухов, особенно в последние два года существования Союза. Хотя работа со слухами — во многом компонент психологической войны.

Активную информационную войну вёл телеканал «Аль-Джазира» во время египетских событий 2011 года. Политическая связка *высшая катарская элита — движение «Братья-мусульмане»* существует несколько десятилетий. И Доха активно использовала для поддержки своего союзника этот канал в качестве оргоруужия. Говоря о действительных промоутерах этой войны, надо учитывать, что Катар является ценным партнёром Вашингтона на Ближнем Востоке. В стране находится важная американская военная база, здесь расположены ближневосточная резиденция ЦРУ и региональный филиал «Рэнд корпорейшн».

Наиболее часто психологическая война используется по мере нарастания регионального или внутринационального кризиса, в преддверии прямых военных столкновений, а также во время войны.

Во время военных действий в Афганистане Министерство обороны СССР, и в частности ГРУ, развернули психологическую войну против моджахедов. Москва сформировала специальную группу, в которую вошли специалисты по различным аспектам психологической войны. Была создана специальная сетевая агентурная группа из числа местного населения, которая занималась мониторингом настроений населения в различных афганских провинциях, распространением специально создаваемой информации и т.д. Активно использовались приёмы чёрной пропаганды, например, выпуск газет якобы от имени различных повстанцев. Планировались и запускались специальные кампании слухов и т.д.

Накануне вторжения в Ирак в 2003 году американцы задействовали

США спланировал и провёл в преддверии прямого силового вторжения массивную психологическую войну по максимальной дискредитации Саддама Хусейна.

В этой подрывной акции американцы сделали акцент на создание образа иракского лидера как: а) спонсора и промоутера международного терроризма и б) руководителя страны, которая уже обладает ядерным оружием и готова его использовать в любой момент. Разведсообщество США привлекло к проведению такой психологической войны некоторых своих союзников, использовали своих высокопоставленных руководителей (Пауэрс) и западных партнёров в ООН, использовали втёмную некоторых своих же дипломатов. В целом задача была решена: Саддам Хусейн, оставшись без глобальной поддержки и оказавшись в международной изоляции, полностью проиграл психологическую войну.

Когда же через несколько месяцев обнаружилось, что все инсинуации в отношении свергнутого иракского

лидера оказались циничной ложью, американцы даже не стали оправдываться. «Победителей не судят!»

По мере нарастания того или иного кризиса приёмы и технологии информационной и психологической войны часто комбинируются.

IV. ЭФФЕКТИВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И ОРГОРУЖИЕ

Для эффективной реализации политических стратегий, особенно в острокризисные периоды, требуется применение креативных технологий оргоружия.

Прежде всего необходима особая модель системообразующей политической структуры, учитывающая требования «конкретного места и конкретного времени». Так стратегическое мышление Сталина сформулировало метафорическую идею использования модели **ордена меченосцев** для: а) кардинального реформирования большевистской партии в условиях продолжающегося системного кри-

зиса в СССР и на фоне неизбежной Второй мировой войны и, одновременно, б) создания базового механизма для реализации «красного проекта».

Креативная метафора Сталина зародилась исходя из исторического опыта большевистской партии, которая до революции была очень специфической структурой, включавшей в себя такие разные компоненты, как конспирологическое политико-идеологическое ядро, подпольную организацию, легальную парламентскую структуру и т.д. Сталин фактически предвосхитил многие позднейшие идеи общей теории систем по поводу создания целевых сложных многофункциональных организаций, включая новейшие системные представления о генетическом проектировании.

Основные требования к модели принципиально новой системной организации как «ордена меченосцев» заключались в следующем:

1. Многослойная, эшелонированная, иерархическая организация строго мобилизационного типа.

2. Особая роль политического ядра в такой организации.

3. Своего рода щупальцами такой особой политической организации в многоукладном советском социуме должны были стать профсоюзы, комсомол, органы народного контроля и т.д.

4. Именно советский «орден меченосцев» должен был формулировать и реализовывать общенациональные идеологические задачи.

5. Для такой организации должна быть характерна личностная и групповая жертвенность, наличие героического ареопага и механизма массового создания героев.

Сегодня вновь одна из главных стратегических задач для руководства России заключается в формировании организационного потенциала для мобилизационной консолидации социума, чтобы противостоять быстро надвигающейся волне новых опасных рисков и вызовов. В рамках этой задачи первостепенно важно скорейшее реформатирование и объединение российской политической элиты.

На самом деле трагедия сегодняшней России в том, что в стране отсутствуют действительно массовые и эффективные мобилизационные структуры, работающие в долгосрочных государственных интересах. Это означает, что в случае возникновения острой чрезвычайной ситуации нельзя будет задействовать социально-политический механизм, способный противостоять массовой панике и масштабной социальной дезорганизации. Например, летом 2010 года в Москве и близлежащих регионах сложилась такая ситуация, когда даже незначительное использование противником соответствующего оргоружия могло привести к предельно драматическому внутреннему кризису.

V. ОРГОРУЖИЕ В УСЛОВИЯХ РАЗЛИЧНЫХ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ

В определённом смысле жизнь человека, корпорации или страны состоит в постоянном переходе от одного кризиса к другому. Другое дело — осознаётся этот процесс или нет.

Есть сотни классификаций кризисов и конфликтов. Однако в прикладном смысле в любой сфере человеческой жизнедеятельности важно сформировать и в дальнейшем учитывать конкретный классификатор кризисных ситуаций с учётом двух наиболее значимых параметров: уровень интенсивности кризиса и степень контролируемости или неконтролируемости кризиса. Это во-первых.

Во-вторых, стратегическое мышление требует формирования особой кризисной группы для выработки возможных комбинационно-рефлексивных ходов в условиях нарастающего кризиса.

В-третьих, для каждого конкретного кризиса (например, того, который разворачивается на Северном Кавказе) требуется особая модель координации и взаимодействия различных государственных институтов.

В-четвёртых, необходимо заранее предусмотреть креативные технологии оргоружия для разрешения системных

противоречий, которые обязательно будут возникать в процессе развития кризиса.

В-пятых, необходимо заранее исходить из того, что стратегически мыслящий противник, будь это в корпоративной, политической или международной сферах, чаще всего будет исходить из концепции «управления или подталкивания кризиса». Например, специальные этнические подразделения военной разведки Великобритании в 2005 году активно занимались разжиганием суннитско-шиитских противоречий в Ираке. В суннитских районах Багдада они взрывали или поджигали шиитские мечети, а в шиитских районах — суннитские.

Оперативная задача заключалась в том, чтобы не допустить создания единого исламского фронта сопро-

тивления западной оккупации. Однако более важной была другая метастратегическая цель — стимулировать долгосрочную и глобальную межсектантскую конфронтацию в исламском мире, не допустить исламской консолидации на антизападной основе.

Наконец, в-шестых, планирование антикризисных стратегий должно исходить из того, что долговременные конфликты и кризисы в принципе не могут быть разрешены за короткий срок.

VI. ОРГОРУЖИЕ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Нынешнее оргоружие даёт возможность переносить акцент политической конфронтации с международного уровня на внутринациональный. Для этого

чаще всего используются следующие направления действий:

- создание условий для внешнего управления потенциальными экологическими катастрофами, рефлексивное подталкивание межнациональных, межрелигиозных и межсектантских конфликтов, целенаправленное внешнее стимулирование негативных экономических трендов;
- поставка неадекватных информационных технологий, которые способны вызывать управленческий хаос на определённой стадии кризиса;
- внедрение в социум противника нежизнеспособных организационных форм и структур, продуцирующих принципиально неразрешимые конфликтные ситуации;
- внедрение моделей поведения, противоречащих национальным тра-

дициям, мироощущению данного социума, стирающих историческую память общества, вызывающих постепенную нравственную деградацию.

Специальные технологии оргоружия используются для формирования вялотекущих центробежных процессов, направленных на постепенное вымывание ресурсов противника, вынуждают его постоянно тратить средства на ликвидацию последствий значительного числа взаимообуславливающих друг друга системных болезней.

VII. ОРГОРУЖИЕ И «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Т.н. «цветные революции» — это использование системы специальных «ненасилственных» технологий для управляемой дестабилизации того или иного слабого государства, создания в нём зоны «управляемого хаоса» с целью его дальнейшего распространения на весь социум и всё государство. Ключевой момент заключается в том, что **«цветная революция» может успешно произойти только в стране, которая уже охвачена системным кризисом.**

Основные цели применения оргоружия в данной операции достаточно стандартные: усиление системных противоречий, целенаправленное обострение кризисных тенденций в жизненно важных сферах общества, деморализация сил правопорядка, привлечение на свою сторону активного большинства общества, нейтрализация и компрометация основных центров управления противника.

Уникальная особенность «цветной революции» заключается в том, что оргоружие позволяет переводить (пусть на время) системный кризис в форму «кардинальной социальной самоорганизации общества», которая позволяет далее легитимно вмешиваться внешним силам. В этом суть феномена «управляемого хаоса».

Практическая реализация этого оргоружия сводится к следующему. Сначала необходимо оценить и понять структурные особенности системы, нацеленной к управляемой деструкции.

Потом выявить существующие в ней внутренние напряжения. И, наконец, приложить к этой системе то самое «малое усилие, которое вызовет значительные разрушительные последствия».

Основной источник такого усилия — системный набор определённых идеологических и ценностных представлений, который можно сравнить с компьютерным вирусом, реорганизуя конфликт внутрисистемных напряжений в желательном для субъекта оргоружия направлении. Об этом откровенно пишет известный Стивен Манн: «С этим идеологическим вирусом в качестве нашего оружия США смогут... выбирать исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека. С масштабными американскими преимуществами в коммуникациях и увеличивающимися возможностями глобального перемещения вирус станет самовоспроизводящимся...»

VIII. НЕОБХОДИМЫЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРГОРУЖИЯ

1. Кадры. Главной предпосылкой использования оргоружия являются соответствующим образом обученные и подготовленные новые элитные группы.

Американский истеблишмент инвестирует значительные средства в формирование нужных для своей долгосрочной стратегии иностранных элитных групп. Эти группы проходят специальное обучение в американских университетах. Соответствующие гранты распределяются как государственными (USAID), так и частными фондами (Fulbright, IREX) в рамках скоординированной внешнеполитической стратегии. Затем потенциальные лидеры получают возможность продолжить сотрудничество с различными специализированными институтами в рамках разработки и продвижения собственных конкретных национальных проектов.

Так, в начале 90-х гг. в Восточной и Центральной Европе «новая элита» проводила демократические и рыночные реформы, опираясь в основном на американские аналитические центры. В 2000-х годах «новые кадры» начали реализовывать т.н. демократические проекты на постсоветском пространстве. Бывший президент Литвы Вальдас Адамкус большую часть своей жизни провёл в США. А нынешний глава литовского государства Даля Грибаускайте в 1991 году участвовала в американской программе по подготовке кадров в Институте международных экономических отношений Джорджтаунского университета. М. Саакашвили, президент Грузии, активно сотрудничал с Международным республиканским институтом, а Г. Каспаров — с американским Центром безопасной политики, являясь членом его Консультативного совета по национальной безопасности.

«демократическая система», «права человека». Целая система, включающая межправительственные организации (ОБСЕ, система Всемирного банка и т.д.) и международные СМИ, работает над развитием ключевых идеологических брендов американской модели.

4. «Финансовый капитал». Вашингтон демонстрирует готовность оказывать финансовую помощь и делать инвестиции в «правильно развивающиеся страны». Бывший президент Колумбии Альваро Урибе, который прямо противостоял Венесуэле, являлся одним из главных получателей американской финансовой помощи в Латинской Америке. На постсоветском пространстве таким ключевым бенефициаром в течение длительного времени являлся режим Саакашвили. Только на преодоление последствий военных столкновений 2008 года США выделили Тбилиси более миллиарда долларов.

Пекин демонстрирует максимальную толерантность к своим партнёрам по вопросам их внутренней и внешней политики.

По всему миру при более чем в ста университетах — среди них около тридцати только в США — учреждены специальные Конфуцианские центры, создающие культурно-языковой плацдарм для китайского проникновения. В Юго-Восточной Азии Пекин прямо перешёл к формированию элитных групп, прямо или косвенно интегрированных в проект «Большой Китай». Нынешнее поколение политиков, находящихся у власти, например, в Лаосе или Кампучии, а также их дети, получило или получает образование в Китае. Интересы их семей настолько связаны с КНР, что даже свои отпуска они проводят на китайских курортах.

Пекин делает ставку на долгосрочные экономические интересы властных групп, в том числе и оппозиционных,

Куба в своё время была «Грузией» в контексте применения советского оргоруужия, поскольку через Кубу распространялась социалистическая волна по Латинской Америке (Никарагуа, Сальвадор).

2. «Моральный капитал». Курируемые американской элитой политики получают устойчивый имидж «демократических лидеров» вне зависимости от того, насколько их действия соответствуют этому понятию. Так, например, бывший, полностью проамериканский президент Колумбии Альваро Урибе считался Вашингтоном «одним из наиболее демократических президентов Латинской Америки», несмотря на организованные им политические убийства, сомнительные изменения конституции в свою пользу и фальсификации выборов. Таковыми же имиджевыми преимуществами пользуются сторонники Вашингтона в других регионах: от Саада Харири в Ливане до Саакашвили в Грузии и Карзая в Афганистане.

3. «Идеологический капитал». Основными брендовыми продуктами идеологического механизма глобальной американской корпоративной модели являются «рыночная экономика»,

5. «Коалиционный потенциал». Режимы, возглавляемые целенаправленно подготовленными и обученными кадрами, Вашингтон использует для реализации своих долгосрочных стратегических задач. Так, Колумбия стала опорным пунктом для реализации «Патриотического плана», охватывающего андские страны, а также для лоббирования проекта Всеамериканской зоны свободной торговли. Осуществлялась попытка превратить Украину и Грузию в плацдармы для «цветных революций» на постсоветском пространстве, а также для создания санитарного кордона (ГУАМ, «Восточное партнерство») вокруг России. По аналогии, Куба в своё время была «Грузией» в контексте применения советского оргоруужия, поскольку через Кубу распространялась социалистическая волна по Латинской Америке (Никарагуа, Сальвадор).

6. Стратегия китайского оргоруужия основывается на ключевом тезисе — «с нами выгодно иметь дело». При этом

договариваясь и эффективно сотрудничая с различными типами режимов. Так, хотя в результате переворота в Таиланде влиятельный премьер Таксин Чинават (сам наполовину китаец) был отстранён от власти, но отношения Пекина с Бангкоком не пострадали.

Однако привязка своего влияния к экономическим аспектам сотрудничества таит для Китая ряд ограничений.

Когда экономическое сотрудничество ударяет по интересам местного населения, эффективность китайского оргоруужия существенно падает. Характерным примером является африканское сельское хозяйство. Китай инвестирует в долгосрочную аренду или покупку земельных участков для выращивания продовольствия. В частности, в Конго по соглашению с правительством Пекин создал самую большую пальмовую плантацию в мире — 2,8 млн га, что привело к вынужденному переселению проживавших на этих территориях крестьян,

соответствующим конфликтам и консолидации оппозиции на антикитайской основе.

Другим элементом формирования негативного отношения к Пекину является широкомасштабное использование китайской рабочей силы. Так, в Африке только в сельском хозяйстве трудится более миллиона китайцев.

Экономическая доминанта международной экспансии КНР является одновременно и причиной значительных рисков для китайского оргоруужия. Неслучайно в Африке активно распространяется тезис о «жёлтом колониализме».

IX. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Оргоруужие — традиционный и необходимый элемент эффективного стратегического мышления. Многие методы и технологии оргоруужия, под другими

названиями, использовались в течение столетий.

В условиях углубления глобального системного кризиса выживаемость наций и государств зависит, прежде всего, от эффективности реализуемых стратегий и эффективности стратегического мышления.

Качество стратегического мышления во многом определяется, во-первых, способностью использовать новые креативные технологии и процедуры оргоруужия, а во-вторых, способностью противодействовать организационному оружию противника оптимальными в политическом и экономическом смысле средствами.

По мере развёртывания спирали глобальной системной конфронтации значимость методов, процедур и технологий оргоруужия будет только непрерывно усиливаться. Однако проблема в том, что в России отсутствуют соответствующие кадры. Более того,

нет даже ясного понимания особой важности подготовки штучных высококлассных специалистов по оргоруужию.

Долгосрочная выживаемость России, повышение её системной конкурентоспособности зависит от качества стратегического мышления её элиты.

Оргоруужие — важное и необходимое средство для мобилизационной консолидации многоукладного российского социума в преддверии серьёзных глобальных потрясений уже в среднесрочной перспективе.

Необходимо исходить из того, что противники Российской Федерации будут всё чаще использовать оргоруужие, особенно против высшего руководства страны.

Эффективное противодействие противнику требует практического знания новых, инновационных методологий, технологий и методов организационного оружия.

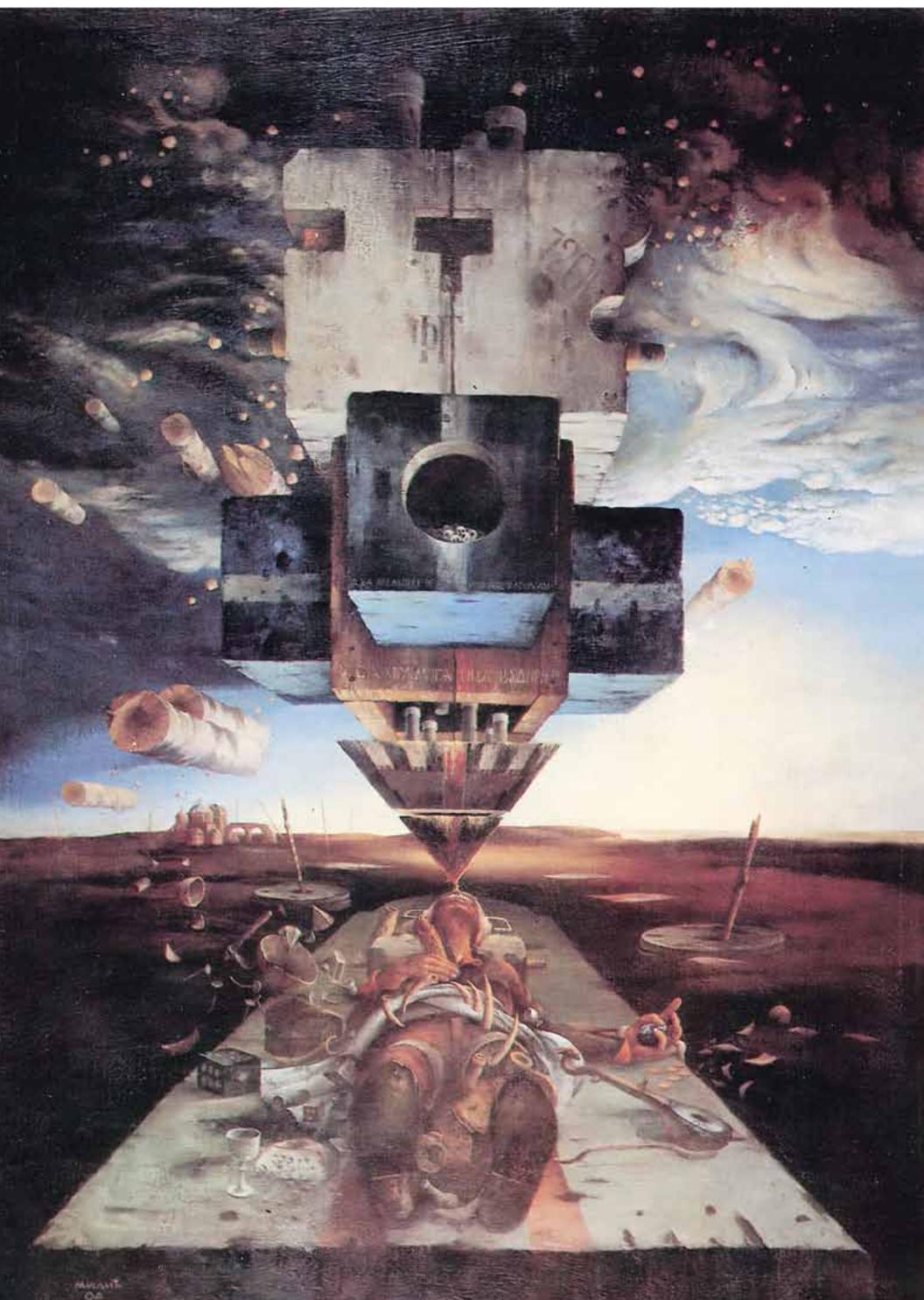

/ Валерий КОРОВИН, директор Центра геополитических экспертиз /

Иллюстрации Милича ОД МАЧВЕ

Россия в сетевой войне

В XXI веке наши враги создали против нас новое оружие – теперь, после стольких безуспешных попыток завоевать Россию, Запад ведёт против нас *сетевую войну (Netwar)*. Нет, это не война в сети Интернет, с его «хакерами», вирусами и «взломами», хотя и Интернет порой становится инструментом сетевой войны.

Сетевые войны – это новейшая *военная* разработка Пентагона, позволяющая осуществлять захват территории и одержать победу над противником без использования обычных вооружений¹. Средой для ведения сетевых войн является современное информационное общество, сформированное в постмодерном информационном пространстве. (Постмодерн здесь понимается как мировоззренческая парадигма эпохи постиндустриального общества.) Результатом же этих войн должна быть полная военная победа над врагом ещё до начала «сражения». Хотя, собственно, самого сражения как такового, в привычном для нас понимании, не происходит. Оно осуществляется «в сумраке», незаметно для глаз обычных людей, для непосвящённых.

Сетевая война, называемая также *войной шестого поколения*, – это технология победы в ситуации, когда противник даже не в состоянии воспользоваться своим вооружением, в том числе

¹ Cebrowski, Arthur K. and John J. Garstka. Network-Centric Warfare: Its Origins and Future. U.S. Naval Institute Proceedings, January 1998.

ядерным арсеналом. Война ведётся настолько незаметно, а победа настолько стремительна, что никакое, даже самое современное оружие и военная техника не находят в ней себе применения. Смена правящих режимов, «цветные революции», установление контроля над пространством и изменение общественного сознания масс — вот лишь некоторые результаты сетевых операций, ведущихся как «до», так «во время», и после того, как факт самого «события» можно признать свершившимся. Сетевые войны ведутся как против врагов, так против друзей и нейтральных сил, формируя поведение и тех, и других, и третьих, в ситуации мира, кризиса и войны². Это выигрыш битвы ещё до начала сражения.

Сегодня центром воспроизводства сетевых стратегий является Пентагон, т.е. именно военное ведомство, основным заказчиком — правительство Соединённых Штатов Америки. И битва идёт за мировое господство, поэтому ставки максимально высоки. Сетевая война идёт в данную секунду, её участником становится каждый включённый в «сеть», и ведётся она против нас.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ДУБЛЬ: СЕТЕВОЙ ОТВЕТ

Новый тип войны стал возможен тогда, когда изменение типа мышления начало происходить в сознании масс, что повлекло за собой смену парадигм развития общества. Реагируя на происходящие события, меняющие картину мира, такие, например, как Арабская весна, мы ищем ответы, которые лежат в рамках подготовки к прошедшей войне. То есть мы, что становится всё бо-

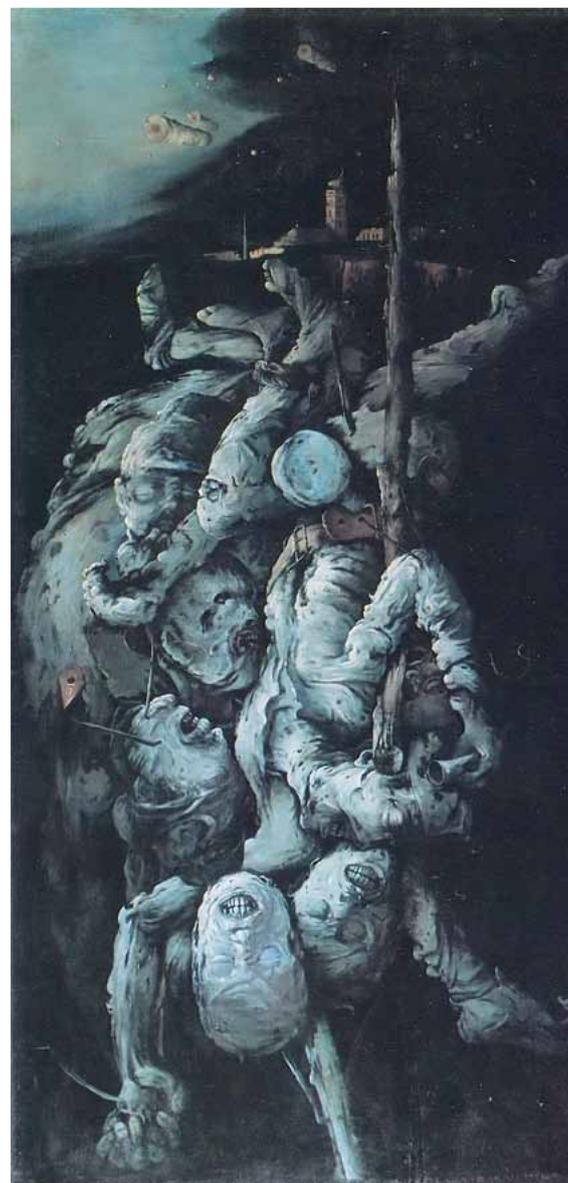
лее очевидным, абсолютно не готовы к тому, что структура общества изменилась от иерархической к сетевой. А соответственно поменялся и сам тип современного мышления и поведения.

Для ставшего теперь уже архаичным сознания эпохи модерна и общества, которое привыкло к иерархичному структурированию любых действий, явлений, процессов и к такому же иерархичному объяснению этих явлений, новые сетевые подходы являются пока чем-то сродни радиации. Их совершенно не видно, но они разрушают всё вокруг. И самое главное, иерархичному сознанию совершенно непонятно, каким образом бороться с этой новой угрозой. Явление сетевого общества, с которым мы сталкиваемся сегодня повсеместно, для человека с иерархичным сознанием, сформированным в контексте доминирования рационального логоса, это что-то необъяснимое. И именно это рациональное сознание плодит множество конспирологических версий, вариантов объяснения происходящих событий, которые всё равно как электромагнитная волна, как ультразвук, как что-то невидимое пересекают границы традиционных архаичных обществ, распространяя конкретное геополитическое доминирование на всё новых территориях, в интересах главного заказчика глобальных мировых процессов. Одно за другим государства, народы, целые регионы переходят под контроль единственной на сегодня гипердержавы — США, в то время как противостояние этому процессу как раз лежит в рамках поиска каких-то рациональных, логичных объяснений и заведомо устаревших ответов.

Понять современный политический процесс без знания

Сетевые подходы являются пока чем-то сродни радиации. Их совершенно не видно, но они разрушают всё вокруг. И самое главное, иерархичному сознанию совершенно непонятно, каким образом бороться с этой новой угрозой.

основных принципов сетевых технологий невозможно. Политическая элита России теряет рубеж за рубежом именно потому, что упускает из своего внимания эту авангардную форму организации и экспансии.

² Smith, Edward. Effect-Based Operations. Applying Network-centric Warfare in Peace, Crisis and War. Washington, DC: DoD, CCRP, 2002.

Итак, центральным понятием в глобальном противостоянии эпохи постмодерна является сеть (Network). Сеть — это в данном случае децентрализованная форма организации, объединяющим фактором которой становится *общее информационное поле*. Элементом такой сети может быть как человек, так и группа людей, объединённых по любому признаку. Американская сеть претендует на глобальность, поэтому пытается включить в себя полный спектр проявлений социальной организации, создавая единую для всех информационную среду. Здесь и националисты, и коммунисты, и либералы, и христиане, и мусульмане, различные инициативные группы. Основная цель такой сети — дублирование институтов традиционного иерархического общества, охватывание всех его проявлений, чтобы его всегда можно было запрограммировать новыми смыслами, скорректировать политический выбор, подчинив его себе.

На основе атомизированно-го гражданского общества сеть

создает дубль основных институтов общественной активности, чтобы противопоставить его власти, которая в эту сеть не входит, т.к. по своей сути иерархична. В каком-то смысле сеть является эффективным инструментом разрушения, плодя сетевые центры внутри самого общества. Ведь сети не интересно, являются ли носители её энергии в действительности коммунистами, христианами или спортсменами. Ей интересно, что конкретный носитель объединяет вокруг себя людей и в нужный момент способен выполнять деструктивную для его большого социума функцию. Врагами сети являются режимы, отрицающие открытое сетевое общество, ибо только в его рамках она может существовать. Страны, которые встали на пути сети, обычно вскоре наблюдают у себя активизацию «оранжевых» прозападных сил, активизацию сторонников гражданских свобод, а порой и вооружённый мятеж, влекущий внешнее военное вторжение в свою страну. Самое малое, что ждёт государства, бросившие вызов сети, экономические санкции.

Поскольку сеть является дублем, подделкой подлинной социальной активности, то и все её действия симулятивны. Так, лейтмотивом «бархатных революций» является симуляция нелегитимности власти, её отрыва от гражданского общества. Так называемое «мировое сообщество» не интересует, есть ли реальный разрыв между властью и народом. В своих выводах оно прекрасно использует симуляцию расхождений между сетью, окутавшей гражданское общество, и иерархичными структурами власти.

Путём подмены понятий Путин, например, становится, по мнению сетевой оппозиции, — диктатором, а прозападные или нейтральные по отношению к Западу силы в России обретают статус жертв тоталитарного режима. При этом даже если в обществе существуют реальные жертвы режима, их интересы тонут в потоке симуляций, девальвируясь и в итоге переставая привлекать к себе интерес.

Американский политтехнолог и общественный деятель Джинн Шарп в своём труде «От диктатуры к демократии» описал массу способов симуляции нелегитимности антизападной власти³. Здесь и белые блузки протестующих девушек, на которых лучше видно кровь, и подделка паспортов и денег, и прямой саботаж и диверсии — всё это вполне технологично и оправданно. Если помнить о конечной цели — глобальном контроле.

Американская сеть работает против России по методам Шарпа до тех пор, пока ненасильственные методы приносят результат. Задача так называемой «болотной оппозиции» — обозначить ключевых лидеров, посредством которых Запад мог бы легко манипулировать всем оппозиционным движением, направляя его.

Основой учения Джина Шарпа является ненасильственный фактор сопротивления, который приоритетен, т.к. гораздо более деструктивен, ведь он играет с легитимностью, в отличие от насильственного, который воздействует на легальность⁴. Когда сеть наступает на закон, то власть имеет полное право пресечь её действия. Но именно на грабли легитимности наступают сами российские власти всякий раз,

³ Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения // From Dictatorship to Democracy: A Conceptual Framework for Liberation, М.: Новое издательство, 2012.

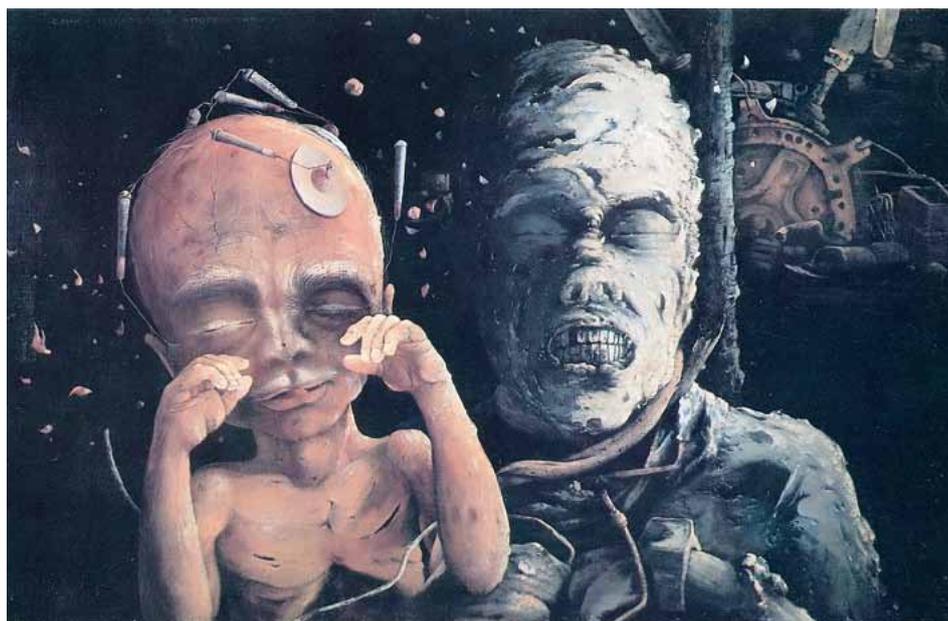
⁴ См. Дугин А. «Легальность и легитимность» // Основы геополитики, М.: Арктогея, 2000.

когда противопоставляют симулякру гражданского общества реальных сотрудников правоохранительных органов, представляющих властную иерархичную вертикаль. Вместе с тем грамотно созданная сеть молодёжных политических движений вполне смогла бы так же мобилизовать гражданское общество, как и американская сеть, только в интересах государства и на основе реальных идей. Использование своих сетей для нейтрализации сетевых протестов позволило бы сохранить легитимность власти, и тогда говорить о запросе общества можно было бы уже на серьёзных политико-технологических основаниях. На их сеть необходимо отвечать своей сетью, на симуляцию — реальной идеологией.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СЕТЕВОЙ ВОЙНЕ

Основным инструментом ведения сетевой войны является информационная сеть. Наиболее наглядным примером, своего рода моделью сетевой жизни является сеть Интернет, однако сетевая война — это отнюдь не только война в пространстве Интернета (online). Сеть может быть социальной (off-line), состоящей из живых людей или даже организаций. Передача информации от персонала к персоналию, от родственника к родственнику, от сотрудника к сотруднику, от издания к изданию — суть *прокачки* информации по сети. При этом важен источник этой информации, по нему можно определить заказчика, т.е. понять, в чьих интересах действует сеть. Аккумуляция энергии сети начинается в тот момент, когда возникает обратная связь. С помощью определения движения этой энергии можно достигать желаемого эффекта — от социальной дестабилизации и волне-

ний до гражданского конфликта и смещения действующего режима, с последующим перехватом политической инициативы.

Говоря о сетевой войне, мы в первую очередь говорим об атлантической сети. То есть об американской сети на евразийском континенте, потому что на сегодня существует только такая сеть. Обратной сети не существует — на американской территории нет евразийской сети. Есть только атлантическая сеть. Узлы этой сети представляют собой любые по размеру группы активных пассивных, интеллектуальных, или не очень интеллектуальных, людей с любыми идеями. Узлом сети может являться группа начиная от двух-трех человек, либо какой-то кружок, либо какая-то структура по изучению чего угодно — традиционных, фольклорных музыкальных инструментов, занимающаяся написанием и изданием какого-нибудь фэнзина, изучения и коллекционирования марок. Любая социально активная группа сможет стать узлом, элементом сети, если она будет правильным образом ангажирована и настроена.

При осуществлении сетевой агрессии формальные признаки

независимости и суверенитета субъекта, в действительности поставленного под контроль внешнего управления, могут сохраняться. Управление субъектом — государством, этносом, народом, общественной организацией или иной структурой — происходит не напрямую, а путём формирования граничных условий, вынуждающих субъект действовать в интересах врага. Средство — формирование поведения друзей, врагов, нейтральных сил с использованием непрямого воздействия. Отсутствие системы прямых указаний, не прямое финансирование, имитация спонтанности — благодаря этому стилю давление осуществляется подспудно, косвенно. Результат — превращение субъекта, формально ощущающего себя независимым, в управляемый объект.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ФАКТОР СМИ В СЕТЕВОЙ ВОЙНЕ

Центр однополярной глобализации — США — одновременно центр цивилизации моря, атлантизма, т.е. однополярная глобализация направлена против Евразии, если оперировать терминами гео-

политики. Один из главных признаков успешности процесса глобализации – открытость доступа к информации, свободная передача информации, перемещение которой ничем не ограничено, глобальная система контроля над производством и передачей информации. В свою очередь информация – основа формирования среды для ведения сетевых войн. Интеграция в единое (глобальное) информационное пространство есть вхождение в поле ведения сетевых войн, либо в качестве субъекта, либо в качестве объекта, т.е., по сути, подключение к глобальной сети. С этого момента управление подключённым сегментом со стороны глобального центра становится делом техники.

СМИ – видимая, проявленная сторона информационных потоков, вершина айсберга. В подключённом к глобальной сети пространстве СМИ становятся интерфейсом между центрами принятия решений и массами.

Посредством СМИ производство и передача информации становятся управляемым процессом с граничными условиями и конкретными целями. Нечто подобное мы наблюдали в России 90-х, с момента распада СССР до момента прихода Путина, который отключил российские СМИ от глобальной сети, чем вызвал нескрываемое раздражение у её архитекторов. Вместе с тем подключёнными к ней всё ещё остаётся львиная доля сетевых интернет-СМИ.

В ситуации однополярной глобализации контроль за производством и передачей информации осуществляется единым центром – США. Они же являются заказчиком сетевых процессов прокачки информации, с учётом геополитического противостояния – сетевые процессы в глобальном мире происходят в интересах США. По факту на сегодня единое (глобальное) информационное (сетевое) пространство есть поле реализации интересов

США против интересов Евразии. Открытые СМИ в таком пространстве вольно или невольно становятся инструментом атлантизма. «Закрытые» же СМИ перестают быть конкурентоспособными. Их статус маргинализируется, влияние сходит на нет. На сегодня «открытые», интегрированные в глобальное информационное пространство СМИ – это в основном сетевые СМИ. Бумажные СМИ могут быть как открытыми, так и закрытыми, но их легче «закрыть», чем электронные.

СМИ как интерфейс между центром формирования информации и обществом являются инструментом ведения сетевых войн. «Закрытые» СМИ используют, как правило, лобовое навязывание информации – пропаганду, – что малоэффективно. Открытые СМИ практикуют контекстное навязывание информации. В условиях однополярного мира это означает навязывание глобальной (американоцентричной) системы ценностей. Результат – формирование общественной среды, необходимого контекста для принятия сетевых процессов, их легитимации в обществе, перепрошитом иными смыслами.

Наложение геополитического фактора на сетевой свидетельствует о том, что речь идёт именно о войне. Сетевые военные структуры де факто включены в контур санитарного кордона, опоясывающего Евразию, – они направлены на растворение континентальной ментальности, разложение её изнутри.

СЕТЕВЫЕ ВЫЗОВЫ И СЕТЕВЫЕ ОТВЕТЫ

Следует признать, что на сегодня нет больше логичных и рациональных объяснений происходящих глобальных процессов, связанных с падением политических режимов и установлением западной либеральной модели

социального устройства. Потому что мы имеем дело с *сетевым обществом*, которое сформировалось в контексте постмодерна. Это совершенно новая эпоха, новое явление, новая методика, и никакими старыми методами бороться с ним не получится. В этой связи даже самое архаичное общество, подключённое к сети, после прокочки по нему постмодернистских смысловых кодов – меняет свою идентичность и быстро или медленно, но реструктуризируется из иерархичного в сетевое. Вслед за этим следует смена приоритетов и затребованность нового формата управления, следующего из изменившейся модели восприятия реальности.

По сути, мы оказываемся бессильны перед волной, цунами бесконечных революций, сыплющихся режимов со своим нагромождением неких логичных материальных, рациональных объяснений в качестве заслона. Эта волна сносит всё на своём пути, и движется она в нашу сторону.

Если уже сейчас, в течение ближайшего оставленного нам небольшого исторического отрезка времени, не пересмотреть парадигмальные подходы к формированию ответов новым вызовам, мы окажемся сметёнными этой самой волной. Вместе со всем набором конспирологических объяснений. Нас разрушает хаотичная – внешне, для рационального сознания – сеть, находящаяся *внутри* нашего общества, активируемая путём вброса сюда неких смысловых формул, деструктивных мемов, квантов информации. Эта сеть поглощает данное «топливо» и начинает функционировать как самонастраивающаяся, самосинхронизирующаяся система в заданном направлении, пусть даже представляя собой внешне абсолютный хаос и непредсказуемость.

Система госуправления традиционного, иерархичного наци-

онального государства – модерн, вертикаль (индустриальная эпоха), административно-командная модель управления – уязвима перед сетевым вызовом по определению. В таком обществе открытые СМИ – бесконтрольны (атлантистски ориентированы, враждебны) и являются элементами сетей. Закрытые – неэффективны, неконкурентоспособны. На их фоне общественные организации, НПО (оперирующие в контексте постмодерна и сформированные по сетевому принципу), – более конкурентны, эффективны (динамика, синхронизация) и технологичны. Формально война идёт не между государствами, а между НПО, НКО, СМИ, фондами и другими сетевыми структурами со стороны США и государством-жертвой – с другой стороны. Сетевые структуры – вызов государственности, целостности и суверенитету.

С учётом всего изложенного следует признать: сетевые вызовы требуют сетевых же ответов. Изучение основ геополитики и ведения сетевых войн становится необходимостью при формировании ответных сетевых стратегий сопротивления однополярной глобализации. Необходимо осознать всю опасность описываемого явления, его абсолютную неустойчивость для господствующего рудиментарного типа сознания. Необходимо не то чтобы выработать какие-то ответные технологии, а вообще **переосмыслить сам подход** к складывающейся на наших глазах структуре общества. Пора перестать пользоваться клише, устаревшими моделями – сетевое мышление, сетевой код нового общества, спровоцированный и инициированный контекстом постмодерна, в котором мы реально находимся, подразумевает совершенно иные ответы. На их атлантистские сети, в основе которых лежат симулякры постмодерна, мы должны ответить созданием своей, евразийской, сети, с идеологией,

традицией и вековой историей народов Евразии в своём основании. Сетевые войны уже стали отправной точкой финальной битвы конца времён, и здесь мы должны быть во всеоружии.

Формально война идёт не между государствами, а между НПО, НКО, СМИ, фондами и другими сетевыми структурами со стороны США и государством-жертвой – с другой стороны.

/ Александр ПРОХАНОВ /

Иллюстрации: Фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре

Ликующий корабль

Я испытал удивительное чувство, драгоценное переживание. Я увидел диво, и это диво приняло меня, окружило любовью и светом, наполнило небывалым вдохновением.

Я плыл на теплоходе из Нижнего Новгорода по Волге по бескрайним разливам, озёрам, каналам, северным полноводным рекам. Это плавание снарядило Александро-Невское братство: предприниматели России, Белоруссии, Украины, священники и монахи, русские мыслители и художники. Этот ковчег, плывший среди негасимых зорь, белых волшебных ночей, среди соловьиных свистов, долетавших из окрестных лесов, собрал в себя множество русских людей. Здесь был командир атомной подводной лодки, Герой России, бороздивший океанские пучины. Были лётчики, облетевшие на могучих самолётах весь земной шар. Были знатоки и толкователи церковно-славянского языка. Архитекторы, исповедующие в зодчестве русский стиль. Были врачи, экономисты, певцы. В Александро-Невском братстве нашли своё место посланцы Изборского клуба: писатель Юрий Поляков, культуролог Олег Платонов, священник отец Александр Миняйло и я, грешный.

На одной палубе пели и танцевали детские ансамбли. На другой проходили научные симпозиумы, посвящённые национальной экономике. На третьей палубе слушали выступления писателя и философа, исповедующих русскую мысль.

Молились перед трапезами и на сон грядущий. Славили Христа, когда мимо проплывали белоснежные храмы. Беседовали задушевно о родном, о сердечном, о русском. Пели песни времён великой войны и русские романсы Глинки. Это собрание людей было удивительным. Они сошлись вместе не для того, чтобы построить могучую хитроумную машину. Не для того, чтобы сообща заработать деньги. Не для того, чтобы повеселиться и позабавиться всласть. А собрались для того, чтобы просто быть вместе, оказаться среди добрых, светлых, верящих и любящих людей. Увидеть себе подобных, одолеть оди-

ночество или отчуждённость в грозном, часто враждебном мире, где для того, чтобы выжить, необходимо непрерывно сражаться, обгонять друг друга, обижать и угнетать ближнего.

Все, кто был на корабле, сложились в братство. Соединились в доброте и свете, увидев в каждом неповторимую душу, открытую в искренности и любви. И казалось, на этом ковчеге незримо среди радуг, тихих дождей и негасимого света присутствует Христос. И люди оглядывались, чтобы увидеть его, и находили — в глазах другого человека, ближнего своего, друга и брата.

Хвала петербургскому предпринимателю Борису Борисовичу Сергуненкову, который всю прибыль от своих многотрудных дел уже который год тратит на эти странствия, чудесному организатору и ревнителю. Слава монаху Александро-Невской лавры отцу Прокопию, лучистому и светящемуся, озарявшему наше плавание.

Наше странствие напоминало крестный ход по водам. Александр Невский в своём серебряном шлеме и в сияющей кольчуге шёл по речной глади впереди корабля, как духовный кормчий, увлекая ковчег в Святую Русь. Мне было странно и восхитительно. Все годы я жил в ожесточении, в непрерывной схватке, пребывая в дрящемся десятилетия интеллектуальном сражении. Привык

Наше странствие напоминало крестный ход по водам. Александр Невский в своём серебряном шлеме и в сияющей кольчуге шёл по речной глади впереди корабля, как духовный кормчий, увлекая ковчег в Святую Русь.

Никто и ничто не вызывало во мне протеста или отчуждения. Я понимал людей с полуслова, как и они понимали меня. У нас была одна душа, один разум, один опыт любви и постижения Родины.

делить людей на своих и чужих, видя, как много вокруг недругов, желающих зла моей Родине, попирающих мои святыни и ценности. А здесь, на корабле, я вдруг ощутил удивительную свободу и свежесть, какая бывает лишь в наивном солнечном детстве. Никто и ничто не вызывало во мне протеста или отчуждения. Я понимал людей с полуслова, как и они понимали меня.

***Святая Русь — не миф, не воспоминание.
Святая Русь — это душа русского человека,
это то, что никогда не исчезало на этих
полях и водах, среди этих гор и лесов.
Что переносилось из огня в огонь, из пожара
в пожар русскими святыми и праведниками.
Сберегало мессианский русский народ
как вместительница божественных смыслов.***

У нас была одна душа, один разум, один опыт любви и постижения Родины.

Мы вместе, сойдя с корабля, поднимались на травяную гору, где высилась громада Кирилло-Белозерского монастыря, на службе в храме слушали аскетические песнопения Кирилло-Белозерских монахов. Мы стояли в храме Феррапонтова монастыря, окружённые фресками божественного Дионисия. И Никола из купола апсиды спокойно и твёрдо смотрел на нас, научая ничего не бояться. И Богородица, писанная кистью дивного художника, накрывала нас своим защитным пологом. И ангел Бурекрыл делал нас храбрыми и бесстрашными воинами.

Это братство, этот сложившийся русский мир — знамение наших дней. Такие русские сообщества, кружки, общины множатся по всей России. Это гнёзда, в которых созревает и нарастает русское будущее. Кажется, что на Русь прилетели волшеб-

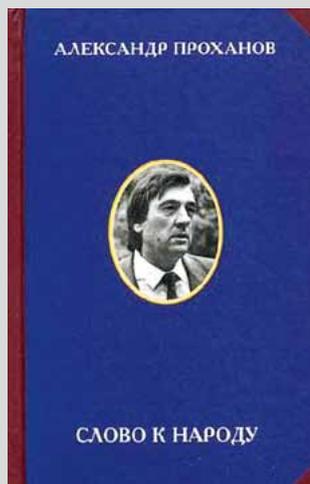
ные птицы и повсюду свивают гнёзда. Не это ли чудо? Не это ли проявление божественной воли, которая выводит Родину из очередной крошечной бездны, собирая под своим покровом русских людей? Превращает горемык в неустанных тружеников, делает из унылых плакальщиков неутомимых созидателей.

Святая Русь — не миф, не воспоминание. Святая Русь — это душа русского человека, в которой никогда, даже в самые тёмные дни не умирали райские смыслы, стремление к идеальному бытию, где нет болезней, печалей, а вечный свет и бессмертие. Святая Русь облакалась в архитектурные формы, превращаясь в райский град, божественный храм, в неповторимое архитектурное

чудо. Святая Русь пребывала в душе мученика, расцветая среди истязаний и мук дивной райской розой. Святая Русь — это то, что никогда не исчезало на этих полях и водах, среди этих гор и лесов. Что переносилось из огня в огонь, из пожара в пожар русскими святыми и праведниками. Сберегало мессианский русский народ как вместилище божественных смыслов.

Так плыли мы среди огненных дней и белых ночей, пока не открылся нам блистательный имперский Петербург со своими дворцами и храмами. И в этом великом имперском городе в Александро-Невской лавре мы отслужили молебен и расстались, чтобы больше никогда не разлучаться.

Александр ПРОХАНОВ.

Слово к народу / Составитель и отв. ред. О.А. Платонов / Предисловие В.Г. Бондаренко. —

М.: *Институт русской цивилизации, Родная страна*, 2013. — 896 с.

Главная идея Проханова — идея государства. Все его герои — государственники. Ядро его идеологии — спасти русский народ ныне и во веки веков может только мощное, созидающее государство.

В книге, вышедшей в серии «Русское сопротивление» Института русской цивилизации, публикуются главные идеологические труды выдающегося русского писателя и политического деятеля. Здесь и воззвания, составленные Прохановым или при его участии. Здесь и беседы, которые он вёл со своими замечательными современниками. Здесь, наконец, и внушительная подборка его политических

статей в газетах «День» и «Завтра», острота и аромат которых видны из одних только названий, таких как: «Гитлер и Бандера в гостях у Ельцина», «Наздратенко, будь Лукашенко!», «Власть пинцетом не берут», «Битва гигантов сливного бачка», «Куриный след ноги Ельцина», «Психиатр президента сошел с ума», «Лебедь выключает глаза России», «В Ельцине гарпун, но он жив», «Гусинский качает помпу антисемитизма», «Почему у Сванидзе губки свастики?».

«Слово к народу» — книга писателя-гражданина, яркий личностный документ несломленного русского духа, противостоящего Смуте и саморазрушению.

Николай СТАРИКОВ.

Сталин. Вспоминаем вместе. —

СПб.: *Питер*, 2013. — 416 с.

Книга известного писателя, основанная на воспоминаниях современников и соратников Сталина, документах и исторических фактах, поможет найти ответы на такие вопросы, как:

Был ли Сталин деспотом в отношении со своими соратниками и подчинёнными?

Действительно ли Сталин своим неумелым руководством мешал воевать нашей армии?

Чем были вызваны репрессии в предвоенный период?

Почему сталинские речи, касающиеся геополитики, звучат сегодня очень актуально?

Почему современники считали Сталина очень остроумным человеком?

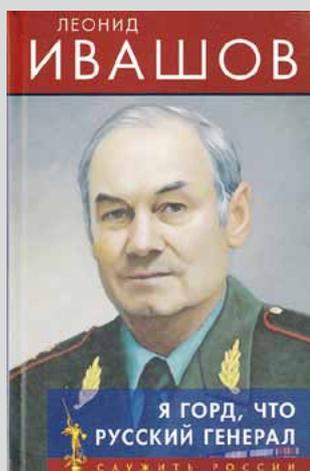
Почему Сталин любил писателя Михаила Булгакова и не любил поэта Демьяна Бедного?

За что Никита Хрущев ненавидел Сталина?

Почему в первые месяцы войны «союзники» присылали в СССР слова сочувствия, а не танки и самолеты?

Эта книга поможет разобраться в сложной исторической эпохе и в не менее сложной личности И.В. Сталина. Его биография, в контексте реальных исторических событий, даёт понимание мотивов его поступков.

Автор немало внимания уделяет такой важной теме, как фальсификация исторических фактов, осуществлявшаяся недругами Сталина после его смерти и пропагандистами-десталинизаторами в поздний советский и постсоветский периоды.

Леонид ИВАШОВ.

Я горд, что русский генерал. —

М.: *Книжный мир*, 2013. — 416 с.

В книге генерала Ивашова — та правда, которую не говорят с экранов ТВ, которую не пишут ни официальные, ни так называемые «оппозиционные» либеральные СМИ. Правда, которая никого не может оставить равнодушным. В первом разделе книги —

материалы, связанные с его выдвижением в 2011 году кандидатом в президенты РФ. (Тогда это выдвижение вызвало шок в госдепе США, вслед за чем закрутился огромный механизм американского влияния, чтобы нейтрализовать Ивашова.)

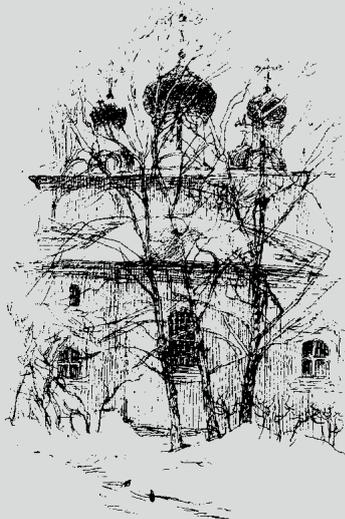

В других разделах книги — беседы, интервью, аналитические статьи Ивашова последних лет, в которых высвечиваются три всеобъемлющие проблемы: военная безопасность в контексте национальной безопасности страны, стратегические перспективы России, геополитическое место и значение нашей державы. Автор нашёл свои ответы на многие волнующие

людей вопросы современной политики и идеологии.

Леонид Ивашов не только боевой генерал, ученый-аналитик, президент Академии геополитических проблем. Он настоящий поэт. Его статьи и интервью в книге перемежаются стихами, одна строчка из которых дала название и всей книге.

Архимандрит ТИХОН (ШЕВКУНОВ). «Несвятые святые» и другие рассказы. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2013. — 552 с.

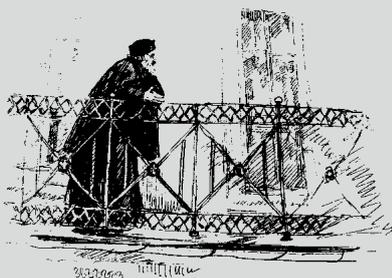
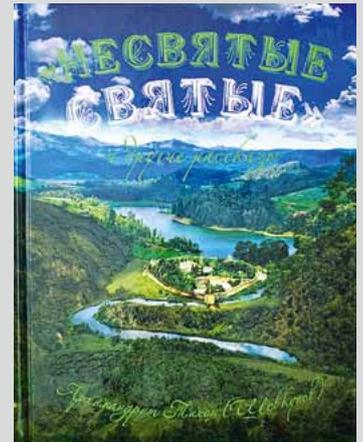
Об этой книге говорят охранники офисов и продавцы супермаркетов. Для многих она стала переломной в их отношении к православию — вчера скептики, читатели «Несвятых святых» сегодня все сердечнее и внимательнее всматриваются в Церковь, в её тайны и таинства.

Эта книга, вышедшая в свет в 2011 году, выдержала шесть переизданий и переведена на множество языков. За эту книгу её автор получил несколько престижных премий. Её называют современным патериком, с нею связывают рождение нового литературного жанра — монастырской

прозы. Сам архимандрит Тихон не считает свой сборник патериком — и действительно, диапазон слишком велик: от мистических житийных сюжетов к самым настоящим анекдотам из жизни. Талант рассказчика, сочетание глубинной духовной серьёзности с искрометным юмором — всё это отец Тихон являет в личном общении, в проповедях и лекциях. Здесь же этот талант вышел на суд огромной читательской аудитории — и покорила её.

В 2013 году издан на данный момент последний, дополненный и исправленный, вариант православного бестселлера — на этот раз в формате подарочного издания. Именно его журнал «Изборский клуб» и представляет сегодня читателю.

Подарочное издание сделано с большой любовью и вкусом: тщательно подобранная графика и фотоиллюстрации, обилие портретов и разноцветных заставок делают книгу не только носителем увлекательнейшего текста, но и произведением книжно-издательского искусства. Подобный подарок может стать дорогим и важным для верующих и ценителей творчества отца Тихона (Шевкунова), а также для многих незнакомых с этим творчеством людей, в том числе и мало знакомых с церковной жизнью.

Изборский клуб во время посещения биогазовой электростанции в Белгородской области.

Знаменитый Аркаим.

Хронология мероприятий клуба

13 июня 2013 года

В Изборском клубе состоялся круглый стол «**Цивилизационная миссия России: Наследие предков и Новый миф**». На круглом столе выступили как члены, так и гости клуба, в том числе исследователи — представители «альтернативных» строго академической науке направлений в разных областях знания. Речь шла о новых технологиях, о поиске адекватной современной ситуации методологии в науке, образовании, практиках мировоззрения и метафизики.

19–22 июня 2013 года

Александр Проханов побывал на Южном Урале. В Челябинске, легендарном «Танкограде», он встретился со своими читателями, представителями местных политических сил, студенчества, интеллигенции. Писатель посетил «ЧТЗ-Уралтрак», Челябинский государственный университет, имел продолжительное общение с митрополитом Челябинским и Златоустовским Феофаном. Следующим важным пунктом поездки стал Аркаим, место древнейших городов, «колыбели европейских

народов». В интервью «Комсомольской правде» Проханов сказал: *«Достославная Европа с их центрами цивилизации — не более чем периферия Южного Урала. Берлин, Лондон, Париж — это жалкие окраины Челябинска! И я еду в Аркаим для того, чтобы напитаться его духом. Посмотреть на все эти деяния древних. Мне это нужно для романа, который я задумал».*

1–2 июля 2013 года

Изборский клуб совершил интенсивную и содержательную поездку в Белгородскую область. В составе делегации: **Александр Проханов, Михаил Леонтьев, Максим Шевченко, Виталий Аверьянов, Михаил Делягин, Максим Калашников, Александр Нагорный, Александр Нотин, Сергей Черняховский, Валерий Коровин** и другие эксперты. Среди тем, обсуждавшихся на Белгородчине, — «Солидарное общество», «Продовольственная безопасность», проблемы макроэкономической стратегии России и др.

Посещение «земли Белогорья», его городов, крупнейших предприятий, таких как «Агро-Белогорье», «Приско-

лье», Лебединский ГОК и др., величественного мемориала на Прохоровском поле, общение с губернатором Евгением Савченко произвели на изборцев сильное впечатление (их отзывы о поездке читайте в газете «Завтра», № 29 от 18.07.2013). Итоги визита в Белгород будут публиковаться также в ближайшем выпуске нашего журнала.

2 июля 2013 года

В Москве состоялась встреча представителей Изборского клуба **Александра Проханова, Александра Дугина, Шамиля Султанова** с президентом Ирана **Махмудом Ахмадинежадом**. Читайте репортаж об этой встрече в настоящем номере (стр. 2).

4 июля 2013 года

Информационно-аналитический центр «**Копье Пересвета**» начал работу над серией экспертных докладов. Параллельно в газете «Завтра» (в № 27 и 29) центр начинает публикацию аналитических комментариев по текущей повестке дня. О целях и значении этой работы читайте материал в настоящем номере (стр. 42).

Татьяна ГЛУШКОВА Поэзия последнего срока

Татьяна Михайловна Глушкова (21.12.1939–22.04.2001) родилась в Киеве. Окончила в 1965 году Литературный институт имени А.М. Горького. Первый сборник стихов «Белая улица» выпустила в 1971 году. Затем были «Выход к морю», «Разлуки нет» (обе — 1981) и другие книги. Широкую известность принёс роман в стихах «Грибоедов». И всё-таки главной её книгой стала книга стихов «Всю смерть поправ...» о трагических днях октября 1993 года.

Татьяна Глушкова не пожелала жить на «лоскуте державы». Она не стала пытаться переделать себя для иной России, обрести новое дыхание в поэзии третьего тысячелетия. Предпочла остаться в великом и трагическом XX веке. Все ее споры с бывшими друзьями были предельно искренни, ибо она и от них ждала той же литературы последнего срока, тех же последних, завершающих слов, которыми жила последние годы, которые выговаривала, выкрикивала, ждала апокалиптических видений, ждала непримиримости к разрушителям Родины и, не дождавшись, отвернулась от них. Со своей точки зрения она была абсолютно права. Она, как верный воин языческих времён, пожелала быть погребённой вместе со своим Властелином, имя которому — Советская держава. Прежде всего допев ему свою великую Песнь. Песнь о Великой державе, о Великом времени.

После написания стихов об ушедшей Родине Татьяну Глушкову уже мало что связывало с жизнью. И потому для меня было естественно, что Татьяна Михайловна Глушкова ушла в мир иной как бы внезапно, уйдя вослед своему XX веку. «И за гробом ступая, / в память обо мне, / играйте, люди, об огромной, / непокоряемой стране!» Вот этой огромной и непокоряемой стране отдала все последние силы Татьяна

на Глушкова. Поэт милостию Божьей. Трагический лирик. Может быть, впервые после Анны Ахматовой в том же XX, трагическом, окаянном и великом веке Татьяна Глушкова успешно преодолела путь от любовной трагической лирики до высот народного трагизма. От пронзительного любовного «я» до эпического грозного «мы». Обрела народный слух в своих стихах...

Я уверен, в русской поэзии Татьяна Глушкова останется, прежде всего, своими предельными, одинокими, разлучными стихами о трагедии любви, написанными в основном в семидесятые годы, и поздними гражданскими стихами редкой силы напряжения, осознаваемой ею поэзии последнего срока.

Конечно же унижением России был унижен и Христос. Уничтожением Державы нанесли осознанный удар по всему истинно христианскому миру. Ибо и в горестях своих державных, и в трагедиях больших и малых, и в присущих нам слабостях и пороках, даже в богоборчестве своём, несли мы все семьдесят с лишним лет советской власти и некий крест служения добру и противостояния злу, наживе и алчности.

Мы знаем равновеликую красную и белую классику, значит, и там, и там — было величие идей. Была красота и правда. Был цветаевский «Лебединый стан», и были «Двенадцать» Блока. А что противопоставить глушковским строчкам из стихотворения «Горит Дом Советов»?

Этими трагически-величавыми стихами Татьяна Глушкова завершила не только свою судьбу, но и поэзию XX века. Она воздвигла свой памятник своему ушедшему вместе с ней народу.

Владимир БОНДАРЕНКО

Поэзия Татьяны Глушковой

ВОЗДВИЖЕНЬЕ

Всё так же своды безмятежно-сини.
Сентябрь. Креста Господня торжество.
Но был весь мир провинцией России,
теперь она — провинция его...

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЛИТУРГИЯ

Брюлловские, тропининские лица —
Богохранимы женщины Москвы,
Красавицы, пришедшие молиться,
Святых Даров соборно причаститься, —
Где вас таила блудная столица,
В каком подполье прозябали вы,
Покуда глас не вспыхнул: «Да святится...» —
И заспешили в Вифлеем волхвы?..

Когда красавицей была,
Когда душой твоей владела,
Когда оливковое тело,
Как будто душу берегла;
когда черемуха мела
по голубому Подмосквью;
когда бессмертною любовью
любовь умершую звала;
когда берёза, как сестра,
под ветром примеряла серьги,
а там, у чернышевской церкви,
всходили нежно клевера;
когда широкие леса
кукушка гулко окликала, —
я никого не узнавала,
а только шла на голоса
и только думала: продлись,
земли сырой родное счастье,
а вы, нивянки, разукрасьте
за речкой даль, за речкой близь,
а ты, пшеница, колосись
по обе стороны дороги,
а вы повремените сроки
прощанья — длительностью в жизнь!
И ты, кого ещё люблю,
и ты, кого ещё лелею,
поберегись: казною всюю
еще заплатишь соловью,
заплатишь знобким вечерам,
моим бузинникам горячим
и тем заносчивым, незрячим,

тобой не читанным словам,
какие в книжицу мою
весна московская вписала, —
когда красавицей слыла,
когда разлучницей бывала!
Когда ступала золотым
лужком удушливой сурепки...
А после — веточки да щепки,
и эта гарь, и этот дым,
А после — только черепки
той виноградной полной чаши,
в которой смех и слезы наши
ещё горят среди строки,
ещё уводят за село,
ещё сажают под окошко,
где бродит горькая гармошка
и всю-то ноченьку светло!

«НАВЕКИ ПРЕСНЯ КРАСНАЯ КРАСНА...»

Ещё встает за окнами рассвет,
ещё струится осень золотая.
Но нет Москвы. А есть — воронья стая
над стогнами страны, которой нет.

Над выщербленным Зданием Беды,
какое быть желало «Белым домом» —
лакейским флигельком под Вашингтоном,
куда ведут кровавые следы.

И над моей оглохшей головой,
когда дремлю, когда встаю до света,
и вижу: труп плывет у парапета,
отторгнутый речною глубиной.

Ни в воду вы не спрячете концы,
ни в грудь земли, ни в хляби небосвода...
Бредёт в остром рубище Свобода,
ведёт коня слепого под уздцы.

Тоша, как Смерть, как чёрная вдова.
А следом — гулко катится телега...
Не убраны в полях разливы хлеба.
Не убраны тела до Покрова.

И слышу: танки валкие гремят
по старой Пресне — точно по Берлину!..
Нас гнут в дугу. А мы расправим спину.
Священным гневом горизонт объят.

Навеки Пресня Красная красна.
Навеки чёрен этот ворон чёрный,
что кружится над Родиной просторной
и над душой — как Спас нерукотворный,
что плачет, страждет, мечется без сна...

Навеки Пресня Красная красна!

Октябрь 1993 года

ЧАС БЕЛОВЕЖЬЯ

Когда не стало Родины моей,
я ничего об этом не слыхала:
так, Богом бережённая, хворала! —
чтоб не было мне горше и больней...

Когда не стало Родины моей,
я там была, где ни крупницы света:
заслонена, отторгнута, отпета —
иль сожжена до пепельных углей.

Когда не стало Родины моей,
я шла тропюю к Неземной Отчизне.
Но даже там, как на горючей тризне,
не пел волоколамский соловей...

Когда не стало Родины моей,
в ворота ада я тогда стучала:
возьми меня!.. А только бы восстала
страна моя из немощи своей.

Когда не стало Родины моей,
воспряла Смерть во всем подлунном мире,
рукой костлявой на железной лире
бряцая песнь раздора и цепей.

Когда не стало Родины моей,
Тот, кто явился к нам из Назарета,
осиротел не менее поэта
последних сроков Родины моей.

ТРЕТИЙ РИМ

В нашем Третьем Риме
(а Четвертому —
кто не знает? —
на земле не бывать!)
по воскресеньям
добрые нэпманы от демократии
кормят бесплатным обедом
нищих
ветеранов войны.

Той самой,
доисторической,
которую звали
Великой
Отечественной
войной,
поскольку было Отечество
и у живых,
и у мертвых.

Если подумать об этом —
об обеде из трех блюд,
с теплым мутным компотом
из сушеных,
уже безымянных
фруктов;
если подумать
о нищих спасителях Родины,
спешащих,
старчески волочащих
полвека тому
простреленные ноги, —
чтобы поспеть
к часу благоденья;
если подумать о том,
что, уходя
восвояси, —
есть эти норы-свояси
в катакомбах-руинах Рима? —
что, уходя,
они — Господи, слышишь ли это? —
благодарят
кормильцев, —

то уже ничего не рифмуется,
ничего не звучит
(даже пыльного марша
громовых духовых
не слышать),
потому что смолкают музы,
когда умолкают
пушки.

ГЕНЕРАЛИССИМУС

Он не для вас, он для Шекспира,
для Пушкина, Карамзина,
былой властитель полумира,
чья сыть, чья мантия — красна...

Чей белый китель так сверкает,
как в небе облачко — в тот час,
когда Спаситель воскресает
и смотрит ласково на нас...

И вот уже отверсты храмы,
и Лета Многая поют
тому, чья смерть — не за горами,
кого предательски убьют.

И он, пожав земную славу,
один придя на Страшный Суд,
попросит: «В ад!..
Мою державу
туда стервятники несут...»

* * *

А та земля, в которую сойду,
которая в наследство мне досталась,
уже металась в пламенном бреду -
как будто вдруг к щеке моей прижалась...
Как будто этих пожелтевших рук
она ждала с заката до восхода,
как будто этот неутешный звук
сулит ей дождь иль солнце с небосвода.
Сулит колосья, полные зерна,
скоту - приплод, а девушке - обнову,
огонь в окне, и тени у окна,
и чью-то верность молвленному слову.
И чью-то разделенную любовь,
и кем-то сокрушенную разлуку,
и путнику - уже нежданный кров,
и грешнику - как раз по силам муку.
Сулит весну - и талый чернозем,
и эту жалость нежную к отчизне,
и все, что мы опасливо зовем
не смертью, нет, но продолженьем жизни.

Г. К.

Просохнет кровь. Отступят злые беды.
Как лес, взлетят фанфары, золотясь.
По Лучшей Площади пройдёт Парад Победы —
как в прежний раз. Как в незабвенный раз.

То будет день пасхальный, Красной Горки
иль Троицы... Поутру... По весне...
Как маршал Жуков, сам Святой Георгий
проскачет на танцующем коне.

И у Кремля заплещутся сирени,
смывая прах поверженных знамен.
А мы, — не плачь, — мы будем только тени,
из Смутных залетевшие времён...

23 ноября 1993 года

ПОСТОЯННЫЕ ЧЛЕНЫ ИЗБОРСКОГО КЛУБА

Александр ПРОХАНОВ,
председатель

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
исполнительный секретарь

Александр НАГОРНЫЙ,
исполнительный секретарь

Александр АГЕЕВ

Жорес АЛФЕРОВ

Сергей БАТЧИКОВ

Сергей ГЛАЗЬЕВ

Михаил ДЕЛЯГИН

Александр ДУГИН

Леонид ИВАШОВ

Максим КАЛАШНИКОВ

Андрей КОБЯКОВ

Валерий КОРОВИН

Юрий ЛАСТОЧКИН

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ

Александр НОТИН

Владимир ОВЧИНСКИЙ

Олег ПЛАТОНОВ

Юрий ПОЛЯКОВ

Олег РОЗАНОВ

Василий СИМЧЕРА

Николай СТАРИКОВ

Шамиль СУЛТАНОВ

Андрей ФУРСОВ

Михаил ХАЗИН

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ

архимандрит ТИХОН (Шевкунов)

Максим ШЕВЧЕНКО

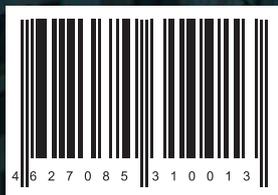
Владислав ШУРЫГИН

«Я список кораблей прочёл до середины»

Пластмассовый герой

Индустрия миражей

4 6 2 7 0 8 5 3 1 0 0 1 3